

Ха Кхань Линь
**ДЕВУШКА
ИЗ БАРА**

Hà Khánh Linh
T H U Y

Ha-Nội, 1973

Ха Кхань Линь

**ДЕВУШКА
ИЗ БАРА**

РОМАН

Перевод с вьетнамского

Перевод И. И. ГЛЕБОВОЙ

Предисловие М. М. ИЛЬИНСКОГО

Первый роман молодой южновьетнамской писательницы рисует драматическую судьбу шестнадцатилетней девушки Тхюи, которая включается в народную борьбу против американских агрессоров и их сайгонских марионеток. В книге широко показаны различные социальные слои, передана атмосфера перемен, приближающихся решительных сдвигов в жизни Южного Вьетнама накануне победы патриотических сил,

© Предисловие и перевод на русский язык «Прогресс», 1977

Ж $\frac{70304-589}{006(01)-77}$ 105-77

«Цветок, обращенный к солнцу»

Лишь основательно порывшись в архивах цензуры, которая свирепствовала во времена марионеточного режима, можно воссоздать картину литературной жизни в городах Южного Вьетнама, находившихся под пятой сайгонской администрации, — считают многие вьетнамские литературоведы. «Написав фразу, излив на бумаге сокровенное, — сетовал несколько лет назад сайгонский интеллигент, — с беспокойством перечитываешь написанное и думаешь, что все это не пропустит цензура. Поэтому писатель почти никогда не имеет возможности высказать то, что у него на душе».

Атмосфера страха порождала ретивых продажных писак, носивших мундиры сайгонского управления «психологической войны» и с верноподданническим усердием украшавших свои романы «глубокомысленными» эпитафиями из речей марионеточных правителей. Но были, к чести творческой интеллигенции Южного Вьетнама, и такие писатели, которые считали непреложным долгом говорить правду о судьбах своего народа и своей страны. Радикальная общественная позиция, пламенный патриотизм привели многих из них в ряды борцов за освобождение родины. Они внесли свой вклад в формирование литературы освободительной борьбы. В их числе и автор романа «Девушка из бара» (1973) — молодая писательница Ха Кхань Линь, которая превосходно, до тонкостей знает жизнь городов вьетнамского Юга при американо-сайгонском режиме — ведь ей самой приходилось жить в их тяжелой, отравленной атмосфере.

Роман Ха Кхань Линь — одна из немногих пока книг, раскрывающих эту тему, исполненную глубокого и подлинного драматизма. «Издавна мы хотели, более того, мы жаждали узнать, как жили и боролись в последние годы люди южновьетнамских городов, — писала критик Тхьеу Май в журнале «Литературные новинки», издающемся в Ханое. — Благодаря своим обширным знаниям в этой области Ха Кхань Линь в определенной мере удовлетворяет настоящему требованию нашего читателя. Ее роман встретил у нас горячий прием еще тогда, когда отдельные его главы публиковались в наших журналах».

Действительно, крушение проимпериалистического сайгонского режима и поражение американской военной в Южном Вьетнаме — одно из крупнейших событий современности — по-новому осознаются каждым, кто откроет эту первую на русском языке книгу, рассказывающую о том, как созрели силы сопротивления в самой цитадели ныне уже ушедшего в прошлое марионеточного режима, как зрели «гроздь гнева» в душах тех, кого сайгонский диктатор самонадеянно считал своими подданными.

Драматическая судьба героини романа «Девушка из бара» ведет нас то в дом сайгонского капитана-карателя, где работает Тхюи, то в модный магазин вьетнамки по имени Жаклин, то в фешенебельный бар, в компанию «тихих» американцев. Столь характерная для вьетнамской классики тема страданий чистой душой женщины, вынужденной пройти через позор и унижения, приобретает новое звучание и новый смысл в условиях недавно закончившейся в Южном Вьетнаме войны.

Тонко и ненавязчиво показывает писательница перемены в сознании Тхюи, которая приходит к решению помогать патриотам в их борьбе, — ее ждет трудная работа разведчицы в самом логове врага, в Дананге.

Дананг выбран основным местом действия романа не случайно. Наряду с Сайгоном этот второй по величине город Южного Вьетнама был средоточием язв и пороков марионеточного режима, лишенного хоть сколько-нибудь значительной социальной опоры и державшегося только с помощью американских штыков.

Более столетия назад французские колонизаторы, оценив исключительно важное военно-географическое расположение города, пытались захватить Дананг. Им потребовалось тридцать лет, чтобы вынудить императора последней вьетнамской династии Нгуенов сдать Дананг в концессию. Так, город, получивший тогда название Туран (Башня над рекой Хан), попал с 1888 года под колониальное господство, которое продолжалось более полувека. После 1954 года Дананг стал пристанищем американо-сайгонской военщины, превратившей его в огромную морскую и военно-воздушную базу. Именно здесь, в Дананге, в марте 1965 года на вьетнамскую землю ступили первые пехотинцы американского экспедиционного корпуса. И как бы по иронии истории отсюда же, из Дананга, восемь лет спустя — в марте 1973 года — эвакуировалось последнее воинское подразделение заокеанских агрессоров.

Действие романа Ха Кхань Линь охватывает главным образом первую половину шестидесятых годов, в нем передана сложная и вместе с тем неповторимая атмосфера, которая царила тогда в городах Юга. А ситуация была переломной и накаленной.

Национальный Фронт Освобождения широко развернул свою борьбу, под ударами народных вооруженных сил освобождения зашатался марионеточный режим: началась сайгонская «чехарда». На «президентском» кресле с конца 1963 года с невероятной быстротой сменяли друг друга генералы, приходившие к власти в результате военных заговоров. Зыонг Ван Миня сменил Нгуен Кхань, это он приезжал в Хюэ, чтобы «урезонить» студентов (эпизод этот описан в романе). Но вскоре, после очередного заговора, Нгуен Кхань вынужден был отправиться во Францию, где занялся делами собственного отеля.

Чтобы спасти агонизирующий режим, США начали печально знаменитую «эскалацию» войны во Вьетнаме. В романе вооруженная борьба патриотов остается как бы за кадром, но и до улиц Дананга доносится отзвук победоносных боев патриотов. Антиамериканское движение широко захватывает города, его участники ищут и находят сторонников даже в среде сайгонского офицерства и чиновничества. Так, например, один из героев романа, подпольщик Винь Ко, носит мундир офицера

сайгонской армии. Известно, что противники марионеточного режима сумели проникнуть даже в ближайшее окружение сайгонских правителей и много сделали для окончательной победы своего народа.

Борьба в каждом из городов Южного Вьетнама разворачивалась в особых условиях. В отличие от Дананга в Хюэ — древней императорской столице Нгуенов, одном из давно сложившихся центров образования (именно там мы впервые встречаемся с героиней романа), — особенно остро разворачивается патриотическая борьба интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи. Здесь проходят массовые демонстрации против насильственной мобилизации в марионеточную армию, здесь особенно широко разворачивается борьба с навязываемым вьетнамскому народу чуждым образом жизни и чуждой культурой.

Сознание пагубности американского вмешательства охватило все слои южновьетнамского общества. «Сейчас нет числа тем, кто ругает американцев. Это и открытые выступления, и туманные намеки. Просмотрите ежедневные газеты — и вы увидите, что некоторые честят американцев от души, другие же только для того, чтобы показать: мол, и они тоже «свои», — писал в то время сайгонский журнал «Энциклопедия» («Батькхоа»).

Описанный в романе эпизод — сожжение студентами так называемого американского культурного центра в Хюэ — реальный исторический факт. Когда разобидевшиеся «добрые» заокеанские дядюшки стали упрекать вьетнамских студентов «в отсутствии культуры», им резонно ответили, что те отбросы культуры, которые янки хотели бы навязать Южному Вьетнаму, вьетнамскому народу не нужны. «Культура» почных баров, «веселых заведений», шумных даунингов так и не привилась в пылканно скромном и сдержанном Хюэ, раскинувшимся по обоим берегам Ароматной реки, где возвышаются древние стены, живописные башни, храмы и палаты знаменитого императорского дворцового города.

Иная ситуация сложилась в Дананге, где расцвела компрадорская буржуазия, где темные дельцы, такие, как владелица бара «Джина» из романа Ха Кхань Линь, наживались на трагедии своего народа и, не надеясь на прочность сайгонского режима, спешили переправить

капиталы в швейцарские банки. Этот «пир во время чумы», наглое сияние роскоши в дни народных бедствий убедительно изображены писательницей.

Выросшие как грибы после дождя бары, дансинги и притоны, предназначенные для увеселения янки и сайгонского воинства, не остались без внимания патриотов, непосредственно связанных с теми, кто в джунглях и горах громил армии оккупантов и их приспешников. Здесь, среди броской, циничной рекламы, в атмосфере, затуманенной винными парами, можно было добыть чрезвычайно необходимую, порою бесценную информацию.

Риск был огромен, а ставкой могла стать жизнь. Чтобы пойти на это, человеку надо было много пережить, передумать, пройти сквозь муки, страдания, подобно юной героине романа.

Подвиг и жертвы вьетнамских патриотов были не напрасны. Мы становимся теперь свидетелями наступления новой эпохи в истории страны, ставшей для всего человечества символом мужества и героизма.

Мне в качестве собственного корреспондента «Известий» довелось стать одним из первых советских людей, побывавших в Дананге буквально через несколько дней после его освобождения народными вооруженными силами.

31 марта 1975 года я просматривал первые еще не смонтированные телевизионные пленки, срочно доставленные из Дананга. Операторы Национального Фронта Освобождения вошли в город вместе с передовыми частями. Перед глазами — знаменитый мост Чинь Минь Тхе через полноводную реку Хан-Дананг и рядом — пожилой человек с флагом Фронта Освобождения. На тротуарах посреди улиц Тханькхе и Хунг Вьонг жители Дананга сжимали в братских объятиях освободителей. На улице Батьданг перед городской мэрией несли караульную службу девушка-ополченка с автоматом через плечо. В нескольких метрах от нее старый рыбак топтал ногами выброшенные из здания портреты диктатора Тхиеу. Из дверей дома выносили папки с архивами и укладывали в грузовик. Возможно, многое расскажут эти документы о преступлениях, которые чинили империалистические агрессоры, сайгонская военищина и администрация кровавого диктатора. Распах-

пулись двери данангской городской тюрьмы. Тысячи политических узников обрели свободу, во имя которой они боролись столь долгие годы.

...Самолет «ЯК-40», песший на борту флаг Временного революционного правительства, шел на посадку.

Неподалеку от океанского побережья с нежно-золотистыми пляжами, у подножия живописной горной гряды Морского облака раскинулся Данангский аэродром — один из самых крупных в Индокитае и Юго-Восточной Азии. Его бетонное полотно толщиной до трех метров принимает самые современные реактивные самолеты. Еще совсем недавно отсюда поднимались «фантомы» и «скайрейдеры». Полотно было готово и для приема стратегических бомбардировщиков «В-52». Десять лет назад отсюда взлетал бывший сайгонский «премьер» — вице-маршал от марионеточной авиации Нгуен Као Ки — для бомбардировок территории ДРВ, ее особого уезда Виньлинь. Ки похвалялся, что сайгонская военница сокрушит национально-освободительное движение на Юге. Оглядывая с воздуха десятки трофейных сайгонских вертолетов и самолетов, которые так и застыли на взлетных полосах, в ангарах и капопирах, я невольно вспомнил об этих широковещательных заявлениях сайгонского вояки.

Вот и бетонное полотно. Еще не стерты на аэродроме прежние указатели, оставшиеся от времен сайгонского режима: «Эскадрилья № 233», а рядом — уткнувшийся носом в землю, беспомощно распластаный бомбардировщик. «Дисциплина — сила сайгонской армии». И тут же, под этой надписью на стене офицерского клуба — растоптанный желтый флаг. Говорят, что он был сорван и расстрелян в упор из автомата одним из бывших сайгонских офицеров, который в числе ста с лишним тысяч военных сложил в Дананге оружие и затем выразил желание служить интересам народа.

Я иду по улице, носящей имя национального героя Фан Тю Чиня, с членом народно-революционного комитета Фам Дык Намом. Он рассказывает о том, как 29 марта над зданием городского муниципалитета взметнулось знамя Национального Фронта Освобождения. Его поднял бывший сайгонский капитан медицинской

службы, ныне хирург одной из данангских больниц. После освобождения в здании муниципалитета расположился военно-административный комитет.

— Мы опирались в своей деятельности на рабочий класс Дананга, на прогрессивно-патриотически настроенные слои населения, которые не только приветствовали освобождение города революционными силами, но и приложили большие усилия для нормализации и восстановления мирной жизни.

Буквально через несколько часов после освобождения города из здания муниципалитета поступил первый указ революционной власти о создании военно-административного комитета, который взял в свои руки всю полноту военного, политического и экономического руководства жизнью Дананга. Комитет объявил о том, что, как только в городе нормализуется жизнь, будет создана гражданская народно-революционная администрация. И гражданская власть была создана менее чем через полгода после освобождения Дананга.

Немало важных социальных преобразований было проведено буквально в первые дни после освобождения.

В Дананге был крайне высоким процент безработных, и теперь предстояло трудоустроить каждого, поставить на учет бывших сайгонских военных и чиновников, мобилизовать людей на работу в промышленных предприятиях, привлечь десятки тысяч человек для транспортных служб, бесперебойно поддерживать электро- и водоснабжение. Военно-административным комитетом были составлены срочные программы и планы надежного обеспечения населения продуктами питания, главным образом рисом, учтены земельные площади, долгие годы не знавшие крестьянского плуга и подлежащие восстановлению, налажена деятельность органов здравоохранения, культуры, финансов.

На базе бывших частных торговых предприятий были созданы первые 25 пунктов продажи риса населению — по государственной цене.

Уже на пятнадцатый день после освобождения на Данангском вокзале стали раздаваться гудки отправляющихся в путь паровозов. Железнодорожник Чыонг Ван Тянг, который 29 марта вместе со своими товарища-

ми организовал оборону вокзала и не дал сайгонским солдатам взорвать локомотивы, по несколько раз в день водил составы из Дананга в Каудо и Лапгко.

Конечно, если для моих новых знакомых — члена военно-административного комитета Нама, капитана-медика, железнодорожника Тяна, водителя грузовиков Зунга, текстильщицы Лиен, многих тысяч патриотов — освобождение их родного города было делом всей жизни, то для некоторых категорий данангцев, представлявших местную буржуазию, приход новой власти был шагом в новое, еще для них не понятное.

«Мы всегда стояли вдали от политики. В газетах мы читали и слышали много страшного о Вьетконге (так сайгонская военщина называла армию патриотов. — *М. И.*). На протяжении десятилетий, — рассказывала мне пожилая коммерсантка, жена двоюродного брата бывшего вьетнамского императора Бао Дая, — нам говорили, что, когда придут вьетконговцы, то они спалят дома, лишат нас всего. Сейчас мы видим обратное. Один из моих домов в Дананге я сдавала американцам. Там размещалось консульство США. При поспешном уходе из Дананга они не успели вывезти все документы и сожгли мой дом. Когда же город стал свободным, ни одно здание не было разрушено. Перед бегством из Дананга сайгонские солдаты грабили магазины, избивали людей. Женщинам в те дни появляться на улицах было крайне опасно. После 29 марта в городе не было ни одного случая беспорядков, не было случая, чтобы к кому-либо из коммерсантов народные солдаты отнеслись без уважения. Наш долгий страх сменился спокойствием».

Ее дочь, чье имя и до сих пор свидетельствует о принадлежности к фамилии бывших императоров, девятнадцатилетняя Фьюк, студентка университета Хюэ, познакомила меня с лидерами различных религиозных общин в Дананге. О чем думают эти люди, и каковы их настроения?

Архиепископ католической церкви Нгуен Куанг Сюен рассказал мне о том, как почью с 27 на 28 марта в его квартире раздался звонок, — командующий первой корпусной зоны потребовал от него срочно собрать вещи и эвакуироваться в Сайгон. Пожилой архиепископ отказался покинуть город.

«В Дананге более десяти тысяч католиков. И почти все они остались в городе. Народная власть уже доказала нам свое доброе отношение к верующим, и мы, видя большие и положительные перемены, происходящие в Дананге, начинаем испытывать полное доверие к новым органам власти».

Глава каодаистской общины, насчитывающей в городе не менее 12 тысяч человек, Хо Тан Синь считал, что уход сайгонской военщины стал благом для Дананга. «Мы верим, — подчеркнул он, — что при новой власти иностранные захватчики больше не ступят на нашу землю. За этой властью — будущее».

Я стремился в Дананге побеседовать со многими его жителями, понять их образ мыслей, и с каждой новой встречей понимал, что даже люди, которые в течение десятилетий обрабатывались сайгонской пропагандой и испытали страх перед патриотами, постепенно обретали уверенность в завтрашнем дне, проникались чувством наконец достигнутого мира и спокойствия. Безусловное большинство населения — рабочие, студенты, интеллигенция, мелкие торговцы встретили освобождение города как подлинный приход весны, как расцвет новой свободной жизни.

Рабочие Дананга, непосредственно участвовавшие в восстании, в первые же дни после освобождения создали свои рабочие правления, открыли двери предприятий. Рабочий класс Дананга — это сто тысяч рабочих электростанции, водокачки, речных пристаней, текстильной фабрики, вагоноремонтного депо, многочисленных предприятий при трех аэродромах и четырех портах Дананга. И они — главная опора народной революционной власти. Именно рабочие и студенчество создали отряды помощи военно-административному комитету в деле ликвидации социальных язв, оставленных сайгонским режимом. Революционной власти оказывали большую помощь и местные прогрессивные организации. В одном из бывших баров расположилось данангское отделение Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама. Перед входом в здание под кустом с ярко-красными цветами еще валялись простреленные сайгонские каски...

На бульваре имени Фан Тю Чиня, во дворе дома с памятником этому легендарному герою Вьетнама, бор-

цу за освобождение своей родины, находится центральный городской лицей. Учащиеся приступили к занятиям уже на шестой день после освобождения.

— Мы будем рассказывать детям не только о нашей стране, — говорил мне преподаватель Тиен, — но и о верных друзьях Вьетнама — Советском Союзе, государствах социалистического содружества, одно упоминание о которых всего месяц назад считалось запретным и крамольным.

И я рассказывал об Октябрьской революции, о Москве и Ленинграде, о великой победе над германским фашизмом, о необъятных просторах и богатствах Страны Советов.

Я расставался с преподавателями лицея, когда вечер опускался над городом. Лучи солнца словно вопзались в вершину 639-метровой горы Сонча, подобно каменному мысу, врезавшемуся в море. Затем весь город погрузился в ночь. Вспыхнули неоновые огни отелей «Тихий океан» и «Восток», в прошлом принадлежавших бежавшим китайским буржуа. Красочные рекламы расцветили витрины магазинов на улицах Доклап, Фан Бой Тяу, на бульваре Батъданг. Освещенный автомобильными фарами, вырисовывался силуэт моста Чинь Минь Тхе через реку Хан.

Там я должен был встретиться с моим старым другом — южновьетнамским журналистом и поэтом Чыонг Донгом.

Прощаясь со мной, Донг протянул листок бумаги, исписанный мелким аккуратным почерком. Я прочитал первые строки: «Цветок, обращенный к солнцу...»

— Человек как цветок, — объяснил мне Донг. — Он всегда должен видеть солнце, обращаться и тянуться к нему. Ныне солнце — это революция, свобода, независимость, мир, единство и социализм.

И мне подумалось, что этот поэтический образ как нельзя лучше соответствует духовному облику героини романа Ха Кхань Линь, с ее мужеством и чистотой, с ее мечтой о счастье.

М. Ильинский

Глава I

У Кхиета вошло в привычку перед сном записывать несколько строк в дневнике. На этот раз, закрыв дневник, он не сомкнул глаз до самого рассвета и беспокойно проворочался с боку на бок с половины двенадцатого до четырех утра. Ничего не поделаешь, пришлось подняться и зажечь свет. Перед глазамиплыли и беспорядочно множились круги. Кхиет потянулся к дневнику — небольшой книжице — и почти бессознательно открыл на нужной странице...

«12 апреля 196... 16 часов.

...Спасена девушка пятнадцати с половиной лет.

...Наглоталась слишком много воды. Несчастная жертва...

...Безжалостная власть чистогана и силы! Кто в ответе?»

Кхиет вновь представил себе спасенную им девушку: мертвенно-бледное лицо, широко открытые глаза, с трудом сдерживаемые рыдания.

— ...Я уже не помню, каким был мой отец, хотя мама иногда говорила о нем. Отца не видели с тех пор, как он ушел воевать с французскими колонизаторами. Он так и не вернулся, остался на той стороне¹. Мне тогда не было и шести, а братишка Ты еще не появился на свет. Мама работала прачкой. Братишке не исполнилось и двух с половиной лет, когда пришли за мамой, избili ее на моих глазах, затем забрали в тюрь-

¹ Имеется в виду Северный Вьетнам.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

му. Тогда я посадила на спину братишку Ты и перебралась в дом тетушки Зьеу, двоюродной сестры отца. Потом прошел слух, что мою маму отправили куда-то очень далеко, будто бы на Пуло-Кондор.

— И с тех пор вы ни разу не виделись с матерью?

— Когда мама была еще в тюрьме, мне разрешили навестить ее один раз. Мама наказывала мне приучаться к труду, помогать тетушке растить брата. Как сейчас помню: лицо у нее было опухшее, на волосах запеклась кровь, глаза красные... но она улыбалась. Потом охранник сказал, что вышло время, и вытолкал меня воп. Я плакала, просилась к маме, но меня не пустили. С тех пор я ее больше не видела. Тетушка Зьеу торговала с лотка похлебкой с лапшой и говядиной. Скоро братишка Ты научился рвать траву для свиней¹, стряпать, кормить кур, присматривать за домом... А меня пристроили в семью капитана Хюйена.

Кхиет сосредоточенно нахмурился. На его широком лбу явственно проступили ранние морщины. Он придвинул свой стул поближе к койке, на которой лежала спасенная им девушка, и, положив руки на колени, терпеливо ждал, когда она снова заговорит. Девушка замолчала, тщетно пытаясь скрыть свое смятение.

Кхиет ждал: ему хотелось узнать о ней как можно больше. Нежный овал лица, волосы разметались по больничной подушке... Итак, он уже кое-что знает о ее отце, матери, братишке. Маловато, правда, но и из этого можно сделать некоторые выводы. В конце концов она рассказала довольно подробно о том, как, оставшись без отца и матери, почти семь лет работала в людях. Сколько было пролито слез из-за каждой пиалы риса! Рис, одобренный слезами. Тхюи... так ее зовут...

Кхиет был немало поражен, обнаружив, что в хуленькой руке девушки, которую он вытащил из реки, зажата пластмассовая коробочка. Это был подарок, приготовленный ею для братишки. Подарить не успела... На этот подарок ушли все ее жалкие сбережения, накопленные за долгие годы работы в доме капитана Хюйена. Девушка пятнадцати-шестнадцати лет, считала Тхюи, должна отложить какую-то сумму на всякий

¹ Обычно это несколько видов водяных растений. Их собирают на болотах, на низких заболоченных берегах рек, в прудах.

случай. Недорогие хорошенькие часики, которые она видела на руке хозяйского сына, стали ее заветной мечтой. «У моего братишки Ты рука почти такая же, как у хозяйского сына Вьета... Нет, пожалуй, у Ты рука чуть полнее, и кожа у него посветлее», — размышляла она.

— Я хотела умереть, зачем только меня спасли? — Тхюи снова начала всхлипывать. — Господи, зачем жить, если жизнь — одни мучения? Теперь, после всего, что случилось, мне нельзя появляться в доме тетюшки Зьеу. А жена капитана! Ужас как я ее боюсь! — Тхюи закрыла лицо руками и заплакала навзрыд, потом, немного успокоившись, прошептала: — Сколько раз она выгоняла меня из дому ночью, в холод и дождь.

В комнате дежурного зазвонил звонок. Кхиет торопливо поднялся, ласково сказал:

— Отдыхайте, выздоравливайте, я вас непременно навещу, — и направился к выходу. Мысли о спасенной девушке не выходили у него из головы.

Как нелепо прошла ее юность... в окружении врагов ее отца, ее матери, ее собственных врагов. Это по их милости она оказалась обесчещенной, опозоренной. Решила покончить с собой, еще немного — и ее уже не было бы в живых. В чем ее вина, этой девушки с таким открытым лицом, с большущими черными глазами? Кхиет тысячу раз задавал себе этот вопрос и не находил ответа.

Когда, закончив работу в госпитале, Кхиет шел домой, бездонные вопрошающие глаза девушки чудились ему в листве придорожных деревьев. И вот теперь, открыв дневник, он снова представил себе эти глаза — они словно смотрели на него со странички дневника.

Было еще очень рано, когда Кхиет оделся и вышел на улицу. Однако он не пошел в институт, а решил пройтись по городу, купить лекарства и фрукты. Утренний Хюэ прекрасен, как девочка, которая вот-вот станет девушкой. Чистый свежий воздух напоен благоуханием солнечного утра. Кхиет с наслаждением вдыхал этот воздух, и вдруг он снова помрачнел, вспомнив рассказ девушки. На ее теле он видел полосы от ударов плетью. Рис, сдобренный слезами.

Людской поток делился на ручейки, устремлявшиеся в разные стороны, по улице беспорядочно мчались машины и велосипеды. Нет, сегодня утром река Хюэ

уже не казалась ему похожей на бирюзовую ленту, украшавшую стап восточной красавицы. Сейчас она, скорее, напоминала ему длинные волосы девушки, на которую обрушились бесчеленные тяготы и невзгоды.

Пройдя через рынок, где торговали фруктами, Кхиет завернул на маленькую улочку, где были выставлены на продажу изделия ремесленников, и очутился на улице, где продавали живых кур в плетеных корзинках. Неподалеку круто развернулся военный джип. Из джипа вышла женщина с роскошной кожаной сумкой в руках, одетая по последней моде. Шофер в чине старшего сержанта вывел из машины двух мальчиков. Еще один солдат нес оцинкованное ведро и две пустые корзины. Кхиет услышал, как рядом кто-то тихо сказал: «Жена капитана Хюйена!»

Кхиет вздрогнул. Внимательно посмотрев на женщину, он пошел прочь.

«Неужели это действительно она? Та, что терзала бедную девушку? Жена капитана Хюйена, искалечившего жизнь Тхюй? Та самая, которая зверски избила Тхюй, а затем выгнала из дому. То ли из ревности... то ли потому, что это лучший способ скрыть преступления мужа».

Вспомнив о Тхюй, Кхиет задумался о судьбе вчерашних мальчишек, ставших юношами и достигших призывного возраста. Таких, как он сам. Если страшишься фронта, можешь попроситься в услужение в офицерскую семью. Будешь на побегушках с утра до ночи, как те парни, которых он только что видел, — прислуга в доме, повара, шоферы офицерских жеп. Некоторые девушки стремятся выйти замуж за офицера и буквально охотятся за ними. Говорят, солдаты иногда уступают своих жен и любимых девушек офицерам за хорошее вознаграждение. Кхиет содрогнулся: не сегодня-завтра ему предстоит то же самое — после окончания института его призовут в армию, тогда у него уже не будет никаких оснований для отсрочки. Заберут в армию, дадут, как положено, офицерское звание, и он наденет военную форму, так же как его лучший друг Винь Ко. Кхиет ужаснулся: «Никогда, ни за что!»

Прохожие подозрительно косились на Кхиета. А ему снова вспомнились ручейки слез на щеках девушки.

И он повторил про себя почти спокойно: «Нет, никогда не бывать этому!»

Широкий проспект Чан Хынг Дао на миг показался Кхиету узким и тесным. На табличках с названиями улиц ему чудились слова: «Нет, никогда не бывать этому!» И тут он припомнил разговор с Винь Ко, самым близким своим другом, вспомнил, как у Винь Ко перекошилось тогда лицо, какие у него были глаза. На перекрестке Кхиет чуть не угодил под машину, за рулем которой сидела молодая девушка. Та даже и бровью не повела, а он и не подумал извиниться. У Винь Ко был отец, была мать и, кажется, жива тетка. Кхиет вспомнил историю о том, как в тюрьме — это было еще при французах — в одной камере с молодыми супругами оказалась девятнадцатилетняя девушка. Супруги взяли с собой в тюрьму маленького сына. В 1954 году¹ всех выпустили, супруги отправили сына с девушкой — соседкой по камере — в родные края, в деревню, потому что им предстоял переезд на Север. Ребенок остался у тетки, сестры матери, мальчик был послушным и смышленным. Однако супруги не были отправлены на Север, а остались на подпольной работе. Вскоре революционная база была разгромлена, оба были арестованы и преданы суду, однако обжаловали решение суда. Тогда тюремно-полицейская машина сработала по-своему: их переправили в Хюэ якобы в связи с передачей дела в кассационный суд.

В конце концов оба были уничтожены по приказу Нго Динь Кана: однажды темной ночью их сбросили вниз с высокого здания. До последней минуты они не признавали себя мужем и женой, чтобы не дать врагам использовать методы психологического воздействия.

Кхиет припомнил разговор с Винь Ко. «Разве ты не знаешь, — сказал Винь Ко, — как раз в то время, когда враги расправились таким способом с моими родителями в Хюэ, в Дананге была арестована и брошена в тюрьму моя тетя!» Тут Винь Ко запнулся, словно обдумывая что-то, затем добавил: «Она приезжает ко мне очень редко, но если бы ты увидел тетю, ты бы сразу понял, сколько ей пришлось всего пережить. Ты и представить

¹ Имется в виду передвижение войск и гражданских лиц с Юга на Север в соответствии с Женевским соглашением 1954 года.

себе не можешь, какие у нее на теле остались следы от пыток, и все же...» Помолчав, он сказал с болью в голосе: «А какие у нее прежде были красивые руки! Теперь же они навсегда изуродованы — ведь ей загоняли иглы под ногти. И все же она хороша, — лицо Винь Ко просветлело, — она стала еще красивее, во много раз красивее!» Он, Винь Ко, не стоит и мизинца своей тетки, он недостойн ее душевной доброты, как недостойн доброты своей родни, которой пришлось перенести из-за него массу лишений и невзгод. Ведь его не только вскормили-вспоили, но и отдали учиться, каким-то образом выправили для него документы... «Всего не расскажешь, да и ни к чему рассказывать. Но больше всего меня тяготят мысли о моем будущем. Подумай, в один прекрасный день — я уверен, что это случится, — меня мобилизуют и определяют в военное медицинское училище Тху Дыка. Это обернется страшной бедой для меня самого, не говоря уже о том, какие страдания причинит моей тете! Ты только задумайся над тем, что это за война!» Винь Ко стиснул зубы, голос его задрожал: «Они обманывают нас разглагольствованиями о свободе, чтобы затянуть в эту отвратительную мясорубку! Чего стоят все их разговоры об идеальном государственном устройстве? Пустая болтовня!» Винь Ко сделал жест, словно отмахиваясь от какой-то мрази: «Так уж издавна повелось: вероломные предатели, мерзавцы без роду без племени, оскверняющие память предков, не могут обходиться без красивых слов о государстве, об интересах нации!» Лицо Винь Ко исказилось от гнева, а глаза, обычно излучавшие спокойный холодный блеск, вдруг загорелись злостью и забегали... Кхьет смотрел на Винь Ко с изумлением, словно не узнавая друга. Да он ли это?

И в самом деле все произошло именно так, как предвидел Винь Ко.

Но то, что случилось с Винь Ко, не должно случиться с Кхием. Он не может смириться с такой судьбой. Нет, он, Кхьет, распорядится своей судьбой по-своему... Так думал Кхьет, быстро шагая по направлению к госпиталю.

Войдя в ворота госпиталя, он сразу же направился в палату. Тхюи лежала с закрытыми глазами. Холодная белизна постели, запах эфира. Санитарка вышла, ти-

хонько притворив за собой дверь. Кхиет опустился на стул возле койки и негромко позвал: «Тхюи!»

Девушка медленно открыла глаза. Сначала они были черными, потом вдруг стали темно-синими. Она была еще очень слаба.

— Здравствуйте, доктор! — прошептала она едва слышно и положила обе руки на грудь.

Кхиет мягко поправил ее:

— Я еще не доктор. Мне еще нужно учиться целых четыре года. Называйте меня просто по имени — Кхиетом.

— Хорошо... я буду называть вас Кхиетом, — сказала Тхюи, слегка запинаясь.

Положив на столик пакет с фруктами и лекарства, Кхиет с улыбкой пояснил:

— Здесь немного фруктов для вас, подкрепляйтесь, вам сейчас нужно поскорее набраться сил. Тут, как вы, наверное, уже убедились, с питанием и медикаментами неважно.

Тхюи устала в потолок, помолчала, собираясь с силами, потом сказала слабым голосом:

— Я не знала, что вы еще учитесь... Зачем же вы тратите на меня деньги?..

— Не беспокойтесь, я истратил совсем немного, просто хотелось порадовать вас. Я учусь и немного подрабатываю репетиторством, так что на жизнь хватает. И потом у меня есть мама и дядя.

— А чем они занимаются, где живут?

— Мама живет в Фаунгдъене, она продает сушеную рыбу и соус из креветок.

Кхиет представил, как мать по утрам торопится на рынок Дайлок, чтобы закупить продукты. Вот она идет по дороге, где растут гуайявы, потом по песку, который тянется нескончаемой полосой. А на следующее утро, подняв тяжелое коромысло на плечи, мать спешит в Фоунгнгуен — волостной центр у самых гор. Там она продает свою снедь и закупает табак и тростник, которые перепродает на рынке в Митяне или в Бюдъеме, покупает сахар, бобы, зеленый чай, чтобы перепродать затем односельчанам... Перед глазами Кхиета всегда стоит материнское лицо, такое родное, такое дорогое...

— А дядя, — продолжал Кхиет, — вместе с отцом уехал на Юг работать на плантациях — это было еще

при французах.— Кхиет чуть наклонил голову, теребя книжку, которую держал в руках.— Отец умер там, там он и похоронен... А дядя стал рикшей, потом портовым грузчиком. Сейчас он работает в одном из магазинов Данаанга мастером по ремонту электроприборов.

— Вы часто навещаете своих? — спросила Тхюи, и Кхиет заметил, как дрогнули ее длинные ресницы.

— Иногда заглядываю к дяде, бываю и в деревне у матери.

Кхиет задумался, глаза его устремились куда-то вдаль:

— Когда я закончу институт,— Кхиет почему-то засучил рукава и выпрямился на стуле,— я поеду в свою деревню, чтобы помочь матери, но самое главное — я хочу лечить моих односельчан, которые были так добры ко мне. Они ничего не жалели для меня и хотели бы помочь еще больше, да сами слишком бедны... Знаете, красивее нашей деревни нет во всей округе!

Тхюи вдруг заговорила, едва сдерживая слезы:

— А я жила недалеко от Хюэ. Я очень тоскую по родным местам, по своим односельчанам и особенно по братику, но теперь мне нельзя там появляться, и я уже никогда туда не вернусь, не посмею вернуться.

У Кхиета сжалось сердце. Он попытался успокоить девушку:

— Односельчане простят вас...

Он хотел было добавить: «Вы ведь ни в чем не виноваты», — но не успел, Тхюи перебила его:

— Нет, такой испорченной девушке, как я, нельзя возвращаться в родную деревню, хотя... Разве это случилось по моей воле, разве я этого хотела?

Глаза Тхюи потускнели.

— Лучше уж умереть... — сказала она с тоской.

Кхиет, с трудом справившись с волнением, ласково сказал:

— Поговорим о чем-нибудь другом. Тхюи, вы учились грамоте?

— Нет. А это очень трудно — научиться грамоте? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— Нет, не очень. Главная трудность в том, что у нашей молодежи нет возможности учиться.

Кхиет почувствовал острую жалость к девушке. И еще какое-то доселе не изведенное ощущение не-

ожиданно охватило его. Вот уже почти двадцать лет его родина не знает покоя. С тех пор как американские войска ступили на его родную землю, с тех пор как американцы появились в этом городе, жизнь стала невыносимой. Вот уж правду говорят: «Рис на рынке, да не купишь; вода в реке, да не зачерпнешь». Крестьяне побросали поля и, спасаясь от голода, подались в города. Да только и там живется не лучше. Вот, например, дядя в Дананге столько раз оставался без работы... Детишкам негде учиться, и они бродяжничают по дорогам и рынкам. Девушки вынуждены продавать себя за кусок хлеба. Семьи революционеров страдают от террора, а такие вот, как Тхюи...

— Кхьет, у вас в институте преподавали на иностранном языке или на нашем? — робко спросила девушка. — Дети моих хозяев учились и на нашем и на иностранном языке.

— Я тоже.

Тхюи задумалась. Вот если бы она была грамотной, как это было бы здорово! Научиться грамоте и написать письмо отцу с матерью, рассказать, как она скучает без них, поведать матери о своих невзгодах. Попросить у них прощения, ведь они все поймут и простят... Эх, если бы она была грамотной...

Тхюи чуть было не сказала вслух: «Господи, да разве такие мечты могут сбыться?» Тхюи давно уже разучилась мечтать. Раньше она мечтала о том, что позовет отца, позовет мать — и они откликнутся, придут на ее зов, ласково спросят, что случилось. И тогда ей не нужно будет больше работать с утра до поздней ночи.

Кхьет молча чертил что-то поском ботинка на полу. Наконец он решил прервать ее размышления:

— О чем вы задумались?

— Да так, ни о чем... Поскорее бы выйти из госпиталя, хотя пока неизвестно...

Тхюи хотела сказать: «Хотя пока неизвестно, куда мне деваться, когда я выйду из госпиталя».

— Если вы будете быстро поправляться, — сказал Кхьет, — то на следующей неделе, в субботу, вас выпишут. Вам нужно набраться сил, старайтесь не думать о плохом. Вы ведь еще очень молоды, у вас все впереди.

— Я постараюсь.

Кхиет порылся в карманах брюк, словно отыскивая что-то. Потом заглянул в глаза Тхюи.

— Я бы хотел, чтобы вы вернулись в родную деревню к тетушке Зьеу. Я несколько не сомневаюсь, что односельчане поймут вас и посочувствуют. Не пужно вам оставаться в городе! — И неожиданно добавил: — Очень жаль, что я не могу стать для вас более близким человеком.

Вцепившись в край одеяла и широко открыв глаза, Тхюи спросила недоверчиво:

— Вы и в самом деле так думаете? Вы думаете, односельчане простят меня? Вы верите в это?

— Ну конечно!

Кхиет пошарил в медицинской сумке и достал оттуда пилюльку для ампул.

— Я уверен в этом и надеюсь, что у вас хватит сил превозмогать все трудности.

Он поднялся со стула, открыл пакет с лекарствами и, искоса бросив взгляд на Тхюи, заметил, как блеснули у нее глаза — она хотела и не решалась поверить его словам.

— Вот это вы будете принимать по шесть таблеток в день, — Кхиет поставил перед Тхюи пузырьки, — утром и вечером. А это — по две ампулы в день, тоже разделите на две части — утром и вечером. И еще вот это: по три таблетки в день. Пилюльку для ампул я оставляю вам. Это все тонизирующие средства, постарайтесь принимать их регулярно!

Кхиет еще раз подержал в руках пузырьки и пакетики, затем налил в стакан воды из термоса.

— Примите вот это и отдыхайте, — Кхиет положил таблетки на ладонь Тхюи, — и к вечеру снова выпейте лекарство. А мне пора идти. И не забудьте про фрукты!

Тхюи приподнялась, взяла у него стакан с водой.

За окном вовсю сияло солнце. Когда Кхиет вышел из палаты, стрелки часов показывали без четверти девять.

Глава II

— Самая настоящая потаскушка! Даром что с лица боленская и волосы хоть куда... Сама подстроила так, чтобы ее обесчестили, а потом пригрозила, что в воду

кинется. Да только не утонула... И еще осмелилась сюда явиться! Срам-то какой! Свалилась на мою голову! Теперь беды не оберешься с ней!

Тетушка Зьеу, положив дров в печурку, расколола орешек арековой пальмы, завернула в лист бетеля и задумалась. Тхюи закусил губы, боясь расплакаться, и еще ниже склонилась над лоханью, в которой она толкла замоченный рис: надо успеть процедить его, чтобы завтра утром приготовить ланшу. Горячие слезы ручейками текли по щекам Тхюи. Зря она послушалась Кхнета и вернулась в деревню к тетушке Зьеу.

Тетушка вообще-то была женщиной доброй и немногословной, поэтому слышать от нее такие жестокие слова было вдвойне тяжело. Односельчане поначалу помалкивали, но смотрели на Тхюи явно неодобрительно. Только братишка Ты был еще настолько мал, что ничего не понял. Всякий раз, когда тетушка Зьеу начинала ругать Тхюи, он от всей души жалел сестру. Один лишь он и удерживал Тхюи в доме тетушки Зьеу, упреки тетушки Зьеу настолько отравляли жизнь Тхюи, что у нее не было больше сил оставаться в ее доме. Уехать бы куда-нибудь подальше! А как же брат? Тхюи не раз уже упрекала себя за то, что хотела умереть, забыв о братике,— а ведь это было самое дорогое, что у нее осталось! В порыве раскаяния Тхюи прижимала братишку к груди и просила у него прощения. Тот ничего не понимал и лишь с удивлением смотрел на Тхюи, спеша вырваться из ее объятий и убежать.

Тетушка Зьеу поставила две пиалы, полные ланши, достала еще одну пиалу поменьше и отлила бульону. Ты любил бульон, а Тхюи любила гущу, и чтобы перцу было побольше. Тетушка положила пару стручков перца, половинку лимона, прикрыла все сверху другой пиалой. Ох ты, грехи наши тяжкие! Проснувшись на рассвете, открыла глаза, а мальчишка уже куда-то исчез. Наверняка ловит где-нибудь лягушек, небось вымок до нитки, а может, гоняется за птичками или за мышами... Проболтается так полдня, прибежит раскрасневшийся, как гардения. Ох, грехи наши тяжкие! Всего-то и есть, что эти двое у нее на шее, а передохнуть некогда! И не больно-то они ее слушаются! Тетушка достала перепачканные грязные штаны Ты, хо-

рошенько вытряхнула их, потом положила в позеленевший медный таз, и зачерпнула из большого глиняного кувшина воды черпаком, сделанным из скорлупы кокосового ореха. Ох, боже ты мой! Болтается малец где-то весь день, а потом обо всем, что попадется ему на глаза, начинает ее расспрашивать, а тут дел прорва, из дому-то никак не выйдешь!

Тетушка дрожащими руками достала коромысло, поправила кофту. Никогда не сетовала она на свою судьбу — сетовала лишь на свою старость. Ничего ей в жизни не надо, только была бы всегда в доме горсть риса и не было бы долгов. Что еще нужно? И только Тхюи, глупая Тхюи огорчала ее... О ней шли всякие пересуды, из-за этого тетушке Зьеу стыдно было показаться людям на глаза. Мало кто в деревне сочувствовал Тхюи. Такова жизнь, ничего не поделаешь...

Тетушка Зьеу вышла на улицу и притворила за собой дверь. Тяжелое коромысло давило на плечи. Сроду такого не бывало, чтобы кто-нибудь пожалел и защитил попавшую в беду девочку. Только и знают, что хулят да насмежаются! Только попрекают да бранят! Недаром говорят: добрая слава разносится далеко, худая слава — еще дальше. Когда Тхюи вернулась в деревню, все стали сторониться ее. А ведь девочка с малых лет была отдана в люди. Тетушка вытерла глаза краем кофты. Ее смуглые ноги проворно семенили в такт покачиванию коромысла. Кого раньше интересовала судьба Тхюи? А стоило ей оскандалиться, каждому теперь до нее есть дело, каждый сует свой нос... Вот и вчера утром, когда тетушка ходила на хутор Дап, кто-то полез со своими попреками... И всем хочется поподробнее узнать, что же такое приключилось с Тхюи в городе. Тетушка едва от них отмахнулась. А после полудня жена отцова брата, эта старая хрычовка Шо, что живет на хуторе Тхюонг, как бы невзначай завела разговор: «От молоденькой девочки, если она не умеет себя блюсти, толку не жди, считай пропала! Это уж известное дело!» Темное лицо старухи сплошь испещрено морщинами, в хитрых глазках — любопытство. Не подумайте, будто она собирается кого-то укорять... Это дело житейское... Видно, оба хороши, сами пусть и расхлебывают... А сама уже шевелит тонкими губами, готовясь вылить на Тхюи ушат помоев.

Тетушка Зьеу поспешила заткнуть ей рот: «Попридержи-ка язык! Тхиои вовсе не из этих...» Тетушка пожевала бетель, утерла губы. «Всеми виной молодость да неопытность, а пуще всего нужда. Девчонка сроду не сла досыта, оттого и не уберегла себя. Ты бы вот на них посмотрела, на этих злыдней! — Тетушка Зьеу не решилась произнести вслух имя капитана Хюйена и его супруги из боязни, что эта карга Шо по-своему истолкует ее мысль, да к тому же и ребятишки прислушиваются к разговору, хоть и не понимают, о чем идет речь. — Ты бы посмотрела на этих кровососов! Проглотят кого угодно — и не поперхнутся! Уж если они решили кому напакостить, так не успокоятся, пока не загонят человека в гроб, уж если начнут чего домогаться, так не отстанут, пока не изведут весь твой род до последнего колена!» И, вконец обозлившись, она сказала в сердцах: «И находятся же такие, что лижут ему пятки!» Но тут же сообразила, чтохватила через край: здесь нет таких, которые бы лизали пятки капитану Хюйену. Ну вот, к примеру, та же старая Шо: круглый год трудится в поте лица, тяжести таскает, в огороде копается... За всю свою жизнь ничего не видела, кроме кухни да рынка. Или Бьюй, которая потеряла мужа и осталась с кучей ребятишек на руках — мал мала меньше... Приспособилась мыть бабам головы — только тем и живет... И все же тетушка сейчас готова была честить всех подряд: ишь ты, распустили языки, только и дела у них, что поносить да осмеивать бедную девчонку... Двумя пальцами тетушка вытащила изо рта жвачку от бетеля, хотела кинуть в угол кухни, но попала в столб. «Пусть только попробуют превратить могилы моих предков в выгребную яму!» — угрожающе прошептала она.

Но людская молва — дело нешуточное! На всякий роток не накинешь платок! Пропади он пропадом, этот капитан, который испоганил девчонке жизнь! Ну и времена пошли! Раньше для девушки превыше всего было целомудрие, юноши же стремились постичь премудрость ученых книг, укрепляя свою нравственность, а парни, падкие до недозволенных любовных шалостей, становились посмешищем всей деревни — и попробуй они найти работу! А теперь все перевернулось: испортил поганец девчонке всю жизнь, и как ни в чем не

бывало ходит себе в начальниках, пользуется своей властью! Ну и времена!..

Тетушка Зьеу снова горестно вздохнула, сгибаясь под тяжестью коромысла. Она завернула в узкий проулок: на этом хуторе по утрам охотно покупали ее хлебку с лапшой. Чайные деревца были мокрыми от утренней росы, молодые побеги тянулись к солнцу — словно губки ребенка к материнской груди. Тетушка снова задумалась о Тхюи. Как бы добиться, чтобы односельчане сменили гнев на милость, не бранили бы девочку, а пожалели? Ничего, Тхюи повзрослеет, выйдет замуж, обзаведется семьей... Тетушка подумала: пожалуй, вчера в разговоре с Шо она наговорила лишнего. Что капитан Хюйен негодяй — это одно дело, но причем же тут односельчане? Надо бы поговорить с ними по-доброму, по-хорошему, так-то оно будет вернее. И не нужно обращать внимание на людскую хулу, все уладится само собой: люди убедятся, что Тхюи честно трудится и ведет себя добродетельно, и перестанут пальцем на нее показывать. Девчонка такая работающая... Точь-в-точь как ее мать. А характер у нее отцовский, недаром глаза и лоб, как у отца. Тот тоже, бывало, коли захочет чего — непременно добьется! С лица на редкость добрая, а характер, если надо, показать умеет.

Душа прямо разрывается на части из-за нее! Чем больше жаль девочку, тем больше досада берет на эту подлую жизнь!

Тетушка Зьеу шумно вздохнула и ступила на мощный кирпичом дворик. Навстречу выбежала собачонка, ошалело виляя хвостом. В доме слышался шум, Тетушка Зьеу знала, что ее ждут, и ускорила шаг.

Тхюи склонилась над ступкой, руки ее проворно толкли рис, который превращался в молочно-белую массу. Девушка не отрывала глаз от бесчисленных пузырьков, один за другим лопавшихся под ее руками.

«Если бы Ты был повзрослее, ну хотя бы таким как я, если бы отец с матерью не были так далеко», — думала Тхюи. А на дворе сияло солнце, на кустах вдоль дорожки вот-вот раскроются бутоны. Помнится, такие же бутоны были в тот год, когда мама привела ее к те-

тушке Зьеу. А на другой год маму арестовали. И когда они с братишкой перебрались в тетушкин дом, кусты тоже были сплошь покрыты бутонами. «Мамочка, помнишь ли ты, что у дома тетушки Зьеу растут кусты с белыми и красными цветами, а в глубине двора есть маленький алтарь? Ты приводила нас сюда только один раз, и с тех пор я забыла дорогу...»

Помнится, им повстречалась тогда сгорбленная старушка с клюкой — она-то и показала, куда надо идти, и даже проводила немного. Одной рукой старуха растирала свою больную спину, в другой держала клюку. Тхюи до сих пор помнит эту сморщенную старческую руку. Старуха показала клюкой: «Идите прямо, вон туда, дойдете до колодца, свернете налево, спуститесь вниз и там направо. Прямо с дороги увидите цветущие кусты — это и есть дом, который вам нужен». Старуха одернула кофту и снова оперлась на клюку, намереваясь идти дальше. «Ну ладно, идите, детишки. Во дворе у тетушки Зьеу увидите алтарь. Знаете ли вы, что это за алтарь? Он был поставлен, когда улетела душа другой вашей тетушки. Постарайтесь беречь алтарь ваших предков». Старуха тяжело закашлялась, глаза у нее были тусклые и безжизненные. Она снова повторила: «Берегите этот алтарь, род тетушки Зьеу неудачливый, ее детям не везет. Дочери ее никак не могли выйти замуж, а если и выходили, то скоро становились вдовами. А этот алтарь... Однажды ваша тетушка, которую вы не знаете, пошла в лес за дровами, но тут как раз начался тайфун, и она не успела укрыться, как на нее хлынула вода с горы. Ее волосы запутались в побегах бамбука. Когда вода ушла, обнаружили тело. Вот тогда-то и появился в доме тетушки Зьеу этот алтарь. Относитесь к нему с почтением. Войдя в этот дом, ведите себя как следует!»

Первое время Тхюи было очень тоскливо в доме тетушки Зьеу, она очень скучала по матери. В ветвях гуайявы, что склонилась над алтарем, звенели пикады. «Ох, стара я стала, — запричитала тетушка Зьеу, увидев двух детишек, — но ведь и жидкая кровь все же не водица, родня как-никак. Надо же, из-за чужого несчастия у меня сразу двое детишек появилось...» Тетушка Зьеу взяла на руки малыша Ты, потом опустила на землю. Мальчик побежал во двор — туда, где росли

цветущие кусты, сорвал один цветок и, оборвав лепестки, приклеил их к щекам, ушам и рукам. Тетушка Зьеу охнула от удивления: «Подумать только, кто его паучил этой игре?» И она добродушно рассмеялась. У Тхюи сердце защемило от тоски по матери. А малыш Ты как ни в чем не бывало ступал ножками по нежным лепесткам и перепачкался цветочной пылью.

Занятая своими мыслями, Тхюи не заметила, как растолкла весь рис, закончив работу раньше, чем обычно. Тетушка Зьеу ушла с коромыслом на плечах. Тхюи выстирала марню, через которую цедила истолченную рисовую массу, и повесила сушиться. Зелень во дворе нежилась в ласковых солнечных лучах. Солнце согревало своим теплом кусты и деревья, любопытный лучик скользнул по лицу Тхюи, словно желая узнать, от чего у нее покраспели глаза.

— Сестричка Тхюи, смотри-ка, какие дрова я при-
тащил!

Тхюи увидела перед собой Ты с вязанкой намокших дров на плече. Он бросил дрова на землю, потер ладошки и довольно засмеялся. На Тхюи смотрели озорные, круглые, черные глаза.

— И как это тебе удалось срубить такие толстые
сучья?

— Я их уже давно срубил, да они упали с кручи в воду. Думал, что их унесло водой, а они, оказывается, так там и лежат. Я ловил рыбу, закинул в том месте удочку, а она за что-то зацепилась. Нырнул — смотрю, а там мои дрова лежат себе целехонькие.

Ты ни минуты не мог стоять на месте — теперь у него были какие-то дела возле канавки.

Когда мальчику исполнилось девять лет, личико его округлилось и побелело. Удивительно, чем больше он бывал на солнце, тем белее становилась его кожа. Тхюи частенько ласково говорила брату: ни к чему мальчишке быть таким белокожим, ничего в этом нет красивого! Ты целыми днями бывал на воздухе и обычно работал, раздевшись до пояса: рубил дрова, собирал овощи. Иногда он надевал майку, но так как у него была привычка оттягивать майку вниз или задираť кверху, утирая ею лицо, майка сильно вытянулась спереди. К тому же была она сплошь в пятнах, причем пятна эти от сока растений отстирать было совершенно невозможно.

А Ты не обращал внимания на то, что он выглядит замарашкой, и правоучения сестры ему явно надоели.

Войдя в дом, Тхюи заметила, что на кровати тетушки Зьеу лежит открытая коробочка с бетелем. Бедная тетушка так спешила, что забыла взять с собой бетель. Тхюи, аккуратно закрыв коробочку, положила ее на стол. Ей показалось, что она снова слышит монотонное брюзжание тетушки. Каждый день одно и то же! С того дня, как Тхюи вернулась в деревню, по утрам у тетушки всегда находился повод для упреков и брани: то она жаловалась, что ее засрамили на рынке люди, которым она задолжала, то говорила, что едва унесла ноги от солдат из гражданской самообороны, которые угрожали, что прибьют ее, — а ведь едят-пьют и денег не платят! Если тетушка вставала раньше обычного, то уходила она позже обычного. Иногда, распродав свою похлебку, тетушка Зьеу по дороге домой заходила к соседке Ти. Тогда брат и сестра сами готовили себе незамысловатый ужин, а тетушке оставляли ее долю на деревянном подносе, хорошенько прикрыв поднос. Придя домой, тетушка иногда ужинала, а иногда не приглядывалась к еде. К вечеру, перед сном, тетушка иной раз смягчалась. И когда по вечерам тетушка смеялась на милость, Тхюи радовалась про себя, хотя знала, что утром все начнется сначала, причем без всякого повода с ее стороны.

Тхюи порылась в мешке, достала рваную одежонку тетушки и братишки и принялась за починку, время от времени выглядывая во двор: как бы куры не склевывали кунжутное семя, которое сушилось на солнце!

Снова прибежал Ты с прутиком в руках, на который была нанизана мелкая рыбешка. Он положил рыбу в тазик, прикрыл и, схватив грязную рубашку, вытер ею лицо и волосы, на которых блестели капли воды.

Тхюи знала, что рыбу братишка наловил у плоты.

Она оторвалась от работы, накормила брата лапшой, заодно поела и сама, потом опять принялась латать и штопать тетушкину одежду. Ты примостился подле сестры, рассеянно теребя пуговицы.

— Сестричка, почини сначала мою синюю рубашку!

Тхюи лукаво засмеялась.

— И хорошенько залатаю на спине и у ворота, а на животе сделаю маленькую дырочку, чтобы была видна твоя родинка, хорошо?

Ты покраснел, смущенно хмыкнул и наклонился так, чтобы складки кожи на животе скрыли круглую родинку около пупка.

Сделав вид, будто ничего не замечает, Тхюи продолжала:

— А ты побольше загорай, кожа от загара потемнеет, вот родинку и видно не будет, тогда я перестану тебя дразнить.

Она ткнула братишку в живот.

Ты отскочил от сестры, потом зашел сзади и принялся щекотать ей шею.

— Будешь еще? Будешь?

Она выронила иглу и запросила пощады:

— Ой, хватит! Да перестань же! Дай мне починить одежду!

Ты отпустил сестру и с хохотом повалился на кровать. С тех пор как сестра вернулась, у Ты было всегда радостно на душе.

Все годы, что Тхюи жила в людях, Ты только и мечтал о том, чтобы как можно чаще быть с сестрой, он тянулся к ней всем своим сердцем, она была пужна ему. Тхюи помнит, как однажды тетушка Зьеу вместе с Ты приехала в город. Мальчик ни за что не хотел расставаться с сестрой, его пришлось долго уговаривать. Ты громко плакал и цеплялся за нее, не понимая, почему она не может жить вместе с ними. Тетушка объясняла плачущему малышу: Тхюи должна остаться в чужом доме, чтобы зарабатывать деньги, чтобы у Ты была еда и одежда. Но мальчик продолжал упорствовать и ни за что не соглашался возвращаться без Тхюи. Его увели силой и до самого дома он горестно всхлипывал. Но потом утихомирился и, казалось, забыл про свои детские огорчения. Иногда он вдруг вспоминал сестру и снова начинал просить отвести его к ней, и тогда тетушке Зьеу опять приходилось его уговаривать.

Схватив со стола бамбуковую дудочку, Ты начал наигрывать какую-то мелодию.

— Сестрица Тхюи! Один раз тетушка Зьеу брала меня с собой на рынок, и там я увидел мальчика чуть-чуть постарше меня, совсем чуть-чуть, а с ним была

сестра, вроде тебя. Мальчик играл на дудочке, а сестра дела, и за это им давали деньги.

Тхюи засмеялась.

— Для того ты и сделал себе дудочку? Тебе хочется ходить по рынкам и играть на дудочке?

Мальчик радостно воскликнул:

— И ты пошла бы вместе со мной?!

Тхюи не спешила с ответом.

— А ты хотел бы, чтобы я пошла с тобой?

Ты заговорил быстро и убежденно, словно он все давно уже обдумал:

— Да я только об этом и мечтаю, мне так хочется, чтобы мы всегда были вместе: куда ты — туда и я. Послушай, сестрица Тхюи, Тунг всегда ходит на рынок с сестрой, и Кхисеу вместе с сестрой ходит за дровами, и Лан всегда вместе с сестрой Зьеп ловит рыбу, только у Тоана сестра отдана в люди — как ты раньше, — и ему так же плохо без сестры, как и мне...

Тхюи посмотрела на брата с нежностью и жалостью.

— Ладно, даю тебе слово, что мы никогда больше не расстанемся!

Ты просиял, и, привстав на цыпочки, чтобы казаться выше ростом, сказал:

— Ты говоришь правду? Значит, мы пойдем вместе? Правда? Возьмем дудочку и пойдем вместе на рынок Анкью, да?

— Нет, нет! Что толку от твоей дудочки? Да я и не умею петь. Лучше мы будем ходить вместе за дровами, будем вместе ловить рыбу, собирать овощи... Только мне еще нужно помогать тетушке делать рисовую муку — тогда ей не придется менять рис на лапшу, это ведь очень невыгодно. Мы должны помогать тетушке зарабатывать деньги, иначе нам не на что будет жить. Нельзя садиться ей на шею, она и так без конца ворчит...

Ты не дал ей договорить, он подпрыгнул, как на пружинке, и стал с жаром убеждать сестру:

— Нет, я не позволю тебе таскать овощи и ловить рыбу. Тебе нельзя лезть в воду, там полно пиявок, они вопьются в тебя и будут сосать кровь! А ведь ты недавно болела... да? Тетушка говорила, что ты болела и даже лежала в больнице... Тебе нельзя ловить рыбу, нельзя рвать водяной выюнок, и я не позволю тебе

лезть за ним в воду, а если ты пойдешь куда-нибудь, возьми меня с собой.

Тхюи погладила брата по голове и протянула ему починенную рубашку.

— Готово, бери свою синюю рубашку! Осталась еще тетушкина кофта, сейчас закончу и пойду стряпать — у нас ведь есть рыбка, да?

Ты кивнул, надел рубашку и выскочил во двор — куры как раз подбирались к кунжуту.

Тхюи посмотрела ему вслед: какие у него крепкие ножки! А Ты распугал кур, которые с истошным криком кинулись в разные стороны.

Глава III

Узнав о том, что Тхюи вышла из госпиталя, капитан Хюйен и обрадовался и огорчился. Обрадовался потому, что Тхюи, чудом оставшаяся в живых, не собирается доставлять ему никаких хлопот. Огорчился же потому, что девочка улизнула, и теперь ему уже не удастся, как раньше, поизмываться над ней в свое удовольствие.

При французах он дослужился до чина старшего сержанта, потом расстался с провинцией Тхайбинь, откуда был родом, эвакуировался на Юг и пошел служить к Нго Диням. Когда его часть действовала в пятой зоне, Хюйен был удостоен чина младшего лейтенанта. С тех пор как он стал служить не французам, а американцам, в его жизни произошли большие перемены: теперь он пользовался покровительством высокого начальства. А все дело в том, что его почтенные предки, еще в ту пору когда Хюйен и его младшие братья были шкодливыми мальчишками, додумались распрощаться со своей землей, закололи буйвола и быков, спалили жилище... и подались на Юг, где Хюйен и ему подобные сразу же оказались в числе «лучших представителей вьетнамской нации», то есть лютых врагов вьетконговцев. Благодаря тому, что он неукоснительно выполнял все приказы начальства во время карательных операций и, не дрогнув, чинил одно злодеяние за другим, Хюйен продвигался по службе намного быстрее других. В пятьдесят седьмом году его перевели в

Хюэ, где возложили на него почетную обязанность телохранителя — он охранял самого шефа, Нго Динь Кана. Наказывать, вымогать деньги, прикрываясь именем самого шефа, — это было совсем недурственно! Где бы ни был Хюйен, он ни в грош не ставил жизнь своих соотечественников, он был словно исчадие ада, утратившее человеческий образ. Если в полдень, когда шеф ложился отдохнуть, на территории резиденции в Намиги раздавался малейший шум, Хюйен начинал метаться, как дикий зверь. Штрафы, избиения, страшные пытки водой... И подчиненных своих капитан Хюйен мордовал, как только мог, по любому поводу. Его радовало, когда он видел страх на лицах людей, он испытывал в такие минуты удовольствие, как от хорошей затяжки.

Удовлетворение прихотей монахини Чан Ле Суан, поклонником которой был сам шеф, Хюйен считал делом чести для такого, как он, вояки.

Ле Суан обычно появлялась в Хюэ летом или осенью. Уж кому, как не Хюйену, известны все ее достоинства — он любил похвастаться этим перед другими, — ведь он не раз охотился с монахиней на диких уток и катался по морю. На охоте монахиня не уступала ни одному из трех правителей: Ню, Дьему и Кану. Просто потрясающе, до чего метко она стреляла, а ведь всего-навсего женщина! Однажды он произнес ее имя во сне и навлек на себя гнев жепы. Дело в том, что накануне он целый день прислуживал Ле Суан на охоте. Целый батальон солдат был выделен для охраны, а капитан Хюйен и другие офицеры бегали за дичью, подстреленной Ле Суан и Каном. Иногда Хюйен наблюдал, как Ле Суан и Кан гоняются друг за другом по лужайке, перепрыгивая с бугорка на бугорок, — и, несмотря на то, что перед ним был сам Кан, Хюйен испытывал ревность. А что, если всадить в Кана пулю? Ради этого можно и умереть. Когда-то в древности царица Клеопатра, подарив своему избраннику ночь любви, взамен требовала жизнь. А чем Ле Суан хуже? Хюйен давно понял, что его собственная жена не стоит и подметки Ле Суан! Она глупа и помешана на парядах. Хюйен никогда не интересовался здоровьем жены, и еще меньше — ее чувствами. Для него она была всего лишь родильной машиной. А она ревновала его даже к женщи-

пам, которых он и в глаза не видел. Однажды жена какого-то солдата пришла навестить своего мужа, но перепутала дом и по ошибке попала к ним. Бабенка была смазливая, и не успела она и слова сказать, как выскочила жена Хюйена и, словно фурия, накинулась на воображаемую соперницу. Перепуганная женщина бросилась наутек, а фурия продолжала вопить ей вслед... Едва прислуга, нанявшаяся к ним в дом, успевала вступить в пору девичества, как ее выгоняли вон. Помнится, Тхюи была еще совсем маленькой, но на глазах хорошела, и жена стала ревновать его к ней. До того самого дня, когда раскрылась вся эта история, жена все пыталась угадать по глазам Хюйена, нет ли тут греха, но разобраться во всем самой у нее явно не хватало ума. Она ведь была на редкость тупа и невежественна! Правда, Хюйен и сам считал, что для женщины ее среды образование является необязательным атрибутом, чем-то вроде косметического крема. Ему приходилось бывать в аристократических салонах, куда приглашали и жен офицеров. Женщины этого круга были, как правило, молоды и хороши собой и умели поддерживать беседу, набравшись кое-каких знаний — обо всем понемногу, поэтому, как только разгорался спор на какую-то серьезную тему, они льнули к сынкам высокопоставленных чиновников. Впрочем, женщинам этого круга особых знаний и не требуется. Встречаются такие, как Ле Суан, но не всем же такими быть! Да, жене Хюйена до нее далеко, очень далеко. Иногда его охватывало уныние. Как его угораздило связать свою жизнь с такой женщиной. Эх, если бы он был свободен... Да теперь поздно об этом сожалеть — ведь женился он еще тогда, когда служил в легионе краснобрюччиков.

Однажды летом Ле Суан приехала из Сайгона в Хюэ. Капитан Хюйен получил приказание приготовить все для морской прогулки. Два батальона солдат — тот, которым командовал он, Хюйен, и еще один — были вызваны для охраны. Хюйену вместе с другим офицером позволили сопровождать Ле Суан и Кана на яхте. Мало кому приходилось ступать на личную яхту Дьема! Она стояла в живописном месте. К приезду Ле Суан на яхту доставили ворох белья, купальники всевозможных фасонов со всего света, шампуни лучших фирм из Англии, Америки, Японии...

Когда они готовились отшвартоваться, Ле Суан, откинувшись в кресле, вдруг приказала:

— Одному занять место на корме!

Кан тут же исполнил приказ. Капитана Хюйена охватила неописуемая радость, от волнения у него задрожали колени и закружилась голова. Счастье всегда приходило к нему неожиданно, и в такие минуты он терялся, на него находило оцепенение, и он становился недолким и несообразительным.

Хюйен потянулся за веслом, как-то весь согнулся, стал неповоротливым и скованным.

А Ле Суан между тем взглянула на Кана и вызывающе захохотала — так мог смеяться разве что оборотень.

— Кан, ты что, разучился править?

Только тут Кан понял, что над ним посмеялись, он отодвинул в сторону сосуд для курения опиума, рванулся вперед и столкнул капитана Хюйена в воду. Волны накрыли Хюйена, он вынырнул и с трудом, в намокшей одежде, поплыл к берегу. Грубость Кана привела его в бешенство, он не мог простить себе, что удар застал его врасплох. Если бы он был более ловким, он увернулся бы и не наглотался соленой воды. Хорошо, еще легко отделался. Хюйен считал себя оскорбленным. Ведь Кан унизил его на глазах первой дамы государства! И его не миновала участь других верных слуг правителя! С тех пор Хюйен затаил злобу против Кана. Когда был свергнут Дьем и население Хюэ потребовало, чтобы Кан был четвертован, капитан Хюйен тут же встал на сторону генерала Зыонг Ван Миня — против Кана. Он рассказывал всем подряд о том, как этот Кан измывался над ним, как он жестоко обращался с его семьей, как сбросил его в море, предвзвительно надавав пощечин. Хюйен придумал историю о том, как его младший брат якобы поймал красивую птицу, с которой не хотел расставаться ни за какие деньги, а Кан заставил его продать ему эту птицу всего за один пиастр! Продавать было ни к чему, не продать — страшно, унести домой — еще страшней. Хюйен называл Кана эксплуататором, диктатором, подлым трусом...

Благодаря умению льстить и выкручиваться из любой ситуации, а также благодаря тому, что он без со-

жаления менял хозяев, Хюйсен и при американцах сохранил свой чип и даже кое-что выгадал: теперь ему стали давать еще и новые поручения. Особое наслаждение доставляло ему истребление патриотов, независимо от того, к каким слоям общества они принадлежали, он испытывал садистское наслаждение, истязая людей, главным образом семьи подпольщиков, попавших в его лапы, он испытывал странное чувство — нечто вроде классового реванша. То же самое было и в истории с Тхюи. Он сознательно изуродовал ей жизнь, действовал жестоко и беспощадно. Хюйсен знал о том, что случилось с родителями девочки, и у него созрел дьявольский план — он изведет весь род этих коммунистов до последнего колена!

Вечером он явится в дом к Тхюи... Вооруженный до зубов, на своей личной машине. Не умеешь пользоваться моментом — считай, прожил впустую. Эти вьетконговцы начинают уничтожать стратегические деревни¹ даже в близлежащих районах. Надо снова загнать их за колючую проволоку, надо показать им почему фупт лиха! Они подбираются к городским предместьям, не сегодня-завтра окажутся и в городах. Их всех надо уничтожать, всех до единого! Он им покажет! Ни один не уйдет живым! Пощады не будет ни старикам, ни детям! Если их не уничтожить — они уничтожат тебя. Ну погодите!

Он стиснул зубы и дал газ... Машина промчалась сквозь раскрытые стальные ворота и выехала на шоссе.

Кроме многочисленных тюрем в селах и городах, на равнинах и в лесах и на островах, в море, Кан устроил подземную тюрьму прямо на территории своей резиденции. В ней держали почти исключительно женщин, были там и дети. Заключенным давали по две щепотки риса в день, который бросали через решетку. Рис шлепался в никогда не просыхавшую жижу, натекавшую из неисправного канализационного стока, там же разлагались трупы, которые подолгу не убирались. Терзаемые страшным голодом, женщины съели не только все свои лохмотья, но и брошенные неизвестно кем и когда старые мешки — и остались в одном белье.

¹ Американцы и сайгонская администрация сгоняли сельское население в так называемые стратегические деревни — своего рода концентрационные лагеря.

Хюйен был назначен сюда, как только закончилось строительство этой подземной тюрьмы. Подчиняясь приказу своего шефа, он рьяно охотился за патриотами, самолично пытал арестованных, случалось ему и закапывать людей заживо. С шайкой таких же, увешанных оружием, оголтелых головорезов — на манер гитлеровских карателей — он врывался среди ночи в чужие дома, по его приказу арестованных связывали и, не обращая внимания на надрывный плач детишек, заталкивали в машину. Лицо Хюйена оставалось бесстрастным, словно железная маска, — настолько привычными стали для него эти сцены. Он с наслаждением мучил людей, которых арестовывал. Оказывается, у жителей пятой зоны кровь такого же алого цвета, как и у жителей Хюэ, и все они призывали одинаковые проклятья на его голову. Но эти проклятья ничуть не трогали его. Хотя один случай — на его взгляд, нетипичный — все-таки омрачил его жизнь.

В ту пору стояли зловеще тихие ночи. В саду Кана ночное безмолвие не нарушало даже шуршание насаскомых — по ночам стояли пронизывающие холода. В такие ночи орхидеи, привезенные из разных мест, напоминали подвешенные отрубленные женские головы, а цветущие кусты, привлекавшие днем нежными красками и свежестью, ночью, казалось, печально клонили долу густую листву, похожую на спутанные мокрые волосы утопленницы, и почему-то отливали кроваво-красным цветом. В такие ночи все птицы прятались в своих гнездах, и только совы, неизвестно откуда появлявшиеся, издавали жуткие крики на ветках вековых деревьев. Вазоны разной величины, расставленные по саду правильными рядами, напоминали мифических стражей: стоит кому-нибудь появиться в саду, они тут же схватят его и бросят в преисподнюю. В такие поздние часы, когда зловещая тишина ночи нарушалась разве что шелестом листвы, капитана Хюйена преследовали кошмарные видения. Он слышал стоны безвинно загубленных людей, которые доносились из-под земли, но не с той стороны, где была подземная тюрьма, а отовсюду. Ему начинало казаться, что в саду не осталось ни одного уголка, откуда бы не доносились стоны детей и матерей. В его воображении упорно возникала одна и та же картина: мост через мрачное озеро, освещен-

щепное луплым светом,— этот мост вел прямо к воротам преисподней, изображения которой он видел в детстве на китайских картинках. И он снова вспоминал леденящий душу взгляд той женщины... Капитану становилось жутко, его била дрожь, и приходилось принимать двойную дозу снотворного, но и оно не всегда действовало. Он с головой накрывался одеялом, но в ушах продолжали звучать слова того человека:

— Ваша банда потеряла человеческий облик! Выставили напоказ связанную голую женщину... и хозяева и их холуи превратились в диких зверей... Если бы меня вдруг отпустили,— мужчина впился в мучителей взглядом, полным жгучей ненависти,— если бы меня отпустили, я бы в ту же минуту снова пошел бить американских захватчиков, если бы меня отпустили через три года, я сделал бы то же самое. Вы спрашиваете, до каких пор вас будут бить вьетнамские коммунисты? До тех пор, пока от вас и ваших американских хозяев не останется и духу...

Хюйен запомнил каждое слово, и этот голос до сих пор звучал у него в ушах. Он стонал, обхватив голову руками и проклиная все на свете.

Связанный мужчина стоял напротив женщины на балконе третьего этажа. Помнится, Кан притаился за дверью и слушал. Возможно, этот вьетконговец угадал, что Кан подслушивает под дверью, потому и говорил так громко.

Потом заговорила женщина, и, что самое удивительное, мужчина словно не испытывал стыда от того, что видел ее наготу. И еще ведь был ребенок, ребенок вьетконговцев...

Капитан Хюйен и его напарник вдруг поняли, почему эти люди не стыдятся друг друга. Это ему, капитану Хюйену, и его подручным должно быть совестно. Напарник Хюйена стоял, заложив руки за спину и слегка наклонив голову.

Женщина говорила громко и внятно:

— В вашей воле убить нас, но вы не в силах уничтожить всех патриотов Южного Вьетнама. Один погибнет, но на его место тут же станет другой... Вы вольны убить нас, но вы не заставите нас отступить от своей цели.

— Хватит, достаточно! — завопил напарник Хюйена. — Я кокну вас и без ваших наставлений.

Его налившееся кровью лицо задергалось в тике.

— Пора с ними кончать...

Не успел он договорить, как Хюйен ударил кулаком в бок связанного мужчину. Тот потерял равновесие, перевалился через низкие перила балкона и упал вниз, словно листок с ветки. Глухой удар, слабый вскрик... И в то же мгновение женщина со спутанными, опаленными во время пыток волосами рванулась к напарнику Хюйена и что есть силы ударила его головой в грудь, а связанными на запястье руками нанесла ему такой же неожиданный удар в бок. Не ожидая этого нападения, тот не удержался на месте и с диким воплем рухнул с балкона, тщетно пытаясь уцепиться на лету за какую-то невидимую опору в воздухе. Глухой удар оземь... Когда Хюйен с пистолетом в руках подбежал к распростертому на земле телу, его помощник еще хрипел. «Я уничтожу их! Всех уничтожу!» — заорал капитан.

Его вопль был заглушен топотом ног. На какой-то миг он вдруг заколебался: должен ли он сбросить женщину с балкона? Он словно забыл о приказе шефа. «Уничтожить обоих, сбросить с третьего этажа, без шума, без выстрелов, а наутро пустить слух, будто ветконговцы покончили с собой». Но уже в следующее мгновение Хюйена охватила ярость, он должен немедленно, сию же минуту отомстить за своего напарника. Он дернул женщину за руку и убедился, что провод, которым она была связана, ослаб. Размахивая пистолетом и стараясь держать его дулом вверх, он с силой толкнул женщину к борту балкона. Послышался хруст — видимо, от резкого удара о борт балкона сломался позвоночник, но женщина не упала вниз, а продолжала упираться спиной о борт балкона. На какую-то долю секунды их взгляды встретились: в ее глазах была такая жгучая, такая неукротимая ненависть, словно она хотела испепелить его своим взглядом. Хюйену показалось, что его ударило током. Он перевел взгляд на ноги женщины: они словно выросли в пол. Замешательство капитана продолжалось какие-то доли секунды: он тут же стряхнул с себя оцепенение, но она уже успела вцепиться в его руку, и дуло пистолета оказалось направленным в его сторону... Хюйен и сам не понял, ка-

ким образом сработал спусковой крючок — он успел лишь инстинктивно дернуть плечом, но пуля его все-таки задела. Капитан услышал топот ног — это подошли солдаты. И тело женщины полетело вниз...

Рана оказалась нетяжелой. Пуля лишь задела плечевые мускулы, оставив небольшой шрам — двадцать седьмой по счету шрам на его теле.

Женщина умерла не сразу. И вообще все произошло совсем не так, как было предусмотрено: и этот выстрел, и слишком громкий предсмертный крик напарника капитана и сама его смерть...

Все это совершенно не входило в планы начальства. Хюйен знал, что в эти злополучные минуты его шеф, закрыв лицо руками, сидит запершись в своем кабинете. Осеняя себя крестным знамением, молясь богородице и Христу.

«...Я умираю, но живы мои соотечественники, мои товарищи», — шептала женщина. Солдат-охранник оторвал кусок гардины и прикрыл тело женщины, затем оттащил его подальше от того места, где лежал напарник капитана Хюйена. Солдат смотрел на умирающую с тупым страхом.

Хюйен между тем спустился вниз, зажимая рукой рану на плече. За ним спустились вниз и остальные. Вид у всех был обескураженный. Во дворе столпились солдаты и полицейские, и это тоже было вовсе ни к чему. Они слышали, как женщина внятно сказала: «Мои соотечественники, мои товарищи все равно не дадут вам спокойно жить...» Женщина смотрела прямо перед собой широко открытыми глазами, собирая остатки сил, чтобы сказать эти последние слова...

...Хюйен до сих пор помнит глаза женщины перед тем, как ее сбросили с балкона, и в тот момент, когда он сбежал вниз, зажимая рану на плече. Вокруг ее головы потекла лужа крови...

В двадцать седьмой раз смерть пощадила его. Но этот двадцать седьмой выстрел оказался роковым. Память то и дело возвращала его к событиям той ночи. С тех пор он загубил не одну жизнь, среди его жертв были и женщины, но ни одни глаза не смотрели на него так страшно. Этот вселявший ужас взгляд преследовал его повсюду. При виде орхидей, походивших на спутанные, слипшиеся от крови волосы повешен-

ных женщин, он почему-то вспоминал не прежние расправы со своими жертвами, а короткие, подпаленные волосы той женщины, которую ему было поручено сбросить с балкона.

Иногда, представив взгляд той женщины, он обхватывал голову руками и с диким воплем пускался бежать куда-то как безумный. Когда у него пытались узнать, что с ним, он, как правило, отмалчивался, не смея сказать правду. И если глухой ночью Хюйен вдруг слышал стон, он сразу же ощущал на себе напряженный, словно палектризованный взгляд той женщины на балконе. Память неизменно возвращала его к этой сцене. Иногда он с проклятиями бил себя в грудь, шепча в бессильной злобе: «Было бы из-за чего терзаться! Подумаешь, какая-то вьетконговка, провались она пропадом, дьявольское наваждение!»

Однако проклятья не приносили облегчения, кошмарное видение не оставляло Хюйена, как ни старался он от него избавиться.

Пытаясь освободиться от наваждения, Хюйен стал пить и вскоре пристрастился к спиртному, приобрел повадки настоящего пьяницы. В моменты тяжелого опьянения по крайней мере наступало забытие... И вот сегодня, направляясь к дому Тхюи, он почему-то опять вспомнил глаза той женщины. Снова ему казалось, что ее глаза смотрят на него со всех сторон... По телу пробежал озноб... «Я уничтожу их! Всех уничтожу!», — зарычал он. Эта маленькая Тхюи вырастет и, наверное, станет смотреть на него таким же ненавидящим взглядом.

— Не бывать этому! — неожиданно произнес он вслух.

Хюйен шумно втянул в себя воздух и, с силой сжав баранку, резко затормозил. Раздался пронзительный скрежет тормозов. Тхюи вздрогнула и отпрянула на обочину дороги. Она едва не упала, поскользнувшись на гравии, но удержалась и с коромыслом на плече торопливо пошла в сторону. В каплях воды, выплеснувшейся на дорогу, играло солнце. Машина остановилась в нескольких шагах от девушки. Тхюи вдруг узнала эту военную машину. И в ту же минуту она услышала свое имя.

— Эй, Тхюи!

Обернувшись на этот оклик, больно резанувший слух, Тхюи увидела обветренную физиономию с резкими чертами. Горячая кровь прилила к ее лицу, долго сдерживаемая затаенная ярость охватила все ее существо. Крепко сжав губы, Тхюи решительно пошла прочь.

Не вылезая из машины, Хюйен крикнул:

— Эй, похоже, ты избегаешь меня! А ведь ты милашка, ты очень недурна, ты это знаешь?

Голос у капитана был хриплый, глаза глядели как-то странно, он явно был не в себе.

Тхюи прибавила шаг. Ее лицо, минуту назад пунцовое, побледнело и стало мертвенно-серым. «О небо, опять он начинает болтать о моей красоте, и без того по его милости нет жизни». Из груди Тхюи вырвался горестный стон.

Во всех подробностях она представила себе тот страшный день. О, она помнила все слишком хорошо — помнила налившиеся кровью глаза капитана, его мускулистые цепкие руки, лицо с резкими чертами. В тот день жены капитана не было дома. Было уже за полночь, но Тхюи по обыкновению не ложилась спать — нужно закончить стирку и еще кое-какие дела, с которыми она не успела управиться за день. Хюйен вернулся из ресторана, она издали почувствовала запах винного перегара.

Когда его волосатые сильные руки неожиданно обхватили Тхюи грубо и властно, она замахнулась на него электрическим утюгом, но Хюйен ловко увернулся и заломил ей руки за спину. Тхюи кусалась, царапалась, кричала, но он заткнул ей рот носовым платком и повалил прямо на кафельный пол, заляпанный мыльной пеной и кофейной гущей, блестящие волосы Тхюи оказались туго намотанными на его потную, но ведающую жалости руку. Тхюи приглушенно выла, отчаянно билась, ее широко открытые глаза остекленели от ужаса. Обитая железом дверь была плотно закрыта. Тхюи стало дурно от тяжелого запаха винного перегара и сигарет. О том, что было дальше, лучше не вспоминать...

Капитан Хюйен с усмешкой посмотрел на удаляющуюся фигуру Тхюи, откинулся на сиденье и, захлопнув дверцу, включил зажигание. Он нагнал Тхюи и

медленно поехал рядом. Машина перевалила небольшой ров, проехала между рядами цветущих кустов и остановилась у самой террасы, возле дерева под названием «рыбья икра».

Тхюи торопливо опустила на землю ведра с водой, схватила коромысло и, с трудом переводя дыхание, сказала:

— Прошу вас, капитан, оставьте меня в покое, не срамите перед односельчанами. Уезжайте поскорее, а то придет тетушка Зьеу, начнет браниться.

Он молча открыл дверцу и вышел из машины. Каждый его шаг отдавался металлическим стуком подковок на его ботинках. Не обращая ни малейшего внимания на слова Тхюи, Хюйен подошел к ней вплотную и сказал жестко и строго:

— Как ты смеешь говорить мне это?! — на лице капитана ходили желваки, но он тут же овладел собой, и лицо его окаменело. — Ты, кажется, забыла, что я офицер?

Тхюи сделала вид, что не поняла его слов, и вошла в дом, словно для того, чтобы положить на место коромысло, обдумывая, нельзя ли улизнуть через заднюю дверь. При виде этого ненавистного лица, при звуках голоса Хюйена она чувствовала, что не в силах сдержаться, что она совершит сейчас что-то ужасное. Она понимала, что все это может обернуться новой бедой и для нее, и для тетушки Зьеу, и для братишки Ты... Она метнулась к задней двери, но капитан Хюйен, разгадав ее намерение, опередил Тхюи: он обошел дом и закрыл заднюю дверь, затем вернулся и, загородив собою входную дверь, с издевкой сказал:

— Вот что, Тхюи, поскольку я твой хозяин, я требую выслушать меня.

Он указал ей на стул:

— Садись-ка, поговорим.

Его губы скривились в презрительной гримасе.

— Мне недосуг с вами разговаривать, — резко бросила Тхюи. Ее побелевшие губы задрожали. — Пустите меня, не мешайте мне заниматься делами.

— Ха-ха! Ну и молодчина! А хороша-то как! Когда злишься, ты становишься еще красивее. И все же поостерегись. Напоминаю тебе: я твой хозяин.

Последние слова он произнес медленно и отчетливо.

— Ты разве забыла, с кем имеешь дело? — Капитан громко, самодовольно расхохотался.

— Забыла, с кем имею дело?! Забыла, кто вы? Как забыть! — Тхюи сделала шаг назад. — Подлец, вот кто вы, мерзкий негодяй, которого люди боятся ругать открыто... И еще... еще... сами сообразите, кто вы, если поразмыслите!

С этими словами Тхюи кинулась к двери, но споткнулась о ножку стола и едва не упала. Капитан схватил ее за руку, на его лице снова задвигались желваки.

— А ну, живо садись! И не вздумай больше удирать!

Он подтолкнул ее к стулу.

— До чего обнаглела! Я покажу тебе, как упрямиться!

Он еще крепче перехватил ее руку. Тхюи вырывалась, пыталась высвободиться, но ей это не удавалось. Тогда она в отчаянии закричала:

— Ой, люди добрые! Помогите! Ой, отпустите меня, отпусти-и-и...

Капитан сдавил ей горло одной рукой, а другой пытался нащупать что-то в кармане. Лицо его стало бесстрастным, как железная маска.

— Да замолчи ты! Молчи, говорят тебе! Перестань шуметь, не то я придушу тебя! И не таких успокаивал... перерезать горло мне не в диковинку...

Но Тхюи билась все сильнее, хотя рука Хюйена, словно железные тиски, сжимала ее горло. Пока он доставал что-то из кармана, ей удалось глотнуть воздуха, и в тот же миг она резко изогнулась и с силой вонзила крепкие зубы в руку капитана около локтя. От неожиданной боли он разжал пальцы. Тогда Тхюи что есть мочи ударила его головой в живот — он как раз успел вытащить из кармана длинную полосу грубой серой ткани. Но девушка уже выскользнула из его рук.

— Люди добрые! На помощь! Спасите! — отчаянно кричала Тхюи, выбежав из дому. Она бросилась к бамбуковой изгороди, мокрая от пота, красная, задыхающаяся...

Словно дикий зверь, почувствовавший, что добыча ускользает от него, капитан кинулся за своей жертвой. Он выхватил пистолет и прицелился в Тхюи.

— Замолчи! Сейчас же заткнись! Ни с места или я тебя пристрелю!

Но Тхюи, словно не слыша угроз, бежала к бамбуковой изгороди. Добежав, она стала вытаскивать из нее жерди, чтобы проделать лаз и выбраться из сада. При этом она продолжала громко кричать, призывая на помощь односельчан.

Раздался выстрел.

Капитан, прислонившись к банану, снова прицелился.

Тхюи, тщетно пытавшаяся протиснуться между бамбуковыми жердями, вдруг наткнулась на что-то холодное. Ага, пустая бутылка из-под рыбного соуса! Она схватила ее и, точно рассчитав движение руки, метнула... С глухим звуком бутылка ударилась о голову капитана.

— У тебя пистолет, а у меня вот что! — торжествуя закричала Тхюи.

Все произошло мгновенно, капитан не успел увернуться, хотя заметил, что Тхюи что-то подняла с земли. Ее движения были настолько быстрыми и точными, что увернуться было просто невозможно. Он почувствовал, как по виску бежит струйка крови... Обхватив голову руками, Хюйен зашатался и осел на землю...

На крик и выстрел сбежались перепуганные односельчане. Примчался Ты. Бледный, выпачканный в земле, задыхающийся от быстрого бега и испуга, он с плачем протискивался сквозь толпу.

— Где моя сестра? Где ты, Тхюи?

Капитан Хюйен с трудом поднялся с земли и, по-прежнему держа за голову обеими руками, направился к машине.

Люди, не понимая, что случилось, бросились к бамбуковой изгороди, где все еще возилась Тхюи. Послышались причитания:

— О небо, что за наказание!

Некоторые, смутно догадываясь, в какого рода историю попал капитан Хюйен, стали его удерживать:

— Господин капитан, куда же вы? Господин капитан, подождите, не уезжайте!

— Господин капитан, задержитесь, мы никак не поймем, что здесь произошло, надо разобраться!

Но капитан Хюйен, не выпуская из руки пистолета,

молча прошел сквозь толпу, сел в машину и включил зажигание. По виску текла кровь, заливая офицерский мундир.

Тхюи же была почти невредима — если не считать царапины на ухе: пуля просвистела мимо, слегка задев ухо. Но поскольку, очевидно, был поврежден кровеносный сосуд, кровь текла и у нее.

Тетушка Ти, испуганно оглядев Тхюи, разорвала свой нагрудник из ткани лилового цвета и перевязала ее. Дядюшка Хай принес марганцовки и соленой воды. Дядюшка Нам натолок имбиря с диким луком — эта смесь хорошо заживляет раны. Братишка Ты прижимался к сестре, жалобно всхлипывая.

Тхюи, волнуясь, рассказала односельчанам всю историю от начала до конца. Когда она закончила, кто-то возмущенно сказал:

— Хватит, надо проучить его как следует. Подавай на него в суд!

Но другие тут же запротестовали:

— Не слушай этого советчика! Куда нам, неграмотным маленьким людям соваться в суд! Только неприятности наживешь!

— Обращаться в суд — дело пустое... Когда поднебесная обижает нас — это одно, а когда мы жалуемся на поднебесную — это совсем другое дело, все равно мы же и окажемся виноватыми! Случись что с нами — никто не посочувствует, кроме таких же бедняков, как мы сами. А потом, кто же подает в суд, не имея адвоката? Да и легко ли найти адвоката таким, как Тхюи?..

Один пожилой крестьянин хотел добавить: «Да к тому же еще и родители Тхюи вроде бы на Севере», — но тут же испугался: об этом лучше помалкивать, не то навлечешь беду на свою же голову. Ему не приходилось встречаться с матерью Тхюи, но с того дня, как девушка появилась в доме тетушки Зьеу с маленьким братом, он догадался, на чьей стороне ее мать. В нынешние времена самое главное — знать, кто на чьей стороне. Так что насчет родителей Тхюи лучше помалкивать.

А что касается самой Тхюи, девица она с порывом — ишь какхватила этого офицера — кровь так и хлещет. Надо же, казалась такой покладистой, а на деле выходит совсем наоборот. Теперь капитан не оста-

вит так это дело... История еще не кончилась, все впереди... А ведь своя рубашка ближе к телу, особенно если дело касается таких нищих, как мы. Впрочем, когда обзаводишься детьми, то сначала и понятия не имеешь, какими они вырастут... Вот и эта Тхюи, еще молоко на губах не обсохло, а уже каких дел успела натворить...

Этот крестьянин совсем забыл, что несколько минут назад, увидев кровь на лице Тхюи, он первым бросился на помощь — порвал собственную повязку на голове и велел тетушке Ти перевязать рану Тхюи.

Тут вмешалась тетушка Ти:

— Я вот, к примеру, старая уже и немало повидала на своем веку, — сказала она, — но не помню, чтобы в нашей провинции Тхыатхиен бедняк подал в суд на чиновника. Да где же такое видано? Вот увидите, они все перевернут шиворот-навыворот, и белое станет черным, а черное — белым. Помните, как было с Люа: у нее уже было не то трое, не то четверо детей от Хиена, а эта Тхи явилась и увела у нее мужа прямо из-под носа. Дело дошло до суда, да только где бедной Люа с ней тягаться — Тхи ведь из богатой семьи, родни у нее много, и почти все они ходят в чиновниках, дом ломится от добра. Когда бедняжка Люа пришла к судье с официальным свидетельством о браке, он и слушать ее не захотел, выставил вон, да еще саданул по голове, чтобы не гналась за справедливостью.

Тетушка Ти помолчала и тяжело вздохнула.

— Не знаю, есть ли где справедливость для бедного люда, но только не у нас. А мы, если хотим выжить, должны клонить голову пониже. Не хочешь неприятностей — лучше не вороши муравьиной кучи, не тревожь осиногое гнездо! Никто нас не пожалеет, никто не заступится, кроме нас самих... А раз так — бедный человек должен знать свое место.

Тхюи молча лежала на бамбуковой кровати. Рана болела, но несильно, а вот боль в горле не проходила, и было трудно глотать. Тхюи вспомнила, что, когда Хюен сдавил ей горло, она почувствовала не боль, а удушье, в груди что-то перехватило, ей стало нестерпимо жарко, а потом показалось, будто ее с головы до ног облили холодной водой. У нее потемнело в глазах... В ту минуту в ее сознании была лишь одна мысль: вырваться, во что бы то ни стало вырваться. И тогда она

укусила капитана, рванулась из его цепких рук, бросилась бежать... раздался выстрел... все это случилось так быстро, что Тхюи не успела почувствовать боли, не успела сообразить, что произошло. Она лишь почему-то хорошо помнила, как размахнулась и запустила в него бутылкой, как капитан Хюйен осел на землю. Но уже через минуту, протискиваясь через изгородь, Тхюи пожалела, что ей не попалось под руку несколько бутылок, либо увесистый камень, либо еще что-нибудь, чем бы она могла стукнуть его так, чтобы он околеел...

Тхюи никак не ожидала, что односельчане так всполошатся, что капитан нагонит на всех такой страх. Все боялся, как бы чего не вышло. Но ведь никто не боялся его так, как боялась Тхюи... Он приказал ей не говорить о том, что произошло тогда ночью, и она повиновалась. Он потребовал, чтобы Тхюи никогда не надевала шелкового платья матери, и она повиновалась — поспешила убрать платье подальше, хотя она так любила его. Когда Тхюи надевала это платье с вырезом «сердечком», ей казалось, что она чувствует руки матери, что мать берет ее под свою защиту. Первое время Тхюи еще не осознавала в полной мере, на что способен капитан, когда разозлится, поэтому решила надеть платье. Увидев первый раз ее в этом платье, Хюйен заорал: «Эй, девчонка, ты что это на себя нацепила». «Это платье моей матери», — призналась Тхюи чистосердечно. «Так я и думал, сейчас же сними и убери его, не то я сожгу его или изорву в клочья!» — Он подскочил к Тхюи и рванул за ворот.

Едва войдя в дом, Хюйен начинал браниться прямо с порога, и Тхюи боялась его, ни разу не осмелилась ему перечить. Она боялась, как бы он не причинил зла тетушке Зьеу и братишке Ты. Она жила в постоянном страхе, она боялась Хюйена до той самой минуты, когда ей не осталось ничего другого, как защищаться, и тут страх неожиданно исчез. Начиная с этой самой минуты, она поняла, что способна дать ему отпор.

Вслушиваясь в разговор односельчан, Тхюи поняла, что их опасения не лишены основания, и не сегодня-завтра ее — да и всех остальных, вероятно, — ждет расправа. Она слушала монотонную речь тетушки Ти и вспоминала слова дядюшки Хая, который советовал

односельчанам быть поосторожнее и держать язык за зубами. А тетушка Нам непрерывно твердила о том, что останется теперь без куска хлеба с оравой несмышленных детишек на руках. Тхюи внимательно прислушивалась к каждому их слову, а потом вдруг наступил момент, когда она перестала слышать, как бы потеряла слух... Тхюи зажмурилась, и вновь перед ней появились налившиеся кровью глаза капитана, его мускулистые цепкие руки, лицо с резкими чертами. Вспомнила, как, спасаясь от капитана, бросилась бежать по длинной-предлинной дамбе, которой, казалось, не было конца... Вода в реке бурлила и пенилась... Тхюи бежала, отчаянно крича, но в ответ раздавалось лишь эхо да шум волн. Надвигались сумерки, солнце почти совсем зашло, а Тхюи все бежала и бежала, пока не поскользнулась как раз там, где начинаются пороги. Тогда Хюй-ен нагнал ее, схватил за длинные волосы и погрузил в темную пенящуюся воду, которая мгновенно сомкнулась у нее над головой, потом вытащил ее из воды и снова окунул... И так несколько раз подряд... Тхюи ушла под воду, быстрое течение подхватило ее, она хотела выбраться на поверхность, но вода вдруг показалась ей горячей, волосы и одежду словно охватило пламя — будто она барахтается не в воде, а мечется в море пламени. Тхюи пытается спастись бегством, но огонь охватывает ее со всех сторон, Тхюи в ужасе чувствует, как огонь пожирает ее тело, она пытается кричать...

Тхюи открыла глаза, чувствуя, что обливается холодным потом.

Она увидела подле себя братишку Ты и односельчан, которые с беспокойством смотрели на нее.

— Тебе очень больно? — спросил братишка Ты. — Ты все время кричала и вздрагивала.

Пытаясь скрыть свое смятение, Тхюи ласково взяла братишку за руку.

— Нет, совсем не больно, я просто прилегла на минутку, вздремнула, сейчас встану. Пойди приготовь чаю, угости соседей.

Братишка тут же кинулся заваривать чай.

Но зеленый чай так и остался стыть в белых чашечках...

Глава IV

Кхиет вышел из аудитории с тяжелой головой. Ему не хотелось возвращаться в свою комнатуху, и он решил пройтись вдоль Ароматной реки. На воде еще играли отсветы уходящего дня. С момента прихода к власти Нго Динь Нью, когда антиправительственные выступления уже вылились в мощное движение, охватившее все слои населения, возникло много проблем.

Все началось в день буддийского праздника восьмого мая шестьдесят третьего года, когда безоружные люди вышли на улицу, чтобы открыто заявить о том, что они не позволят попираť свободу мысли — священное и неотъемлемое право каждого человека. Фашиствующая военщина явно вела наступление на свободу вероисповедания, настало время задать вопрос, кто отдал приказ, запрещающий вывешивать буддийские флаги в городах и деревнях, кто приказал убрать трибуну и громкоговоритель в пагоде Ты Дам, лишив буддистов возможности слушать в день буддийского праздника своих проповедников. На головы вице-губернатора и майора службы госбезопасности Данг Ши, прибывшего в Хюэ для подавления демонстрации, обрушился град камней. В тот день на улицах Хюэ пролилась кровь мирных жителей — совсем юных школьников и буддийских монахов. Эта расправа положила начало новым выступлениям. Участники демонстрации протеста как бы преподали остальным урок открытой схватки с врагом, их выступление вошло в историю.

Теперь, после всех этих событий, ни один диктатор, ни один изменник родины не мог быть достаточно уверен в том, что он крепко удержится на своем троне. И чем сильнее был ужас, охватывавший предателей, тем больше усиливались репрессии. После выступлений студентов города Хюэ невозможно было предугадать, каков будет размах движения.

Раньше Кхиет нечасто задумывался над этим. Раньше все его стремления сводились к тому, чтобы лучше учиться, добиться расположения друзей и наставников, порадовать материнское сердце. Звуки выстрелов, раздававшиеся на родной земле, не проникали сквозь плотно закрытые двери классов, и траур в чьей-то семье не

омрачал его радужных надежд. Он считал непреходящими и вечными ценностями лишь пауку и добрые человеческие чувства — ведь согласно конфуцианской морали, добродетельного мужа не должна касаться мирская суета.

В пятьдесят третьем году Кхиет закончил пятый класс школы Нгуен Ти Зьеу в Фоунгтхонге. Одинадцатилетний мальчик прилежно учился, был воспитан в духе преданности друзьям, почитания учителей и родителей, и когда пришло время расставаться со школой, он горько заплакал — в его детской душе образовалась пустота. Но через год в помещении общинной постройки на хуторе Ба открылась другая школа, в которой был и шестой и седьмой классы. И Кхиет вновь принялся за учебу. Вскоре потребовалось расширить школу, и в бывшем уездном центре Фаунгдьене на средства монахинь Ордена Фусуан было выстроено новое здание. На работу в школу были приглашены новые педагоги. Эти уже были не из числа монахов.

Школа оказалась рядом с амбулаторией — их разделял лишь забор. Вначале амбулаторией заведовал пожилой мужчина, северянин, имя которого Кхиет не успел запомнить, потому что вскоре его сменил другой заведующий, житель Хюэ, тучный и грузный мужчина. Обычно он с утра запирал дверь амбулатории и отправлялся по деревням и хуторам разыскивать торговков всякой снедью — он торопился скупить у них товар раньше других. Дверь амбулатории открывалась только тогда, когда хозяин зажигал спиртовые лампы, освещавшие изобилие яств, расставленных на столе, — здесь было все что угодно. Свинина, куры, голуби, утки, рыба, клейкий рис, бобы и прочие деликатесы. И начиналось шумное застолье. Заведующий амбулаторией приглашал полицаяв из близлежащих провинций и прочее отребье. Пьяная компания не скупилась на непристойности, которые сопровождались взрывами циничного хохота.

Никто не знал, куда исчезали лекарства из амбулатории. Если кто-нибудь приходил к заведующему со своими недугами, он в лучшем случае получал немного марганцовки, клочок ваты или кусок бинта, и его тут же выпроваживали. Заведующий отмахивался от больных, как торговка фруктами, что сидела напротив амбулато-

рии, отмахивалась от назойливых мух. Если кто-нибудь серьезно заболел и умолял о помощи, заведующий бросал безразличным тоном:

— Поезжайте в Хюэ на такси и обратитесь к частному врачу!

Ребятишки придумали забавную сценку и часто разыгрывали ее — непонятно, кто их подбил на это. Пескoлько мальчишек, делая вид, что с трудом волокут вкoнец обессилевшего парнишку, вопили: «У него холера, нужна срoчная помощь!» Другой парнишка, изображавший заведующего амбулаторией, красными чернилами мазал голый пуп «больного» и громко кричал: «Все в порядке, сходу поправился! А если кто боится умереть, пусть раскoшеливается, возьмет такси и обратится в Хюэ к частному врачу!»

Только в очень редких случаях заведующий оказывал помощь больным. Это случалось лишь тогда, когда к нему обращались девицы, за которыми он волочился и благосклонностью которых пользовался, или смазливые, но чересчур простодушные деревенские девчонки, к которым давно присматривался либо сам заведующий, либо его дружки. Они попадались на крючок, надеясь, что им не придется тратиться на лечение.

Наблюдая все это изо дня в день, слыша сетования односельчан, Кхиет не раз ловил себя на мысли, что хорошо бы раскроить башку этому мерзкому типу, затесавшемуся в фельдшерское сословие.

Вот тогда-то у Кхиета и появилась мечта стать врачом.

Когда в Хюэ открылся медицинский институт, Кхиет поступил в него; он хотел изучать медицину, чтобы потом врачевать раны и недуги, облегчать страдания людей, лечить своих односельчан.

Засунув руки в карманы, Кхиет свернул на тропинку, которая вывела его к шоссе. Он подумал, что можно облегчать физические страдания, можно врачевать телесные раны, но кто сумеет облегчить душевные страдания? Что нужно сделать, чтобы затянулась рана в его сердце? Рана, которая открылась сегодня... Он в задумчивости шагал по улице Ле Тхань Тона, вслушиваясь в звук собственных шагов, сопровождаемый длинной тенью, которая падала на дорогу, освещенную слабыми лучами заходящего солнца. Кто избавит его

от этой боли? Он вспомнил раскрытую страничку дневника, вспомнил слова: «Забастовка учащихся», «Забастовка на рынке», наспех написанные на стенах аудитории, на новых кирпичных воротах, на полосах материи... Это дело рук его друзей, которых арестовали во время недавних выступлений, когда американские экспедиционные войска бесцеремонно высадились в Дачанге, оккупировали Фубай и другие районы. Американцы вели себя так же нагло, как в свое время вели себя французские легионеры, которых Кхиет люто ненавидел.

Деревья по обеим сторонам улицы тянулись к Кхиету своими ветвями. Снова вспомнилась ему Тхюп, девушка, которая так неожиданно вторглась в его жизнь и перевернула все его прежние представления, все его чувства. Почему в этом городе, на этой улице поставлены заграждения из колючей проволоки? Откуда взялись эти запретные зоны? Почему он, Кхиет, лишен права свободно гулять там, где ему хочется? Кто позволил прохаживаться по мосту Чыонгтсен, его любимому мосту, этим солдафонам в вечно расстегнутых рубашках, не сходявших на волосатой груди? Ведь это его река, его родина. По утрам с реки тянуло болотной сыростью и холодом, от которого по телу пробегал озноб. А вечером легкая рябь покрывала поверхность реки, и от этого она казалась неприветливой, словно сердито хмурилась, недовольная тем, что ее покой нарушили чужеземцы, а он, Кхиет, остается безучастным.

— Нет, вовсе нет, — пробормотал Кхиет, как бы отвечая самому себе.

Вернувшись домой, он уселся за стол, но еда показалась ему невкусной. Хозяйка приветливо спросила:

— Сегодня у тебя опять был семинар?

— Да, — ответил Кхиет, накладывая рис в пиалы. Внук хозяйки, весело блестя глазами, объявил:

— Завтра наша школа отправится на митинг перед университетом. А потом мы пойдем на демонстрацию протеста против воинской повинности, чтобы наших отцов не брали в армию.

— Я тоже пойду, — подхватила сестренка. — А дядя Кхиет там будет?

— Конечно, — сказал парнишка, ставя пиалу на

стол, — разве когда-нибудь бывало, чтобы дядя Кхиет не приходил?

Взглянув на поднос с едой, Кхиет подумал: как это хозяйка при такой дороговизне ухитряется кормить всех более или менее сносно? Ведь если раньше центнер риса стоил четыреста пятьдесят пиастров, то теперь он стоит семьсот, цена килограмма мяса подскочила от тридцати пяти пиастров до шестидесяти. А цены на товары, оказавшиеся в сфере долларового обращения, подскочили еще выше — ведь сто десять пиастров приравнивали лишь к одному доллару! Воровство, взятки и казнокрадство стали обычным явлением.

— Ешь, сынок, — сказала хозяйка, подкладывая Кхиету вареного водяного вьюнка, — выучишься, будешь помогать людям... До чего же времена нынче неспокойные! — добавила она, шамкая беззубым ртом. — Уж и не знаю, доживем ли мы до лучших времен, я-то, конечно, стара, не доживу...

Семья у хозяйки была небольшая, и она относилась к Кхиету как к сыну. С нею жили два ее внука — дети ее сына, учителя, убитого в шестьдесят втором году за участие в «антиправительственных выступлениях», хотя он был всего лишь участником движения за мирное объединение страны. После его смерти в доме осталась только вдова с двумя детьми да престарелая мать учителя. Жена учителя была старше мужа, очень его любила. Она много внимания уделяла детям, работала не покладая рук и терпеливо сносила все лишения. Каждый день вдова с тяжелой ношей отправлялась на рынок Донгба, где продавала сладости.

Обед подходил к концу. Тяжелое чувство не покидало Кхиета.

— А ну, пострелята, бегите погуляйте, через двадцать минут приходите, будем заниматься, — сказал он ребятишкам.

Брат и сестра выбежали на улицу.

Кхиет пошел к себе. На столе он увидел конверт со штампом данангского почтового отделения. Наконец-то! Письмо от Винь Ко! Кхиет обрадовался. Вот уже два месяца он не получал от друга ни строчки. Кхиет сел за стол, вскрыл конверт.

Когда они еще учились вместе, Винь Ко часто цитировал изречение какого-то мыслителя о том, что искус-

ство жить сводится к знанию приемов борьбы, нужно только твердо стоять на ногах и не упустить момент, когда понадобится прибегнуть к определенному приему. Сам Винь Ко именно так и жил, он словно ждал какого-то момента, и вот он и в самом деле наступил.

Это случилось в год окончания института. Винь Ко учился на два курса выше Кхиета и был старше его на три года. Приказ о мобилизации застал Винь Ко как раз перед самым получением диплома. Едва он получил диплом, как его тут же взяли в армию. Несостоявшийся преподаватель, которому так и не довелось встретиться с аудиторией, получил погоны старшины и был отправлен на место военных действий.

В письме Винь Ко сообщал, что ранен и сейчас находится в госпитале Зуй Тан. Пусть Кхиет извинит его за корявый почерк — он вынужден писать левой рукой. Винь Ко просил друга постараться выкроить время и навестить его — есть о чем поговорить. Кхиет задумался. Удастся ли ему вырваться? О том, чтобы поехать немедленно, не может быть и речи, во всяком случае, в ближайшие дни он определенно не сумеет выбраться. Если и удастся съездить, то лишь на будущей неделе. Он приложит к этому все усилия...

Кхиет вложил письмо в конверт. «Какое счастье, что Винь Ко остался жив!» — подумал он. Кхиет почувствовал тупую боль в сердце, все тело точно налилось свинцом.

Когда Винь Ко попал в военное училище, не только он сам, но и Кхиет воспринял это как несчастье. Грубая сила, чужая воля вторглись в их жизнь, посягнули на их дружбу, их привязанность друг к другу. Когда кто-то распоряжается судьбой твоих друзей или даже просто принадлежащими тебе вещами, ты испытываешь такое чувство, словно этот кто-то распоряжается тобой самим. Ведь Винь Ко как бы несет в себе частицу Кхиета, потому-то Кхиет и воспринял все случившееся с Винь Ко так, будто это случилось с ним самим. Кхиет отшвырнул ручку, резко поднялся и зашагал по комнате, нервно кусая губы.

— И ведь никуда не денешься! — сказал он вслух. — Никуда! Смириться с такой жизнью?

Из соседнего дома доносились звуки радио. Кхиет разобрал слова песни: «Кто идет в армию, тот любит

отечество». Кхиет продолжал шагать из угла в угол, тяжело ступая по полу. Подойдя к столу, он собрал клочки бумаги, смял, бросил их в мусорную корзину. Идти в армию — значит любить отечество... Так почему же все эти сынки богатеев не спешат в армию? Любить отечество... Почему же влиятельные да высокопоставленные особы только и заботятся о том, чтобы избавить своих детей от службы в армии и суют за это взятки? Гнусная публика! Подлый, мерзкий сброд, мошенники и лгуны! Все на один лад, одна шайка-лейка, один другого омерзительнее. Однажды Винь Ко, возмущенный до глубины души, выразился предельно ясно: «Они морочат нам голову разглагольствовапиями о свободе, чтобы запихнуть в эту мерзкую мясорубку». Дорогой Винь Ко, ты прав... Кхиет в отчаянии опустился на стул. Он снова вспомнил Тхюи. И в этой девушке тоже есть его частица — ведь они дети одного народа. Он вдруг подумал, что все люди делятся на два лагеря: преступников и обвинителей, они не могут стоять по одну сторону фронта, не могут жить в согласии, кто-то должен сойти со сцены, кто-то — остаться. Тхюи оказалась жертвой преступника Хюйсена, а Винь Ко, Кхиет и все их соотечественники оказались жертвами иноземных господ и шайки их подлых, трусливых лакеев, которые предают поруганию родную землю, чинят произвол и губят людей. Как с этим смириться? А может, ему просто не повезло, может, он просто родился не в том веке, не в том обществе?

Кхиет задавал себе бесчисленное множество вопросов и не находил ответа. Схватив шариковую ручку, он машинально рисовал на листке беспорядочные круги, множество кругов — вихрь на бумаге, вихрь в его душе.

— Тхюи! — тихо позвал Кхиет и написал имя девушки на листке.

Шумный Хюэ. Остроконечные шляпы со стихами на внутренней стороне, белые платья, длинные девичьи волосы, мост Чыонгтхен — целых двенадцать пролетов, — холм Нгы на берегу реки Ароматной, башня Тхиенму, дворец с его пурпурно-золотым великолепием, мавзолей императоров, снопы солнечного света в роще арековых пальм у селения Виза, оживленные и поэтичные улочки Намзяо...

Теперь все это — символы прошлого, старина, уходящая в глубь веков, но это и есть богатство и достоинство Хюэ, переходившее от поколения к поколению. За эти священные реликвии проливали свою кровь далекие предки, и поэтому сегодня город заботится о том, чтобы сохранить все это в неприкосновенности.

Сегодня Хюэ проснулся раньше обычного. Едва лишь поднялся туман над рекой, едва рассеялась мутная пелена, открыв хрустальное, прозрачное небо и нефритовые облака, озаренные солнечными лучами, как перед входом в здание филологического факультета пед-института собралась толпа шумных, задорных студентов.

Актный зал, набитый до отказа, замер в ожидании. Губернатор провинции, он же мэр города Хюэ, явился в точно назначенное время — он прибыл сюда по приглашению объединенного студенческого совета. Вот один из студентов подошел к микрофону и обратился к губернатору от имени всех собравшихся:

— Уважаемый господин губернатор! Уважаемые...

В зале зашумели.

— Разрешите вам представить...

Сначала глаза всех собравшихся были устремлены на парня у микрофона, потом все разом повернулись к губернатору провинции, следя за тем, как меняется выражение его лица. Однако Хью — так звали губернатора — сидел, застыв, как изваяние. Он ощущал на себе пристальные взгляды сотен глаз, эти взгляды сверлили, буравили его, губернатору было явно не по себе и лишь усиленным воли он сохранял спокойствие.

— ...Мы требуем прекратить преследование студентов и учащихся и освободить из-под стражи представителей студенческих организаций, — говорил оратор. — В высших учебных заведениях необходимо ввести обучение на вьетнамском языке, надо снизить плату за обучение, отменить воинскую повинность для студентов...

Хью понимал, в какой сложной ситуации он оказался. И ведь предвидел все заранее, понял все еще тогда, когда был у себя, когда еще не видел ни этого зала, ни этих устремленных на него глаз... Он понял все уже тогда, когда получил приглашение и решил ехать. Ему уже давным-давно известны все эти требования студен-

тов, они ему оскомину набили. Хыу слышал все это уже во время недавней демонстрации студентов — он помнит, как они шли рядами по десять человек: голова колонны в Анкыу, а хвост еще у рынка Донгба. Мелкие торговцы закрыли свои лавчонки и присоединились к колонне, потом к ним примкнули лоточники, со всех сторон стали стекаться велорикши, рабочие, служащие, буддисты... Колонна росла... Демонстранты несли гроб с мальчиком по имени Зыонг Мо и множество плакатов, они требовали наказать убийц мальчика, требовали свободы, демократии, требовали замены военной администрации выборной гражданской, прекращения репрессий и отмены конституции марионеточного правительства и еще многого другого. Их требования Хыу знал наперечет, мог повторить слово в слово, он помнил все, что было написано на плакатах, и, собираясь прийти сюда, в этот зал, он мысленно представил себе, что его ждет, и заранее тщательно взвесил все возможности. Он разработал план действий, который назвал «Десять минут усмирения». Он не раз выкручивался — выкрутится и на этот раз, но он никак не ожидал, что обстановка окажется столь напряженной, слишком напряженной! Хыу ощутил свинцовую тяжесть во всем теле и с ужасом осознал, что не может справиться с силами и задыхается от жары...

— Мы требуем, чтобы правительство немедленно отменило закон Вунгтау¹, это справедливое требование всех вьетнамских граждан, которые выступают за национальное самоопределение, против засилья иностранцев, предателей родины и диктаторов. Это по их вине часть нашей родной земли оказалась в лапах иностранцев, это они пригрели змею на груди, пустив врагов на родную землю.

¹ Закон Вунгтау (или хартия Вунгтау) — документ, принятый в портовом городе Вунгтау (недалеко от Сайгона) в 1964 году, т. е. в период правления в Южном Вьетнаме генерала Нгуен Кханя. Особое возмущение и широкое движение протеста вызвали статьи этого закона, согласно которым марионеточный правитель соглашался сдать в аренду США сроком на 100 лет ряд военных и военно-морских баз на территории Южного Вьетнама — тем самым предпринималась попытка увековечить американское присутствие в Южном Вьетнаме. Вскоре после очередного военного переворота, в результате которого Нгуен Кхань был отстранен от власти, эти статьи хартии Вунгтау были аннулированы.

Представитель студентов продолжал свою речь, но Хыу уже ничего не хотел слышать, ему казалось, что у него в голове гудит пчелиный рой. Проклятье! Никогда еще ему не приходилось попадать в такое положение.

Представитель студентов закончил свое выступление. Хыу поднялся, точно подброшенный пружиной.

— Я пришел сюда, чтобы встретиться с вами, чтобы выслушать ваши требования. Вопрос об освобождении временно арестованных студентов будет рассмотрен на уровне администрации провинции... разумеется, на основании доклада управления госбезопасности и при условии, что эти студенты осознали, что их действия по подрыву безопасности и порядка в городе принесли плачевные результаты. Посудите сами: бросили учебу, отказались сдавать экзамены, доставили огорчения родителям, вынудив их жаловаться, — нам пришлось скрепя сердце пойти на такую меру, как временный арест...

В зале поднялся шум. Напряжение достигло предела... Вздумшиеся вены, капельки пота на смуглых лбах, в широко открытых глазах застыл гнев...

— Что касается второго вопроса — а именно отмены закона Вунгтау, — в голосе Хыу зазвучали доверительные нотки, — мы доложим наши соображения главе государства, генералу...

Его прервал громкий голос из зала:

— Возмутительно! Все те же приемы! Послушать его — так все просто, сплошные светлые перспективы... Все поставлено с ног на голову, знаем мы эти хамелеонские штучки... Ишь, как рассыпается: «Позвольте обратиться», «Нам пришлось скрепя сердце»... Пустые обещания! Довольно болтовни! Плетет тут всякую околесицу! А у самого припасены гранаты со слезоточивым газом да полицейские дубинки...

И тут действительно раздались полицейские свистки, топот ног у всех дверей, послышался стук кованых ботинок по кафельному полу, шуршание жесткой ткани униформы. Мгновенно были перекрыты все входы и выходы. Все, кто был в зале, разом вскочили со своих мест. Хыу бросил микрофон, махнул рукой, подавая кому-то знак. Началась схватка. Губернатор исчез.

Люди в масках, вооруженные до зубов, набросились на вопящих, отчаянно сопротивляющихся, совершенно безоружных студентов.

Проклятья, угрозы, истошные крики, пинки, брань, лязганье металла — все слилось в сплошной хаос. Злоба и ненависть...

Через несколько минут чудища в масках выволокли из помещения нескольких студентов с закрученными назад руками. Лица у арестованных были покрыты сипяками и ссадинами.

Арестованных втокнули в стоявшую наготове машину, и она тут же умчалась.

Уже через сорок пять минут по всему студенческому городку были развешаны плакаты, на которых еще не просохла краска: «Объявляем бойкот экзаменационной сессии 1964 года!» На кирпичных воротах, на стенах одна за другой появлялись надписи: «Забастовка учащихся», «Забастовка на рынках». Транспаранты перегородили проспекты. Ненависть переполняла сердца, она достигла невиданного накала.

В Хюэ прибыл Нгуен Кхань¹.

— Кхиет, садись-ка ко мне!

Кхист не заставил себя ждать, вскочил на мопед, который понесся на предельной скорости.

По проспекту Ле Лоя по направлению к Государственному университету мчались машины всех видов и марок. Вон ребята с педагогического факультета, а вон с филологического, с юридического... И еще множество ребят из средних школ, знакомых и незнакомых...

— Если уж Нгуен Кхань притащился в наш город, надо устроить ему подобающий прием!

— Эх, надо бы его захватить, а не удастся, так прекратим занятия, сорвем сессию!

Мимо Кхиета на японском мопеде промчались знакомые ребята из школы имени Нгуен Зу. На тротуарах

¹ 30 января 1964 года генерал Нгуен Кхань сверг группировку генерала Зыонг Ван Миня и, возглавив военную хунту, занял посты председателя так называемого военно-революционного совета, премьер-министра и главнокомандующего. Первый раз Нгуен Кхань прибыл в Хюэ 5 апреля 1964 года, второй раз — 15 апреля того же года, когда в городе происходили крупнейшие антиправительственные выступления студентов.

было полно народу: к университету шли грузчики, мелкие торговцы, лоточники.

Над просторным двором Государственного университета повис в воздухе вертолет, а толпа уже заполонила двор.

— Гляди-ка, Кхиет,— друг толкнул Кхиета локтем,— сколько народу нас опередило.

Кхиет не ответил, а лишь крепче ухватился за пояс сидящего впереди него товарища и ткнул его в бок, как бы говоря: «Жми на все педали!»

— Он поехал на машине в сторону палаты депутатов!

— Он только что проехал! — громко крикнул какой-то мальчонка, протискиваясь сквозь толпу.

У здания палаты депутатов собралось множество велосипедов, мопедов, мотоциклов, автомобилей. Кокосовые пальмы задумчиво покачивались над многоцветной и многоликой толпой...

Кхиет вместе с другом начал протискиваться сквозь толпу к тому месту, где окруженные жандармами и полицейскими стояли недавно арестованные студенты. Кхиет с удивлением обнаружил, что в толпе мелькают знакомые лица: продавщицы прохладительных напитков, торговки фруктами, которых он видел почти ежедневно, но не знал по имени.

— Эй, Кхиет!

Кхиет обернулся: это его окликнула тетушка Тхуан, которая была в своем обычном темно-сером платье. Она стояла в окружении других женщин и у всех были при себе нейлоновые мешочки — для защиты от слезоточивого газа.

— Как вы попали сюда раньше нас? — удивленно воскликнул Кхиет. Он был в замешательстве и смущении от того, что женщины оказались куда предусмотрительнее, чем он: несмотря на спешку, они прихватили с собой нейлоновые мешки для защиты от ядовитых веществ. И как только им удалось добраться сюда так быстро? И тут же он получил ответ на свой вопрос:

— А нас подвезли рикши! Они решили тоже быть здесь, заодно и нас сюда доставили,— ответила женщина, стоявшая рядом с тетушкой Тхуан,— спасибо им!

— Не стоит благодарности! Мы все равно направлялись сюда, хотели устроить веселенькую встречу

главе государства, генералу Нгуен Кханю! — ответил стоявший рядом пожилой рикша, довольно потирая руки. Он достал зажигалку, закурил сигарету и, широко улыбнувшись, обнажил крашенные зубы¹.

Кхиет попрощался с женщинами и стал энергично пробираться сквозь толпу к своим друзьям, которые расположились поблизости от ворот Национального собрания. Солнце было в зените и немилосердно палило. Массивные ворота охраняли жандармы и полицейские с обветренными лицами. Они стояли плотными рядами, и эта темная масса напоминала вязкую болотную грязь, которая вот-вот хлынет через дамбу — толпу и преградит путь многоцветному потоку, готовому выйти из берегов и выплеснуться на запретную территорию.

— Пусть глава государства выйдет к нам и выслушает требования студентов и учащихся!

— Пусть глава государства выслушает трудовых людей!

— Мы требуем, чтобы глава государства вышел к нам!

Тысячи рук, сжатых в кулак, взметнулись вверх. Откуда-то появились рупоры, требования собравшихся повторялись еще и еще раз.

Вышколенные охранники сохраняли невозмутимый вид — словно у них заложило уши.

Пожилый полицейский подошел к Кхиету и его друзьям и доверительно сказал:

— Граждане, прошу соблюдать порядок и немного подождать. Как раз сейчас главе государства докладывают о ваших пожеланиях.

Полицейский щелкнул каблуками и принял еще более озабоченный вид.

— Глава государства только что прибыл и даже не успел отдохнуть с дороги.

И тут же в воротах появился офицер военно-воздушных сил. Он обратился к собравшимся:

— Глава государства не совсем здоров и очень занят, поэтому не может выйти.

— Этот номер не пройдет! Мы не согласны!
Людское море забурлило, зашумело.

¹ Во Вьетнаме издавна существовал обычай покрывать шеллаком зубы, чтобы предохранить их от разрушения.

— Мы требуем, чтобы глава государства выслушал жителей Хюэ!

— Пусть глава государства выслушает требования студентов и учащихся!

— Глава государства не может не считаться с требованиями жителей Хюэ и молодежи! Пусть найдет время выслушать нас!

Рупор переходил из рук в руки, люди явно не собирались расходиться.

В это время раздался чей-то твердый и решительный голос:

— Мы настоятельно требуем, чтобы глава государства выслушал нас, а если он откажется, мы будем вынуждены блокировать здание палаты депутатов и не дадим ему вылететь в Сайгон до тех пор, пока он не выполнит наших условий!..

— Правильно! Верно!

— Верно! Верно!

Снова взметнулся лес рук, сжатых в кулак.

Прошло пятнадцать минут. Пятнадцать минут напряженного ожидания. Кхиет почувствовал стеснение в груди — его душила ненависть. Как смеет этот наглец Нгуен Кхань с таким презрением относиться к народу? А может быть, он просто струсил и, чтобы скрыть это, решил спрятаться в своих апартаментах? Нужно непременно вытащить его оттуда, вытащить во что бы то ни стало! Он должен воочию убедиться, что гнев жителей Хюэ дошел до предела. Кхиет придвинулся к своему соседу, достал из его кармана недописанное обращение, перечитал его. Солнце слепило ему глаза, он чувствовал, как под белой рубашкой ручьем течет пот, но Кхиет знал, что надо обязательно вставить в обращение еще несколько слов, чтобы оно приняло законченный вид. Кхиет сложил бумагу и сунул в карман. По лицу градом катился пот.

Напряженному ожиданию, казалось, не будет конца, страсти накалялись.

— Пусть только глава государства не выйдет к нам — мы разнесем это здание!

— Если глава государства не пойдет навстречу нашим справедливым требованиям, мы будем вынуждены засучить рукава и действовать!

Поднялся невообразимый шум. Несколько молодых

парней, красных от возбуждения, торопливо засучив рукава, уверенно направились к воротам.

— Какой он глава государства — больно много для него чести. Да он просто Кхань!

— Эй, зовите сюда Кхана!

Вооруженные до зубов жандармы и полицейские попытались протиснуться в толпу и навести порядок, но людское море превратилось в могучий вал, неподвластный воле простого смертного, блюстители порядка оказались бессильными перед этой стихией.

Неожиданно, словно по мановению волшебной палочки, затихли крики, толпа на мгновение замерла, потом раздались ликующие возгласы: появился Нгуен Кхань, окруженный плотным кольцом охраны. Его сразу узнали по густой бороде. Глава государства старался держаться невозмутимо. Используя в качестве трибуны автомобиль, Кхань обратился к собравшимся, призвав на помощь все свое красноречие, — недаром он тщательно готовился к каждому публичному выступлению еще с тех времен, как стал младшим офицером.

— Дорогие соотечественники, уважаемые жители Хюэ, дорогие студенты, студентки, учащиеся! Несмотря на исключительную занятость, я готов пойти навстречу вашей просьбе и уделить вам несколько минут...

— Спуститесь вниз, уважаемый глава государства!

— Спуститесь с автомобиля!

Ему не давали говорить, требуя спуститься. Не дожидаясь, когда толпа умолкнет, Нгуен Кхань с удрученным видом сошел вниз — ничего другого ему не оставалось. Кхань знал, что, если уж он решился предстать перед толпой, он должен приноравливаться к обстановке и подчиняться ходу событий. Уступив требованиям собравшихся, он хотел продемонстрировать и уверенность в себе, и свое умение считаться с волей масс, свой демократизм.

Представитель студентов начал излагать требования собравшихся.

— Мы настоятельно требуем освободить из-под ареста представителей студентов и прекратить какие бы то ни было репрессии в отношении студентов и учащихся! Мы требуем немедленной отмены закона Вупгтау!

Резкий тон этого заявления задел Кхана. Он ведь может и не посчитаться с этими требованиями и отдать приказ губернатору провинции Тхыатхип навести порядок в Хюэ. А тот заставит бунтовщиков утихнуться. Вместо того чтобы учиться, студенты занялись митингами и демонстрациями. Сегодня они выставляют одни требования, завтра другие, этому не видно конца! Пора кончать с этой кутерьмой! Есть дела и поважнее. Может, стоит отдать приказ о немедленном аресте зачинщиков? Ведь это в его власти, стоит только сделать решительный шаг. Но ведь подобная ситуация может возникнуть и в Сайгоне, и в любом другом месте... Весь гнев толпы сейчас обращен против него, стоит только ему сделать неосторожный жест, сказать неосторожное слово — и без того скверная обстановка еще больше осложнится. И на его голову обрушатся неисчислимые беды, под угрозой окажется только что обретенный пост главы государства. Кхань, который был в упоении от сознания собственной власти, не мог поставить все это на карту.

Представитель студентов закончил свое выступление. Повисло напряженное молчание. Глава государства сделал шаг вперед. На редкость трудная ситуация! Кхань не мог и предположить, что окажется буквально прижатым к стене. А ведь у него были совсем иные планы — он прибыл в Хюэ, чтобы дать негласное указание Хыу подобрать надежную агентуру, которую можно было бы использовать для подрывной работы. Он создал секретную программу подавления антиправительственных выступлений. Прежде всего нужно было ударить по зачинщикам выступлений молодежи в Хюэ. Кто мог предположить, что его появление в Хюэ приведет лишь к обострению ситуации и, возможно, станет причиной многих неприятностей! Теперь ему необходимо сделать правильный ход.

Кхань обратился к собравшимся.

— Полагаясь на вашу помощь, дорогие соотечественники, дорогие студенты и учащиеся, — лицо Кхана потемчело, — я приложу все усилия, чтобы добиться удовлетворения изложенных здесь требований...

В ответ раздался пронзительный свист, негодующие возгласы, хлопки, затем слышались уверенные голоса:

— Мы требуем, чтобы глава государства приказал

местным властям немедленно приступить к выполнению наших требований...

— Мы требуем, чтобы глава государства немедленно отправился с нашими представителями в резиденцию губернатора и дал губернатору соответствующие указания.

Не дожидаясь ответа Кханя, толпа двинулась вперед, несколько студентов пробили брешь в цепи полицейских и, мгновенно подхватив генерала Кханя под мышки, усадили его в коляску моторикиши. Остальные рикши окружили их, и импровизированный кортеж двинулся к резиденции генерал-губернатора. Кхань не успел даже осознать, что произошло, каким образом он оказался в коляске рикши. Уму непостижимо, как это случилось! Он помнил лишь, как под напором толпы студентов в полицейском заслоне на минуту образовалась брешь, как кто-то из студентов вежливо сказал: «Милости просим...» Больше он ничего не слышал, словно его оглушили, и даже не решился повернуть головы. Он не представлял, сколько народу движется по бокам и сзади. Даже если никто больше не присоединится к потоку, который он успел разглядеть несколько минут назад, то в ширину колонна растянется, пожалуй, метров на восемь, а в длину — не менее километра! Вокруг кричали: «Долой!», улюлюкали, перекликались... Кхань судорожно обхватил дрожащими руками колени. Он знал, что выглядит сейчас жалким и пеленым. Он больше не владел собой, лицо его помрачнело и стало совсем серым. Кхань с ужасом чувствовал, что у него зуб на зуб не попадает, и сердце бешено колотится, а рикша катит себе вперед как ни в чем не бывало...

Когда испуганный, растерянный глава государства появился в резиденции губернатора, все разом вскочили со своих мест. Надрывно верещали телефоны. Кханю казалось, будто каждый, кто видел, в каком идиотском положении он очутился, дал ему по физиономии — начиная от губернатора, вице-губернатора, начальника канцелярии и кончая делопроизводителями.

Все остолбенели от изумления, когда конвоируемый студентами Кхань вошел в приемную губернатора и дрожащей рукой подписал приказ об освобождении арестованных представителей студентов и учащихся. Двор заполнили люди. У ворот также собралось мно-

жество народу. Из окон здания, где находилась ЮСОМ¹, на миг высунулись бородатые физиономии, но тут же исчезли. Кхань действовал, словно лишенный разума автомат. Авторучка, которую он опустил на лист бумаги, показалась ему невероятно тяжелой: рука словно окаменела, ее прямо свело от боли! Казалось, Кхань не ведал, что творит. Губернатор провинции Тхыатхиен, он же мэр города Хюэ, слегка наклонившись, скрестил руки. Все происходившее казалось ему кошмарным сном, не укладывалось в сознании.

Недавний конфликт между губернатором Хыу и Объединенным студенческим советом вывел чиновника из душевного равновесия. Но он никак не ожидал, что сам глава государства окажется в столь же унижительном положении. Когда губернатору в свою очередь пришлось взять ручку, чтобы поставить подпись, он почувствовал, что рука у него вспотела. Хыу подписал приказ начальнику управления безопасности освободить арестованных студентов и студенток.

Нгуен Кхань пристально посмотрел на Хыу. Он был сыт по горло этой поездкой в Хюэ! Опять эти демонстрации, опять эти наглые требования: «покончить с предателями, казнить злодеев, на чьей совести кровь жителей Хюэ», и так далее. Все в один голос требовали суда над семьей Дьема² и его приближенными. Студенты настояли, чтобы Кхань подошел к громкоговорятелю, установленному в полицейской машине, и объяснил, кто выбрал его президентом. Один из студентов выкрикнул в микрофон: «Долой диктатора Кханя!» Кхань попытался вывернуться:

— Какой же я диктатор, я сам сверг диктатора.

Он хотел сказать что-то еще, но тысячи людей буквально зажали его в тиски, снова завязалась схватка с полицией, опять пошли в ход деревянные сабо, сандалии, корзинки, замелькали полицейские дубинки... Нет, этого он не забудет, он им еще припомнит...

Но сейчас необходимо взять себя в руки... Кхань подавил душивший его гнев и постарался придать лицу спокойное выражение, хотя внутри все кипело, и казалось, почва уходит у него из-под ног.

¹ Организация американской помощи.

² Имеется в виду марионеточный президент Нго Динь Дьем.

В просторной резиденции губернатора ему стало душно, как в застенке, он был словно в горячечном бреду, ему было нестерпимо жарко...

— Дорогие соотечественники, дорогие студенты, студентки, учащиеся! Что касается второго пункта ваших требований,— Кхань намеренно не упомянул, что речь идет об отмене закона Вунгтау,— по возвращении в Сайгон мы с моими помощниками немедленно начнем кампанию за скорейшее удовлетворение ваших требований!

Из толпы донеслись крики:

— Выражайтесь яснее, да говорите погромче, чтобы вас все слышали!

— Повторите еще раз!

— Смотрите, не забывайте своих обещаний!

И снова Кханю показалось, что почва ускользает из-под ног и все вокруг погружается во мрак. Он крепко вцепился в край стоявшего перед ним стола и через силу сказал:

— От имени... властей и от себя лично я торжественно обещаю по возвращении в Сайгон приложить усилия для отмены закона Вунгтау.

Кхань почувствовал, что от этих слов у него задеревенел язык, и ему стало совсем неважно. Но он снова постарался взять себя в руки.

Тем временем представителей студентов освободили из-под ареста. Их встретили ликующие приветственные крики, радостный блеск глаз, горячие рукопожатия.

Толпа расступилась, пропуская Кханя, который направлялся к машине, окруженный плотной стеной жандармов и полицейских. Машина дала полный газ и умчалась. Кхань еще не совсем пришел в себя, все происшедшее казалось ему кошмарным сном. Где грань между воображаемым и реальным? Рядом с машиной Кханя мчались два полицейских мотоцикла. Глядя на них, Кхань вдруг вспомнил, что уезжает из Хюэ, так и не дав четких указаний губернатору, на которого он мог положиться больше, чем на кого бы то ни было.

Стояла нестерпимая полуденная жара. Машина с открытым верхом не спасала от палящих солнечных лучей. По обеим сторонам дороги то и дело попадались группы людей. Среди них были и пожилые люди, и молодежь, мужчины, женщины. И все они показывали на

машину. Кхань сообразил, что, видимо, эти люди недавно составляли часть огромной толпы, с которой ему пришлось иметь дело, это они только что дали ему бой и препроводили под конвоем от здания палаты депутатов до резиденции губернатора, как какого-нибудь отъявленного преступника... Он уже больше ничего не видел и не слышал, перед глазами замелькали искры, словно его атаковали полчища светлячков.

Глава V

Винь Ко встретил утро в Дананге, в городе, где он не был около года и где жизнь изменилась до неузнаваемости. Ему казалось, будто город теперь чем-то напоминает состарившуюся продажную девку, которая обрядилась в новую одежду. Потное лицо, затрудненное дыхание, осипший, словно спросонок, голос, хриплый смех, размазанные румяна... Винь Ко и Кхиет никак не могли осознать случившегося и принять его. Оба они сразу почувствовали себя опустошенными, оба словно лишились дара речи, им уже не хотелось излить друг другу душу, как это бывало в прежние годы. Не сговариваясь, они присели на каменную скамью во дворе госпиталя, рассеянно глядя на густые кроны деревьев по бокам аллеи, пунцовые розы, словно кичащиеся друг перед другом красотой своего бархатного наряда. Они крепко подружились еще в школе второй ступени — именно в те годы Винь Ко и Кхиет по-настоящему привязались друг к другу.

«...У меня было совсем иное представление о собственном назначении в жизни. Постарайся понять, Кхиет. Рано или поздно ты все поймешь. Когда тебе стукнет двадцать пять, ты начнешь смотреть и на самого себя по-другому, тебе захочется новой, настоящей жизни, тебе захочется, чтобы слова «свобода», «независимость» были не пустым звуком, а обрели осязаемую реальность...»

«На что тогда намекал Винь Ко?» — думал Кхиет. С некоторых пор ему стало казаться, будто друг что-то скрывает...

В автобус врывался горячий воздух. Многолюдный, шумный город словно отступил куда-то за стеклом ав-

тобусных окон. «Стало быть, Винь Ко, пройдя сквозь огонь войны, переживая бурю в своей собственной душе, нашел какое-то единственно правильное решение», — думал Кхиет. Он вспомнил, какой взгляд был тогда у Винь Ко. Уверенный и твердый, как никогда. Мимо проезжали рикши с редкими пассажирами, у рикш были темные обветренные лица, по которым струился пот. Он почувствовал запах пудры, румян, терпкий аромат духов смешался с запахом бензина, затем пахло смрадом мусорных куч, над которыми гудели полчища жирных мух — их вспугнули ребятишки, повздорившие из-за конфетных коробок.

«Винь Ко очень возмужал, обрел какую-то особую значительность и мудрость, несомненно, он пришел к какому-то выводу, принял твердое, жизненно важное решение. Вовсе не случайно он сам себе нанес это ранение...»

Кхиет вспомнил слова друга: «У меня было совсем иное представление о собственном назначении в жизни... В двадцать пять лет... слова «свобода» и «независимость» должны обрести осязаемую реальность...»

Кхиет чуть было не повторил эти слова вслух. Он потрогал край открытого окна и выглянул наружу. Город остался позади, теперь за окном были горы и море. На далеком горизонте сгустились темные тучи. Кхиета больно резанула мысль: «Так хорошо понимать друг друга и все-таки не доверять друг другу до конца! Какая бессмыслица!» Кхиет устроился поудобнее на своем сиденье. Он старался подавить раздражение против друга: разве он может упрекнуть Винь Ко в чем-либо? Это он, Кхиет, запутался в своих умозаключениях и оторвался от реальной действительности. Ведь Винь Ко откровенно рассказал ему, при каких обстоятельствах был ранен. Так за что же он сердится на него? Разве любой из нас не имеет права на переоценку ценностей? Особенно такой человек, как Винь Ко. Человек, отличающийся твердой волей и самостоятельностью мышления.

Темное море придвинулось совсем близко, на северо-западе громоздились горы. Ветви деревьев переплелись друг с другом, как прожилки на мраморе. Все кругом приобрело расплывчатые неясные очертания.

Кхиет подумал о своем дяде, который жил в Данан-

ге, днем он работал электриком, а на ночь нанимался портовым грузчиком, чтобы хоть немного подработать. Кхиет вспомнил, как дядя и его жена с горькой усмешкой успокаивали его: «Не переживай из-за нас! Не мы одни так! Очень многие служащие днем работают в своих конторах, а ночью становятся рикшами. Так что о таких, как твой дядя, и говорить не приходится. Без дополнительного приработка в наше время не проживешь!»

На трудовой люд Дананга словно обрушилась свирепая буря. Никто не мог устроить свою жизнь так, как ему хотелось. На том месте, где еще вчера стояла лавчонка с прохладительными напитками, в которой хозяйничала молодая девушка или старушка, сегодня высились горы бочек и ящиков, набитых всякой всячиной, привезенной из заморских стран. Там, где вчера прогуливались влюбленные молодые пары, сегодня вдруг появлялись заграждения из колючей проволоки — еще одна запретная зона. Жизненное пространство в городе с каждым днем сужалось, зато на улицах все чаще мелькали мундиры жандармов и полицейских. С неприступными, каменными лицами они прохаживались вдоль набережной, готовые в любую минуту поднести к губам свисток или выхватить из кобуры револьвер. Часть из них получили подготовку в Америке, часть во Вьетнаме. То и дело проводились кампании: местных жителей выселяли из домов, отбирали у них землю, на предприятиях шли массовые увольнения рабочих. Одновременно велось строительство каких-то новых объектов. В порт постоянно прибывали корабли с военными грузами. Стоило только разнестись слуху о том, что тот или иной американский объект нуждается в рабочей силе, как у его ворот тут же собиралась толпа. Вначале появлялись лица, печатавшие на машинке заявления о приеме на работу, затем те, кто нуждался в их услугах. Иногда и тех и других было одинаковое количество, иногда преобладала вторая категория. Подашь заявление на полминуты позже другого — не попадешь в список принятых на работу. Дядя Кхиета как-то сказал: «Голод задушит нас всех, если мы не подавим в себе самолюбия, вернее говоря, чувства национального достоинства».

Бары, чайные, ночные притоны вырастали как гри-

бы. Прямо напротив стадиона Тонланг процветало заведение, где девицы откровенно торговали собой. Год назад Кхиет приходил сюда на футбольный матч, и не было тут ни девиц, ни самого заведения, а сейчас они торчали на веранде и, нагло улыбаясь, зазывали клиентов. Когда в прошлом году неподалеку от города разместился американский лагерь, жители Дананга сокрушенно вздыхали; теперь, конечно, где-нибудь поблизости откроется и «заведение»: американцы и проститутки неразлучны... И прогнозы эти очень скоро оправдались! «Куда мы только катимся?» — с горечью подумал Кхиет. Он снова вспомнил Винь Ко. «Действительно ли каждый из нас сам выбрал свой путь? Мы хотим быть счастливыми, мы желаем сохранения непреходящих вечных ценностей, мы отстаиваем право быть людьми, хотим жить, сохраняя идеалы».

«Почему мы не выберем другой путь?» Кхиет снова вспомнил слова Винь Ко: «Когда тебе стукнет двадцать пять, ты начнешь смотреть на себя по-другому...» Ну почему же, дорогой мой Винь Ко, у нас с тобой не получается откровенного разговора? Эти тягостные мысли измучили Кхиета, не давали ему покоя. Неожиданно ему захотелось немедленно вернуться назад, увидеть Винь Ко. Кхиет подошел к открытому окну, рассеянно посмотрел вдаль. «Нет, горячиться не пужно, — успокаивал он сам себя, — мы еще успеем встретиться и поговорить по-настоящему».

Молодая женщина, сидевшая рядом с Кхиетом, сказала, что ей дурно. Кхиет поспешно вытащил свой носовой платок и протянул ей. Взглянув в окно, он вздрогнул: оказывается, они уже давно миновали курортные места, осталось проехать еще два последних перевала, и они будут на месте, а он и не заметил, как пролетело время. В окно врывался свежий ветерок. Вот уже показался Лангко. Какая красота! Мужчина, сидевший впереди, протянул молодой женщине баночку с ароматной мазью. «Возьмите, это вам поможет», — сказал он, повернувшись к ней.

«Почему же мы не выберем иной путь?» Наверняка Винь Ко тоже задавал себе этот вопрос. Женщину тошнило, у нее дрожали плечи, прическа растрепалась.

— Откиньтесь немного назад, так вам будет легче, — сказал Кхиет.

Бледное лицо молодой женщины напомнило Кхиету другое лицо. Он словно наяву увидел прекрасные, темные, широко открытые глаза, полные слез. Где бы он ни был, эти глаза, это бледное лицо всегда стояли перед ним. Та девушка словно незримо следовала за ним повсюду, она приходила к нему в сновидениях, встречая других девушек, он пытался уловить знакомые черты. Что с ним? Или ему почудилось? Когда в Дананге машина свернула на улицу Фан Тю Чиня, Кхиет вдруг увидел в толпе школьников девушку, поразительно похожую на ту. Нет, не может быть! Она стояла рядом с каким-то мальчишкой.

Машина продолжала свой путь. Голова молодой женщины бессильно клонилась вниз. Уже совсем близко Лангко. Где-то вдали море сливалось с небом — едва заметная серовато-голубая черта. Небо соединялось с морем, словно одна гладкая поверхность переходила в другую. Далеко-далеко виднелись белые паруса — словно хлопья снега, брошенные в пространство рукой неведомого художника. На западе струились светлые полосы, будто кто-то нечаянно опрокинул на синий шелк кувшин с молоком. Высоко в небе плыли облака, и на воде качались их отражения — казалось, в сказочном небесном саду прогуливались одетые в длинные платья прекрасные феи из старинной легенды...

«Как прекрасна родная земля! Как прекрасно родное небо над бескрайним морем!» Молодая женщина, сидящая рядом с Кхиетом, вернула соседу на переднем сиденье баночку с мазью.

Машина миновала перевал Фузиа. Мужчина взял баночку и с шумом выдохнул воздух, точно сбросил с плеч тяжесть.

— Вы, вероятно, офицер? — спросила женщина.

— Вы угадали, — спокойно ответил мужчина. — Хотя на мне нет военной формы, они знают, что я офицер, и все-таки «разрешают проезд».

Слово «они» мужчина произнес с нажимом. Женщина посмотрела на него с улыбкой, а мужчина повторил: — Главное, что на мне нет военной формы!

Кхиету не хотелось слушать их разговор, и он стал смотреть на море. На определенном участке дороги водителю иногда приказывали остановить машину и высаживать лиц в военной форме. «Они» в мгновение ока

окружали и тут же куда-то уводили военных. Тех, кто был в штатском, обычно не задерживали. Это было в те дни, когда на железных дорогах прекратилось движение поездов. Все движение на железных дорогах замерло — так говорили очевидцы. Особенно на участке Дананг — Хюэ — Донгха, где после недавних наступательных операций патриотов не проходил ни один поезд. Вагоны, где находились гражданские лица, оставались целы и невредимы, вагоны же, в которых везли солдат и оружие, то и дело взлетали на воздух. После каждой диверсии так называемые ответственные лица громогласно выражали свое возмущение, усиливалась охрана, устраивались облавы. Но все эти меры не давали желаемых результатов, спокойствие воцарялось лишь на некоторое время. И однажды ночью со стороны железной дороги снова доносились страшные взрывы, от которых содрогалась земля, и снова несколько вагонов, которые неизвестно каким образом оказывались отцепленными от других, взлетали на воздух, объятые пламенем и густым дымом. Снова чинили дорогу, снова устраивали облавы, снова объявлялись смертные приговоры, которые поспешно приводились в исполнение, — и все начиналось сначала. Поэтому теперь солдаты и офицеры, уезжая домой в отпуск или направляясь куда-либо по делам службы, старались смешаться со своими соотечественниками. А соотечественники перестали ездить по железной дороге, боясь оказаться на том свете. В конце концов на этом участке дороги поезда вообще перестали ходить, вот тогда-то и наступил черед автобусов и такси, которые останавливали посреди пути, высаживали людей в военной форме и уводили куда-то.

Машина прибавила ходу. Через полчаса они будут в Хюэ. Дорога утомила Кхиета. Думая о своем друге, он досадовал на него и на себя из-за того, что у них не получился откровенный разговор. Снова его ожидает мучительная бессонная ночь...

Глава VI

...Когда же теперь Кхиету удастся поговорить с Винь Ко, рассказать ему, как он исстрадался, каким себя чувствует разбитым и измотанным? До чего же

гнусной стала жизнь! И не только у него — многие его сверстники похожи на отбившихся от стаи мальков, попавших в вязкое болото после бурного паводка... С него довольно! Он пробьет лед недоверия. Винь Ко, не создавай ненужных препятствий... Почему мы не имеем права откровенно высказать друг другу все, что у нас на душе? Почему мы упорно скрываем друг от друга самое сокровенное? Не потому ли, что вокруг нас слишком много лжи? Не потому ли, что мы вообще утратили всякую веру? Нет, пусть мы потеряли многое, но как можно потерять взаимное доверие? Его нельзя утратить, как нельзя утратить способности любить.

...Когда же он сможет сказать другу, что ему претит эта неопределенность, эти недомолвки, что он хочет правды и откровенности? Видимо, Винь Ко уже избрал свой путь и уже идет по этому пути. Нет, Кхиет больше не даст ему уклониться от откровенной беседы, заставит сказать всю правду.

...Когда же этот Винь Ко, этот парень с высоким лбом, на котором рано прорезались упрямые морщинки, когда же он прямо посмотрит в глаза другу и не отвердет взгляда? Когда наступит этот очень трудный, но желанный момент, когда они переступят через этот рубеж?

Кхиет твердо решил, что должен повидать Винь Ко. Они встретятся, крепко обнимут друг друга и скажут наконец всю правду.

Несколько дней назад Кхиет получил от Винь Ко письмо и не успел опомниться, как Винь Ко приехал к нему сам. Он всегда любил устраивать сюрпризы. Друзья направились к школе Фу Ван Лау. Вековые деревья шелестели листвою, словно пытаясь напомнить друзьям о прошлом, о школьных годах, но те ничего не слышали, ничего не замечали вокруг.

— ...Ты говоришь, Винь Ко, что остался таким, как прежде? Как это понять? Разве ты теперь не солдат, разве ты все еще студент педагогического института?

— Да, я солдат. Но я такой же, как и прежде, — твердо сказал Винь Ко.

— Это правда?

— Конечно.

— Ты можешь дать честное слово?

— Даю.

— Ты так же высоко ценишь честное слово, как и раньше?

— Разумеется!

— Ну что ж, этого для меня почти достаточно...

И расстались они совсем не так, как он ожидал. Кхиет до сих пор до мельчайших подробностей помнит, как себя вел Винь Ко в тот день, помнит его решительное «нет», повторенное дважды.

Винь Ко говорил о чем угодно, но только не о том, что интересовало Кхиета больше всего. Он несколько раз возвращался к закону Вунгтау, говорил, что в Сайгоне готовятся мощные выступления против Нгуен Кханя, от которого потребуют отмены этого закона.

Наступили летние каникулы. В отличие от прошлого года, Кхиет использовал эти короткие летние каникулы, чтобы наверстать упущенное, ликвидировать пробелы, кроме того, пришлось давать уроки, чтобы купить книги и тетради к новому учебному году. В это лето Кхиет зачастил в деревню к матери. У него была своя цель. Однако об этом никто не догадывался.

Однажды в конце лета он довел до слез мать своими расспросами: «Мама, ты встаешь в три утра, чтобы приготовить еду каким-то дядюшкам. Я приезжаю к тебе уже пятый раз, но почему-то ни разу никого не встретил? Выходит, ты мне не доверяешь? И про отца при мне не вспоминаешь...» Но мать только молча смотрела на него. За лето он приезжал сюда пять раз. В первые свои приезды он ни словом не обмолвился о деле, которое его интересовало. А ведь ему с таким трудом удавалось вырваться в деревню! Мать радовалась, что он хорошо учится, она обещала свести его с дядюшкой Тхангом, но тут усилились бои и ей никого не удалось отыскать. Кхиет попытался сам разыскать кого-нибудь из местных подпольщиков, но из этого ничего не вышло. Однако некоторое время спустя, несмотря на занятость, они все-таки сами навели о нем справки — о его работе, о товарищах по борьбе и убедились, что он выбрал себе хороших друзей. Правда, им иногда недостает единства взглядов. Кхиет, например, ни в грош не ставит ни одного из нынешних лидеров, а некоторые его друзья когда-то делали ставку на Нгуен Тянь Тхи — после того, как тот поссорился с Кханем. Этот Тхи прибыл в Хюэ как раз в те дни, ко-

гда студенты в Хюэ и Сайгоне активно выступали против Кханя, требуя его отстранения. Тхи намеренно сообщил студентам, что американцы дали Кханю указание восстановить партию: «Труд и персонализм». Кхиет внимательно слушал и мотал на ус: пикто из знакомых его матери не верит ни этому Тхи, ни кому-либо другому из его компании. Знакомые матери предельно осторожны. Мать, по ее словам, не в курсе их дел.

— Сын называется! Как ты посмел так говорить с матерью! — она поправила платок на голове и потянула Кхиета за куртку. Он уже собирался выйти из дома. Глубоко запавшие усталые глаза матери, под которыми темнели тени, наполнились слезами.

Мать сказала Кхиету: «Нас со всех сторон окружают враги. Они повсюду: в наших домах, в садах, на улице, на дорогах... Шагу лишнего не сделаешь! Не думай, что все так просто... Я говорила с нашими, тебе велено ждать, наберись терпения...»

Он ждал. Ждал с того самого дня, как по возвращении в Хюэ встретил Ле Минь Тяу, — это было две недели назад. Кхиет шел мимо рынка Фочать, как вдруг из лавчонки с прохладительными напитками выскочил этот самый Ле Минь Тяу и дружески похлопал Кхиета по плечу, Кхиет не знал, какое задание дали на этот раз хозяева Ле Минь Тяу, он знал только, что одно время Ле Минь Тяу вертелся в Фаунгбине и в Фаунгхоа, видимо, что-то там вынюхивал и выслеживал. Он водился с Тон Тхат Санем, Кхиет видел их вместе. «Так ты, браток, был в деревне? Поправилось? А ты парень что надо! Разве что худощав немного, и глаза стали какими-то другими... уж не влюбился ли? Митингуешь, конечно? Правильно!» Кхиет молчал, сохраняя невозмутимый вид.

— Ты заходи ко мне, — продолжал Ле Минь Тяу, — я живу на улице Фан Тю Чиня, дом номер... лучше всего вечером, я тогда посвободнее. Ну борись, митингуй! — И Ле Минь Тяу, хитро подмигнув Кхиету, добавил: — Но и поостерегись! Я знаю, вы собираетесь организовать мятеж и ты ездил узнать их мнение. Я все знаю...

Он хрипло засмеялся, сел в коляску моторикши и помахал рукой... Машина умчалась, оставив за собой тучу пыли. Казалось, в коляске рикши находится не

человек, а орангутан, отчаянно размахивающий руками, как бы отбиваясь от напавших на него певидимых врагов.

«Ну нет, это не я что-то устраиваю, а ты решил устроить мне ловушку, мерзавец!» — подумал Кхиет. Он слышал, что последнее время Ле Минь Тяу подвизался в качестве агента особых поручений в Фаунгбинге и в Фаунгхоа, якобы он выслеживал всех, кто находился на подозрении у его хозяев. «Ты ведь вцепишься и не отвяжешься, всем известно, что ты хороводишься со всякой пакостью и, к сожалению, знаешь наперечет всех учащихся школы в Будьеме...» Нужно обязательно зайти к этому типу, узнать, что он обо мне думает...

Около года назад Кхиет как-то встретился с Ле Минь Тяу на цветочном рынке Тхыонгбак. Он и тогда, помнится, приглашал Кхиета к себе, но тот позабыл об этом приглашении. В тот раз Кхиет встретил его с женой, ярко накрашенной, простоватой, деревенского вида женщиной, и старшим сыном. Ле Минь Тяу тогда похлопал Кхиета по плечу, многозначительно подмигнув: «Зубришь все? Молодец! Будущий доктор! Какой-нибудь богач уже готовит для тебя роскошную дачу, автомобиль и дочку, которая пока еще бегаёт в коротенькой юбочке...» Он показал, какой длины эта юбочка, и жена захихикала и покраснела...

Кхиет вспомнил его зловещую ухмылку и многозначительное подмигивание. Как он сказал? «Ты ездил узнать их мнение?» Кого он имел в виду?

Кхиет продолжал ждать. Он отправил письмо Винь Ко и условился с ним о встрече. Он не спал ночей, в тревоге дожидаясь наступления утра, когда появится в их неуютном тупике почтальон с письмом от Винь Ко. Наконец письмо пришло, и друзья встретились, но это мало что изменило. Опять недомолвки, недосказанность...

Кхиет снова отправился к матери и наговорил ей обидных слов, потому что она по сию пору так ничего и не разузнала и по-прежнему велела терпеливо ждать. Ждать, ждать... Интересно, сообщила ли она о нем кому-нибудь, установила ли хоть какую-то связь?

И вот сегодня, явившись в госпиталь на практику, он вдруг неожиданно узнал, что ему предстоит иметь

дело с политзаключенными и пленными вьетконговцами. Что это? Насмешка судьбы? А может быть, это и есть тот самый случай, которого он так давно ждет? Как бы там ни было, выбора нет... но как он, Кхиет, будет выглядеть на этом совершенно новом для него поприще? Его одолевали бесконечные вопросы, и он с ужасом обнаружил, что пропустил мимо ушей все объяснения врача, заведующего отделением. Кхиет снова и снова вспоминал, как вел себя Винь Ко во время их встречи у школы Фу Вап Лау, как мать велела ему ждать и ничего не предпринимать самому. Почему-то вспомнилось многозначительное подмигивание Ле Минь Тяу...

За дверью послышался какой-то шум, и головы студентов-практикантов разом повернулись ко входу. Вошел чиновник службы госбезопасности. Он по-военному приветствовал аудиторию, и заведующий отделением предоставил ему слово.

— Я должен поделиться с вами некоторыми соображениями, поскольку вы являетесь медиками-практикантами, — сказал он, повернувшись к Кхиету. Кхиету стало не по себе от этого металла в голосе, от этого непроницаемого лица, холодного блеска глаз...

— Вам, работникам науки, оказывают честь...

Кхиет молча разглядывал шрамы на лбу врача. Двое практикантов вышли из аудитории. Ну и ну! Что же это такое? Кхиет потерял виски. Как ловко этот тип жонглирует красивыми словами, как легко они слетают с его губ! Как ловко манипулирует словами «дисциплина», «принципы», «достойное поведение», «аттестат», «дело чести для работника науки», «доверие правительства», «забота о политзаключенных» и так далее... Самое страшное заключается в том, что для таких, как этот тип, любой человек — это всего-навсего «объект», носитель чуждых ему взглядов...

Врач протянул чиновнику стакан с водой... Тот продолжал говорить. Кхиет старался не смотреть на говорившего и не слушать этих мерзких разглагольствований. Он бессмысленно уставился на колбу с лиловыми цветами. Какой бред, какая мерзость!.. Кхиет почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Только бы не сорваться! Кхиету показалось, что его бешено бьющееся сердце вот-вот вырвется наружу. Его рука судорожно

дернулась... Надо уметь владеть собой! Это ведь тоже искусство...

Чиновник из службы госбезопасности закончил свой инструктаж... Кхиет потянулся и с трудом сдержал вздох облегчения. Врач пошел проводить докладчика. Кхиет, с трудом преодолевая дурноту, молча шел следом. Осторожно ступая, он прислушивался к шуршанию серого гравия под ногами, каждый камешек словно тихо говорил что-то свое. Врач шел далеко впереди. А если отказаться? Кхиет вздрогнул. Рука судорожно сжала темные очки, по телу поползли мурашки. А под каким предлогом он может отказаться? Если за ним установлена слежка, они будут продолжать следить, даже если он откажется. На него надвинулась мрачная холодная стена с железными решетками на окнах...

— Доктор!

— Что? В чем дело? — врач обернулся к нему на ходу.

— Да нет, ничего. Не буду вас задерживать...

Врач замедлил шаг, взял Кхиета за локоть, потом отпустил, и, посмотрев ему в глаза, вдруг быстро заговорил:

— Тебе показался невыносимым этот спектакль? Ничего, учись терпению, иначе нельзя! За двадцать лет врачебной практики чего только не приходилось видеть! Когда-то я был студентом вроде тебя, юношей, преисполненным светлых надежд. Но постепенно светлые мечты и прежние представления разбились в пух и прах... Знаешь, когда? Я видел Хиросиму и Нагасаки! Это было страшно! — врач запнулся и, сдерживая волнение, продолжал: — Ты можешь это представить: ученые развивали медицинскую науку и одновременно изобретали атомную бомбу, чтобы сбросить ее на многолюдный город! Разве это не страшно? И сейчас делается то же самое. Скоро ты увидишь жертвы чудовищных попыток — это не идет ни в какое сравнение с тем, что когда-то уже было! И палачи будут заставлять нас врачевать эти страшные раны! Тебя заставит врачевать рану та же рука, которая минуту назад безжалостно нанесла увечье. И эта рука пользуется правом уничтожить плоды твоего профессионального искусства как

раз тогда, когда ты добился успеха. Ты удивлен? Не удивляйся, такова реальность...

Врач замолчал. Под ногами шуршали камешки...

Железные решетки словно направились на Кхиета, придавили его и вдруг завертелись бесконечным множеством колец. Каменная стена с заплатами из плотной решетки напоминала драную одежду, кое-как починенную неумелой рукой. Отверстия в решетке не больше шестнадцати миллиметров. Небо в квадратиках... Под аркой дежурят два полицейских. Третий подошел к ним. У всех троих одинаковые шестизарядные пистолеты, одинаково стучат ботинки с подковками. Каждый шаг отдается болью где-то в груди Кхиета. Может быть, все же отказаться? Под ногами шуршит гравий. Глупые воробы подлетают к вентиляционным отверстиям, наглухо закрытым густой решеткой. Нет, отказываться поздно. Зачем тогда, спрашивается, он слушал инструктаж чиновника госбезопасности, без которого никого не впускают в тюрьму. Тюрьма? Да, и внешний вид здания и охрана — все говорит о том, что это самая настоящая тюрьма. Судя по словам чиновника, больничные сооружения подобного типа — последнее слово в истории медицины. Да как они не могут понять простую истину: человеческую душу нельзя покорить с помощью штыков, а ведь у них нет ничего, кроме штыков.

Кхиет и врач поднялись по ступенькам. Полицейский с взъерошенными бровями на сером лице вставил ключ в замочную скважину и процедил сквозь зубы: «Входите, пожалуйста».

На них пахло отвратительным запахом тлена, исходившим от четырех полутрупов, покрытых гноящимися ранами. Кхиет увидел до крайней степени истощенных людей с кожей воскового цвета, их можно было бы принять за трупы, если бы не живые глаза в глубоко запавших темных глазницах. Однажды знакомый врач из Сайгона рассказал Кхиету о том, как ему пришлось оказывать медицинскую помощь кадровому работнику, которого держали в больнице Тёкуан. Ему приходилось в присутствии полицейских и агентов службы госбезопасности обращаться с больным нарочито грубо, и только когда их оставили одних, он смог заговорить с ним. Поначалу кадровый работник держал-

ся очень настороженно: откуда ему знать, с кем он имеет дело? Но потом все изменилось. Кадровый работник выздоровел, а лечившего его врача в прошлом году арестовали за «антиправительственные действия».

Обследуя никелированным стальным стержнем, конец которого был обернут чистым бинтом, рану на вспухшей и посиневшей ноге у самого маленького своего больного, Кхиет обнаружил, что совсем недавно кто-то обкромсал края раны и в глубине ее виднеется кость. От прикосновения металлического стержня раненый вздрогнул. Кхиет, двумя пальцами держа инструмент, старался прикасаться к ране с максимальной осторожностью, почти нежно. Может, ощущения передаются через металл? Кхиет почувствовал, будто и у него заболела нога, будто это у него самого выпщипывали кусочки живой плоти. Он опустил инструмент. Металлический стержень с громким стуком упал в оцинкованную чашу, и этот стук резко прозвучал в холодной, душевной тишине палаты. Раненый — мальчик лет двенадцати, может, немного старше — лежал, плотно сжав губы и уставившись широко раскрытыми глазами в потолок. В палате застыла напряженная тишина. Кхиет вновь наклонился над раненым. Пулевая рана... очевидно, выстрел из автомата. И следы недавних пыток. Кхиет чувствовал устремленные на него взгляды. Он впервые продельмывает такую болезненную процедуру без паркоза.

— Ты из Чуон? — спросил он мальчика.

— Да.

— Где и как тебя ранили?

— Они напали на нашу машину.

— Могу я знать твое настоящее имя?

— Меня зовут Муй.

— Хорошо. Сиди так, спокойно. Я знаю, что имею дело с настоящим мужчиной, — тихо сказал Кхиет, беря пузырек с порошком.

Он невольно сопоставил свою жизнь и жизнь этого мальчика. Он стрелял по врагу, вынес страшные пытки, дорогой ценой заплатил за свои идеалы. А он сам? Что совершил он, Кхиет? С четырнадцати лет мечтал стать врачом, хотел быть хорошим сыном, честным человеком, добрым соседом. Но мечта эта, словно насмешливая улыбка в зеркале, разлетелась вдребезги; сейчас

уже нельзя, живя по-старому, быть хорошим сыном, честным человеком, добрым соседом... Кхиет искал, упорно, настойчиво искал выход из тупика.

Шуршит бинт, практикант делает свое дело споро-висто и ловко. Мальчик, наклонясь, пристально, не отрываясь, смотрит на Кхиета, смотрит ему прямо в глаза. Непонятно, то ли он не доверяет ему, то ли просто испугался... Кхиет молча продолжал свое дело. «Смотри, смотри! Я хочу, чтобы ты смотрел на меня, и ты можешь смотреть на меня осуждающе, потому что я еще не достиг того, чего достиг ты».

Кхиет взял оцинкованную чашу и отошел от стола. В этой палате пулевые ранения были не у всех. У одного пациента было отбито легкое, у другого — сломана рука, у третьего — нервное расстройство, четвертого разбил паралич. Больной под номером девяносто шесть все время надрывно стонал. Кхиет уж привык к сумраку палаты — электрические лампочки тускло светились, будто глаза злого волшебника. От ран, казалось, уже не исходил больше удушливый запах, ударивший ему в нос, когда Кхиет впервые вошел сюда. Он врачевал раны людей, с которыми он должен был бы встретиться в другом месте, не здесь, где за каждым его движением постоянно следит холодный пронзительный взгляд, где из-за решетки за ним неотступно и внимательно наблюдают.

Снимая темные очки, Кхиет незаметно наклонился к раненому и тихо шепнул несколько слов.

— Мы все из районов Куангчи, Тхыатхиен, Хюэ,— быстро ответил мальчик,— а вон тот человек из Куанг-нама, вчера ему делали рентген, но пулю в позвоночнике так и не нашли.

Раненый кивнул в сторону больного номер сорок семь, который внимательно следил за движениями практиканта. Что говорят эти глаза? Что хочет он выразить своим взглядом? Пронзить сердце Кхиета? Кхиету стало не по себе, и он снова наклонился над больным. Тихо скрипнула дверь. В палату вернулся врач. Лязгнув железом, дверь приоткрылась, и в палату вместе с порывом ветра ворвался грохот кованых сапог полицейских. Врач, захватив с собой стетоскоп и пачку формуляров, вышел.

Вечер опустился на кроны старых деревьев, на широкие, продолговатые листья бананов, которые сейчас, после захода солнца, казались матовыми. На столе высились груды пухлых книг, безмолвных и равнодушных. Дневник как бы вопросительно смотрел на Кхиета. Молодой человек отошел от окна и склонился над чистым листом:

«Сегодня я видел нечто ужасное, такого мне еще никогда не доводилось видеть! Каким мужеством, какой святой верой, каким удивительным героизмом обладают эти люди! А те, другие! Холодный, свирепый злобный взгляд!

Откуда берется мужество? И эта самоотверженность? Ведь это не может быть позой, рисовкой».

Кхиет положил ручку и, подперев голову руками, пробежал глазами написанное. К кому обратиться? Куда пойти? У него ведь нет близких людей, кроме матери и Винь Ко. Кхиет взглянул на часы и поднялся. Сейчас семь часов... Наверное, этот Ле Минь Тяу уже дома.

Кхиет накинул пиджак и, взяв мопед, пошел к калитке. Сегодня Нгуен и Хыонг вместе с матерью отправились в деревню Виза. В доме остались только Кхиет и старушка хозяйка.

— Ты уходишь, сынок? — Старушка выглянула из окна.

— Да. Мне надо заглянуть к одному знакомому.

— Ладно. Только возвращайся поскорее. Мне дома одной как-то не по себе.

— Хорошо! — ответил Кхиет, садясь на мопед. Хозяйка проводила его взглядом и прикрыла дверь.

Он миновал переулочек и, спустившись вниз, где в трубу уходил ручей, выехал на улицу. Сейчас Кхиет готов был обратиться к любому, кто способен хоть немного облегчить бремя его тревог и сомнений; они обступили его со всех сторон, зажали в тиски. Он готов был броситься к любому, даже к Ле Минь Тяу. Кхиет думал, что этот тип, который так враждебно относится к революции, вероятно, поможет ему лучше разобраться в том, что он увидел и узнал. Если я переполнен любовью, почему я не могу сказать об этом открыто и прямо? Если же я одержим ненавистью, кто может утверждать, что я должен скрывать это?

В воздухе вечернего Хюэ носились сладкие осенние запахи. Вот из какого-то сада донесся аромат хризантем или еще каких-то цветов. Под кокосовыми пальмами улицы Фам Хонг Тхая его обдало волной теплого воздуха. Мопед мчался к реке Анкыу. Мать, все его родные шли на всевозможные жертвы, чтобы он, Кхиет, мог учиться, закончил институт. А он больше не может сидеть спокойно в уголке и зубрить, он уже больше не в состоянии отгораживаться от жизни. Он видел обезглавленные трупы, тела с отрубленными ногами, руками, вспоротыми животами, он знает, что такое шариковые бомбы, ракетные снаряды, напалм...

Утром двое полицейских у входа в тюремную палату даже и не подумали приветствовать его. Они только искоса взглянули на третьего, молча шагнувшего навстречу врачу и Кхиету. Шестнадцатимиллиметровые прутья в окне палаты казались Кхиету все толще, по мере того как он к ним приближался. Мальчик, раненный из автомата...

Вдруг он резко затормозил, мопед рванулся вперед, потом назад и остановился. Кхиет спрыгнул на землю и развернул мопед. Свет из окон виллы упал ему на лицо. Перед ним была широкая, просторная улица Ли Тхыонг Кыета. Редкие прохожие... тихо и пустынно. Пожалуй, лучше вернуться... Что ему даст этот визит к Ле Минь Тяу? Нельзя быть таким наивным! Он переключил скорость, и мопед поехал медленнее. Ну на что это похоже: утром его назначили практикантом в тюремную больницу, а вечером он отправляется к Ле Минь Тяу?.. Нет, надо вернуться. Кхиет прибавил газу. Ряды деревьев с обеих сторон улицы бросали на землю длинные тени, колеса мопеда дробили и кромсали их.

Не повернуть ли назад? Заехать к Ле Минь Тяу он может в другой раз... Во время последней встречи Ле Минь Тяу сказал Кхиету, чтобы тот зашел к нему через недельку, лучше всего вечером, когда у него больше свободного времени. «Прошло девять дней», — прикинул Кхиет. Нет, надо взять себя в руки, надо быть благоразумным. Ведь Тяу велел зайти через неделю! Не следует пренебрегать его приглашением. Кхиет секунду колебался, а потом решительно повернул на улицу Фан Тю Чиня — по вечерам самую мрачную в Хюэ.

Река Анкыу извивалась, будто черная мерцающая лента, усеянная мириадами огоньков. Слева осталась маленькая буддийская часовня, где курились зажженные ароматные палочки, волшебным светом освещая фигуры каменных стражей и глиняные вазы для курений. Треск мотора нарушал тишину пристани Тап-ланг. Зашумели деревья, тянувшиеся по обе стороны улицы, пахнуло прохладным ветром и дивным ароматом, который можно ощутить только здесь, у пристани Тапланг, осенним вечером, когда ветерок гуляет над садами. Но покоя не было. Тревожные думы одолевали Кхиета. Он поправил воротник и стал разглядывать таблички с номерами домов. А, вот он, дом этого типа. Кхиет соскочил с мопеда. От калитки к дому вела дорожка, обсаженная кустами и деревьями.

Ле Минь Тяу был у себя, он сидел в рубаше с короткими рукавами. Услышав через открытую дверь шум подъехавшего мопеда, он выглянул и, увидев Кхиета, просиял так, будто в гости к нему пожаловал долгожданный друг.

— Это ты! — Ле Минь Тяу встал навстречу Кхиету, он радовался как ребенок. Его рот растянулся в широкой улыбке. Под левым глазом возле самых ресниц темнела родинка.

— Ну садись, садись, — он придвинул кресло и стал суетливо натягивать пиджак. — Ты извини, вечер прохладный, и я одет по-домашнему. Эх, чайку бы...

Он заварил чай. Ароматная жидкость желтела в белых чашечках. В гостиной не заметно было никакой роскоши, убранство ее было скромным и простым. Двое детей хозяина занимались в соседней комнате. Откуда-то издали доносился детский плач.

— Выпей чаю, — Ле Минь Тяу подвинул гостю чашечку и уселся напротив него, быстро моргая. — Для меня твой приход — большая честь. Вот уж никак не думал увидеть тебя в моем доме. А как ты вырос, возмужал! У тебя такое лицо, такие глаза и лоб, которые запоминаются надолго, — и он произнес грустным тоном: — Говорят, ты очень похож на отца.

— Да, говорят, — подтвердил Кхиет.

Тяу протянул гостю сигареты, но тот отказался. На столе стояли свежие розы, срезанные, по-видимому, совсем недавно. Бархатистые лепестки, казалось, жадно

дышали. На видном месте висела в рамке под стеклом фотография Нят Линя¹.

— Я смотрю, вы почитаете Нят Линя? — спросил Кхиет.

— О да, да! Это великий писатель, выдающийся революционер. А у тебя что, другое мнение на этот счет? — Ле Минь Тяу придвинул свое кресло поближе. — Ты не знаком с Нгуен Тьонгом, его сыном?

— Нет, — коротко бросил Кхиет.

— Пей чай, а то остынет, — сказал Ле Минь Тяу, подвигая гостю чашечку и выпил свой чай одним духом, потом откинулся на мягкую спинку кресла, — а я-то полагал, что Зунг² — это идеал нашей молодежи и парни, особенно твоего возраста, должны бы подражать ему.

— Подражать? — Кхиет с удивлением посмотрел на хозяина и поставил чашечку на стол. — Не думаю, что ему можно было бы подражать, наша молодежь ушла далеко вперед.

Хозяин, стряхнув пепел в пепельницу, кивнул головой.

— Смотри-ка, а ты стал мыслить совершенно по-другому. Я и сам совсем недавно полагал, что оставил далеко позади прежние идеалы. Но я ошибался, и должен тебе сказать, нынешняя молодежь тоже на этот счет сильно заблуждается. Известно ли тебе, что когда-то я состоял в Союзе молодежи «За спасение родины»³? И моя жена — тоже!

Он прикрыл глаза и, поднеся растопыренную пятерню к своему морщинистому желтому лбу, сделал такое движение, будто вырывал из памяти неприятные воспоминания.

Кхиет слушал его, боясь пошевелиться: он опасал-

¹ Нят Линь (1905—1963) — реакционный буржуазный писатель и политический деятель, покончил жизнь самоубийством.

² Зунг (букв. «мужественный») — герой романов Нят Линя «Решительный разрыв» (1934) и «Двое друзей» (1936); Зунг претендует на роль борца за национальное освобождение, хотя на самом деле является скорее индивидуалистом, одиночкой без ясной цели.

³ Патриотическая молодежная организация, действовавшая в рамках единого национального фронта, руководимого коммунистами.

ся, что малейшее движение может прервать течение мыслей Ле Минь Тяу.

А тот рассказывал о трудностях и сложностях борьбы, болтал о всякой всячине... Только о трудностях борьбы говорил он совсем не так, как учителя в школе имени Нгуен Ти Дьеу. Он говорил спокойным, бесстрастным тоном. Слышно было, как в кухне его жена громко бранила прислугу: видимо, она не знала, что в доме гость.

Кхиет сидел все так же спокойно и невозмутимо смотрел в глаза Ле Минь Тяу. Тот потянулся к пепельнице и снова стряхнул пепел сигареты.

— Ведь мы с тобой друзья, — заговорил он доверительно, — и я хочу сказать тебе напрямик: желаешь учиться, как все люди, не ездь так часто в деревню. А ты не возишь ли туда листовки? — Ле Минь Тяу испытующе уставился на Кхиета. — В таком случае, имей в виду: ты рискуешь! Если человек вместо того, чтоб учиться, повадился слушать подстрекательские речи вьетконговцев, — дело скверное! — У него заходил кадык, словно он хотел и не мог проглотить это «скверное дело». — Хм... Листовки эти до добра не доведут, так и знай. Я вот спрашиваю вас, молодежь, — он вызывающе посмотрел на Кхиета, — если вы считаете себя умниками, почему же вы не станете во главе государства, чтобы помочь стране? Учти, я ведь могу повернуть дело по-другому: вот возьму и доложу властям, что в промежутках между днями, когда ты участвовал в демонстрациях, ты непременно ездил в деревню. А ты знаешь, что сейчас представляет собой деревня? Гнездо вьетконговцев! — И, понизив голос, он сделал угрожающий жест, а потом добавил чуть тише: — Кхиет, скажи матери, чтобы переезжала в Хюэ, и пусть занимается здесь мелкой торговлей... чем хочет. А жить у меня можно. Все веселее будет. Я думаю, — он уселся в кресле поглубже, оперся на ручку и потянулся к портсигару, лежавшему на столе, — если опа будет так же бродить от рынка к рынку — по морскому берегу, по бесконечным пескам, как бы ее не пристукнули вьетконговцы. Неужели тебе это не приходило в голову? — Он щелкнул зажигалкой и опять посмотрел Кхиету в глаза.

Кхиет сел поудобнее и сказал обиженно:

— Вот уж никак не думал, что вы подобным образом истолкуете мои поездки в деревню, я ведь ездил только проводить маму...

— Нет... Нет,— Ле Минь Тяу замахал руками и изобразил улыбку,— ничего такого я про тебя не думаю. Я просто хотел предупредить тебя. Ведь я к тебе очень хорошо отношусь и считаю своим долгом предупредить... Я-то знаю, что ты хороший студент, прилежно учился еще в школе. Но это знаю я, а мои коллеги, может, об этом и не подозревают, я же не хочу, чтобы у тебя были неприятности...

Он налил Кхиету еще чаю.

— Я говорю с тобой предельно откровенно, а ты уж сам думай, как вести себя.

Кхиет выжидательно молчал. Ле Минь Тяу с задумчивым видом дымил сигаретой, прищурив глаза. Дым от дорогой сигареты вился над его густой шевелюрой, брови были нахмурены, пепел от сигареты упал ему на ногу.

— Если вы не хотите, я больше не стану ездить в деревню,— сказал Кхиет.

— А с тобой легко найти общий язык,— отозвался хозяин с такой радостью, будто нашел слиток золота. Он затянулся сигаретой и повысил голос: — Ты, кажется, учился в школе имени Нгуен Ти Дьеу? Так вот, помнишь учителей, которые разглагольствовали, что стоят за народ, а на самом деле они предали свой народ, собрали пожитки — и помипай как звали. Тебя-то вот они с собой почему-то не взяли, ты остался учиться у нас. Я думаю, это не дает твоей матери покоя. Все понял? — он заговорил доверительным тоном: — Вот ты окончишь учебу. Куда ты пойдешь работать, как не в наше государственное учреждение? Поэтому ты должен рассчитать все наперед. — Он поправил воротник своего пиджака и, стараясь сохранить доброжелательный тон, продолжал: — Скажи матери, чтобы перебиралась в Хюэ. Помни: в жизни удача ждет только того, кто умеет смотреть вперед!

Кхиет чувствовал, что все в нем клокочет. Он не привык лицемерить, сохранять спокойный и уважительный тон в таких ситуациях. Когда Ле Минь Тяу заговорил об умении смотреть вперед, Кхиет испытал то же чувство отвращения, которое охватило его утром,

когда он услышал гладкие, обкатанные фразы сотрудника службы госбезопасности. Умение смотреть вперед? Что он там видит у себя впереди, эта полицейская ищейка? Кхиету порядком надоело слушать эти витиеватые речи и гнусные паставления. Сдерживая гнев, он произнес, стараясь говорить как можно учтивее:

— То, что вы сказали, исключительно важно для меня. Тут есть над чем поразмыслить.

— Вот-вот. Подумай. Итак, прежде всего нужно перевезти мать в город. Чем раньше ты это сделаешь, тем лучше,— теперь он говорил твердо, уверенно: — В молодости мы часто горячимся попусту. Ты молод... Эх, мне бы твои годы... Да куда там...

Кхиет незаметно взглянул на часы.

— Я вижу, ты торопишься. Может, посидишь еще, поболтаем.

— Думаю, на сегодня хватит! Я получил хороший урок.

— Ты спешишь. Жаль... Ну да как знаешь,— Ле Минь Тяу со свистом втянул в себя воздух.— Надеюсь, еще встретимся.

Кхиет поднялся.

— Каждая встреча с вами очень полезна для меня. Не смею навязываться вам, но, надеюсь, видимся не в последний раз.

Ле Минь Тяу поднялся со своего места.

— Я тоже так думаю.

Он пропустил Кхиета вперед и проводил его до калитки.

— А у тебя, оказывается, японский мопед! Почему же ты тогда ездил в деревню на рейсовой машине?

— Мопед не мой, я одолжил его у однокурсника.

— Вот оно что,— проговорил Ле Минь Тяу, пожимая руку Кхиета.— Ну, теперь твое будущее в твоих собственных руках.— Они пошли рядом.— Будь осторожен, смотри, не оступись. Если бы ты знал, какие большие надежды мы возлагаем на молодежь!

Кхиет заметил, что при этих словах Тяу нахмурился и глаза его стали темными, деревья, совсем черные в темноте, грозно шумели.

Затархтел мотор мопеда, завертели колеса, Кхиет двинулся в обратный путь.

Как быть дальше? Ле Минь Тяу и угрожает и увещевает одновременно... И все-таки Кхиет ощущал и в его угрозах, и в его посулах какую-то искренность. Этот Ле Минь Тяу — большой путаник — сначала пошел за революцией, потом переметнулся к врагу... Вот он заявил, что деревня Кхиета — гнездо вьетконговцев, и тут же говорит, что вьетконговцы собрали вещички и удрали из этих мест. По-видимому, он постарается поставить власти в известность о том, что Кхиет навевается в деревню и в то же время предлагает ему перевезти в город мать да еще поселить в его доме... Тяу знает мать Кхиета еще с тех пор, когда он бражничал со старым Тон Тхат Санем и просил ее купить для них голубя или курицу пожирнее и бобов. Ле Минь Тяу пользовался любым случаем, чтобы поговорить с матерью Кхиета, он явно старался сойтись поближе с жителями деревни да пронюхать кое о чем.

У ворот дома Кхиет соскочил с мопеда и увидел, что окно в комнате его квартирной хозяйки распахнуто настежь. Не иначе как у нее гости. Хозяйка открывала окно только тогда, когда к ней заходили приятельницы. Они любили усестись поудобней и, жуя бетель, вести неторопливую беседу, поглядывая в сад.

Заслышав шум мотора, из окна выглянули две женщины.

— А, Кхиет, наконец-то явился!

Он узнал ласковый голос матери, и сердце его замерло от радости.

— Мама, ты!

Мать поднялась ему навстречу, а за ней и хозяйка.

— Только ты уехал, смотрю: идет твоя матушка. Я так расстроилась — ведь обычно ты по вечерам всегда дома, а тут, как назло, куда-то исчез! Матушка приехала, а его нет!

Хозяйка поправила растрепавшиеся седые прядки и засеменила на кухню.

— Мама, ты давно меня ждешь? Наверное, ругаешь меня!

— А как же! Запропастился куда-то, а я тут жди его! Где ты был?

— Да так, заглянул к одному знакомому.

Кхиет увидел на столе завернутые в листья деревенские гостинцы. Хозяйка вышла из кухни, неся поднос с палочками и палочками для еды. Вкусно запахло рыбой, приправленной стручками перца. Рис, рыбный соус с мелко накрошенным чесноком, тарелка зеленых бобов. Кхиет освободил на столе место для подноса.

— Мама, а что там у тебя завернуто в листья?

— Деревенские пироги, кое-какие принасти.

Когда мать улыбается, у глаз собираются морщинки. Лицо у нее смуглое, опаленное солнцем.

И раньше случалось, что мать приезжала вот так неожиданно, но это бывало обычно лишь много дней спустя после их встречи, а тут со дня последней встречи прошло всего полторы недели. Видно, что-то важное привело ее сегодня в город. Неужели есть какие-то новости для него?

Все трое уселись за стол. Хозяйка смущенно сказала:

— У меня все продукты вышли, вот сварила рис на скорую руку, благо был рыбный соус. Рис давно уже готов, но твоя матушка не хотела садиться за стол без тебя, все тебя дожидалась...

Кхиет и хозяйка с удовольствием отведали привезенных матерью деревенских пирогов.

Мать, любовно глядя на сына, сказала хозяйке:

— Вы, как никто другой, понимаете, что наши дети, даже повзрослев, иной раз делают глупости и ведут себя совсем как маленькие. Прошу вас, присматривайте за ним!

— Не беспокойтесь! Чуть что не так — я его тут же пробираю! Но если правду говорить, то придраться особенно не к чему. Ваш сын усердно занимается и друзья у него хорошие. Я так ему благодарна за то, что он помогает моим внучатам.

— Оп с ними занимается? А я и не знала...

Кхиет чувствовал, что матери хочется поскорее закончить с ужином, чтобы остаться с ним наедине. Он отложил в сторону палочки для еды, и мать тут же последовала его примеру.

— Ну как, поел? А вы, хозяйка, может, отведайте еще чего-нибудь?

— Что вы! Я сыта... Ваши пироги — просто объеде-

ние. Не обращайтесь на меня внимания, вы ведь приехали повидаться с сыном.

После ужина хозяйка достала циновку, чтобы устроить мать Кхиета на ночлег в его комнате.

— Если вам что-нибудь понадобится, скажите Кхиету, он здесь как дома. Ночью, наверное, придется открыть наружную дверь, а то будет душно спать, и пусть Кхиет опустит жалюзи, чтобы вас не просквозило.

Наконец-то они остались вдвоем с матерью! Кхиету не терпелось поскорее узнать, что привело ее сюда, но мать спокойно разглядывала книги на его полке. Она заметила, что книг прибавилось, появились какие-то новые, которых раньше она здесь не видела. Да разве можно упомнить все... Ее сын — самое дорогое для нее существо... Он торопится установить связь с ее друзьями, но такие вещи не делаются просто. Руководство организации сначала должно было проверить все, убедиться, что он созрел для трудного дела, что он действительно готов принять участие в борьбе не на жизнь, а на смерть.

— У тебя ко мне дело, мама?

— Да.

— Отлично! Я так долго ждал этой минуты.

Мать ничего не ответила и только молча посмотрела на сына изучающим взглядом, словно желая прочесть его мысли. Сколько сил было положено на то, чтобы вырастить, выучить его... И вот наступил этот момент.

— Ты не можешь пойти сейчас со мной к одному человеку? — вдруг спросила мать.

— К кому? — Кхиет удивленно смотрел на нее.

— На улицу Фан Тю Чиня, дом семь, — спокойно ответила мать.

Кхиет изумленно уставился на нее. Это был дом Ле Минь Тяу. Кхиет откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел матери в глаза.

— Мама! Кто из твоих знакомых живет там?

— Мне нужно туда по делу к одному человеку, к господину заместителю...

Кхиет перебил ее:

— К какому господину заместителю?

— Ну к этому, к Ле Минь Тяу! — мать понизила голос и, вынув из кармана конверт, спокойно добавила:

— Этот человек когда-то сотрудничал с нами! По-

том... Мы ему дважды посылали письма, пытались образумить его. Я получила задание заставить его работать на наших, мне надо срочно переговорить с ним.

Кхиет растерянно смотрел на мать. Он давно подозревал, что мать связана с подпольщиками, что она готовит им еду и оказывает помощь в каких-то делах. Но чтобы ей было поручено найти способ использовать эту полицейскую ищейку, этого Ле Минь Тяу, этого матерого врага! Вот это да! Выходит, Кхиет совсем не знал своей матери. Он впервые заметил, каким молодым блеском светятся ее глаза, сколько в ней спокойствия, достоинства и решимости. Он, Кхиет, выглядит рядом с нею зеленым неопытным юнцом.

— Мама! — прошептал Кхиет и осекся...

Мать заметила тревогу в его глазах.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— Мама! Ты не представляешь, как я счастлив! Счастлив оттого, что ты такая... такая бесстрашная.

— Бесстрашная? А что тут особенного? — голос матери звучал спокойно, словно речь шла о самых обыденных вещах. Сейчас ведь все должны бороться с врагом, не давать пощады этим янки. Нужно использовать все средства.

Кхиет укоризненно взглянул на мать:

— Только я до сих пор в стороне... не участвую в борьбе...

— Ты тоже будешь бороться вместе с нами, — сказала мать, улыбаясь. — Прочти-ка это письмо!

— Мама! Зачем ты даешь мне это письмо? Я ничего не понимаю. Кому оно адресовано?

— Это письмо для тебя, от наших...

Только тут Кхиет разглядел на конверте свое имя. Дрожащими руками он вскрыл конверт. Почерк был размашистый и четкий. В письме сообщалось, что подпольщики хотят привлечь его к работе, и первое поручение, которое ему дается, — помочь матери связаться с Ле Минь Тяу.

Глава VII

Перебравшись вместе с братишкой Ты в Данаиг, Тхюи пристроила мальчика в частную школу. С полмесяца она ходила по городу, исколесила его вдоль и попе-

рек, пока не нашла наконец место в магазине «Жаклин» — по продаже одежды и обуви. Она покинула деревню без гроша в кармане, и, конечно же, часики, которые Тхюи так давно мечтала подарить брату, очень скоро оказались выставленными в витрине антикварной лавчонки у автобусной остановки на шоссе Нгуен Хоанг — Хюэ.

Впервые в жизни Тхюи пришлось заняться арифметическими подсчетами и квитанциями. Все это, так же как и искусство зазывать покупателей, — было для нее внове. Но для нее словно не существовало непреодолимых трудностей. Она упорно и дотошно вникала в новое для нее дело, была на редкость старательна и трудолюбива, покладиста с хозяйкой и довольно скоро стала в магазине «Жаклин» одной из тех продавщиц, которые пользуются особым расположением покупателей. Однако ее мизерной зарплаты — шестьсот пиастров в месяц — едва хватало на скудную еду, плату за учебу брата, книжки, тетради и детскую одежду. Она терзалась из-за того, что ей пришлось отобрать у брата подарок, и дала себе слово обязательно вернуть ему часики, поэтому старалась не тратить денег на себя, и ничего себе не покупала, хотя ее кофточка давно уже светилась во многих местах — а ведь ей надо было прилично одеваться, приходилось иметь дело с покупателями. Однажды, разговорившись со своей подругой, тоже продавщицей, Тхюи призналась:

— Я успокоюсь только тогда, когда верну подарок брату, хотя он ни разу даже не заикнулся об этом.

Никогда не забыть Тхюи тех дней, когда она жила в доме тетушки Зьеу, хотя это был совсем короткий период ее жизни — тогда ей хотелось уехать куда-нибудь подальше от Хюэ. В детстве Тхюи однажды уронила пиалу, пиала разбилась, и мать отругала ее за это. Тхюи долго плакала от обиды. Когда тетушка Зьеу ругала Тхюи за «испорченность», Тхюи тоже не могла сдерживать слез, но на тетушку не сердилась. Много ли радостей видела тетушка Зьеу в своей жизни? И она, Тхюи, доставляла ей одни лишь неприятности. Как испугалась тетушка, когда узнала, что Тхюи разбила голову капитану Хюйену. Тхюи, как сейчас, помнит тот день. Тетушка узнала о случившемся, возвращаясь домой с рынка. Войдя в дом, она устало положила на ме-

сто коромысло и сказала, горестно вздохнув: «На этот раз нас ни за что не оставят в покое. Теперь нам недоброваты!..» Вечером после ужина тетушка Зьеу, утомленная тревожными днями, прилегла на кровати, молча обмахиваясь веером из бамбуковой дранки, а Тхюи вышла в проулок перед домом и, присев на полуспавшее бревно возле рамы, увитой люфой, задумалась... Она думала о тетушке, о братишке, о своих однопосельчанах, о своей собственной судьбе. Выходит, никому не избежать беды, всем плохо. Ох, как плохо! Тетушка, лежавшая на кровати, вдруг вскрикнула, с досадой взмахнула веером, словно ударив по чему-то невидимому, и запричитала:

— Я, старуха, вдова горемычная, встаю ни свет ни заря, хлопочу до самого вечера и мечтаю лишь о том, чтобы мне дали спокойно заработать на пропитание. И кто только тебя надоумил поднять руку на капитана! Неужто ты не понимаешь, что мы люди темные, подневольные, нам ли замахиваться на тех, у кого власть и сила? Наше дело — покоряться и терпеть да делать вид, что ничего не замечаем. У нас здесь сроду не бывало, чтобы кто-нибудь осмелился перечить представителям власти, не говоря уж о том, чтобы затеять драку! Только глупая, неразумная Тхюи и могла на такое решиться! Вот беда-то! Уж теперь нам недоброваты! Надо убираться отсюда подальше!

— Тетушка, вам не надо отсюда уходить... — тихо сказала Тхюи, рассеянно слушая причитания тетушки, только сейчас она поняла, что у нее есть выход.

Как случилось, что она подняла руку на капитана Хюйена именно здесь, в доме тетушки Зьеу? А впрочем, где еще она могла его встретить? Только в его доме или в доме тетушки Зьеу... Но в его доме она натерпелась таких измышительств и такого позора, который страшнее самой смерти, и только здесь, в доме тетушки Зьеу, она способна была осмелиться на отчаянный поступок, только здесь она вдруг почувствовала, что животный страх перед капитаном Хюйеном исчез. Когда тетушки не оказалось рядом, Тхюи дерзнула дать отпор и постоять за себя. Но тем самым она навлекла на тетушку новые беды, неизвестно еще, чем все это кончится. Этот капитан Хюйен и его жена... от них пощады не жди. Что будет с братишкой Ты, с тетушкой Зьеу, с соседями?

Тхюи не покидала тревога. Далеко не все односельчане понимают ее, далеко не все сочувствуют, некоторые по-прежнему считают ее распущенной... Бедная тетушка Зьеу! Ее неприятностям конца и края не видно. И все из-за нее, из-за Тхюи, из-за ее позора. Где взять силы, как терпеть такую жизнь? Тхюи тихоенько заплакала.

Она не заметила, как к ней на цыпочках подкрался братишка Ты. Он был очень привязан к сестре и жалел ее. Сегодня тетушка Зьеу вернулась домой расстроенная, и в ее голосе, когда она бранила сестру, Ты уловил что-то необычное, чего не замечал раньше. Тетушка бранилась не так докучливо, хотя вид у нее был совсем убитый, она явно была встревожена больше, чем когда бы то ни было. Мальчик не понимал, за что тетушка ругала сестру на этот раз. За то, что она в кровь разбила голову капитану Хюйену? Но он-то знал, что тетушке вовсе не жаль этого капитана. Ясное дело, тетушка была на стороне сестры, а вовсе не на стороне этого Хюйена. Ты понимал, что тетушка ругала сестру именно за то, что она разбила голову капитану Хюйену, но почему сестра запустила бутылкой в голову капитана и почему тот выстрелил в нее — этого мальчик не мог понять.

Ты одинаково любил и тетушку и сестру, но, когда сестру ругали, ему было до слез жаль ее. Если бы он только мог сделать так, чтобы тетушка Зьеу никогда больше не ругала сестру! Уж лучше бы она ругала его. Если бы он только мог сделать так, чтобы никто не обижал его сестру!

Ты присел подле сестры и тихоенько окликнул ее. Тхюи вздрогнула, потом долго молча смотрела на брата и вдруг спросила:

— Ты согласен уехать со мной?

— А куда, — спросил Ты с загоревшимися от радости глазами.

— Далеко...

— Чтобы тебя больше не бранила тетушка Зьеу, чтобы...

Но Тхюи взволнованно перебила его:

— Нет, не для того, чтобы не слышать больше брани тетушки Зьеу, совсем не в этом дело... мы переберемся в другое место и сами будем зарабатывать себе на жизнь.

— Зарабатывать себе на жизнь? — удивленно переспросил Ты. Он заранее готов был идти за нею куда угодно. — Я согласен, я очень хочу уехать с тобой, только поскорее, — радостно затараторил он. — Давай уедем завтра, ладно? Не забудь захватить мою синюю рубашку! А дудочку возьмем?

Тхюи, сдерживая волнение, погладила брата по голове. Для нее уход из деревни уже был делом решенным.

— Конечно, мы обязательно возьмем с собой одежду, — сказала Тхюи, — и дудочку возьми, если хочешь, но вряд ли мы уедем завтра...

— А мы скажем об этом тетушке? — спросил Ты с беспокойством.

— Тетушка сама догадается, в чем дело, когда узнает, что мы ушли, но имей в виду — нам придется трудно. Ты твердо решил идти со мной?

— Как бы ни было трудно, я все равно пойду с тобой, — ответил Ты так, словно давно уже все продумал. — Я пойду с тобой куда угодно, лишь бы только никто тебя не бил, не выгонял из дому, лишь бы только в тебя никто не стрелял и не ругал тебя. — И, помолчав немного, он нерешительно спросил: — А правда, что, когда ты служила в доме у этого капитана, его жена часто била тебя? Вот я вырасту, сделаю ружье и застрелю этого капитана, а его жену изобью. И тетушке Зьеу не позволю тебя ругать, и еще...

Тхюи перебила брата:

— Не болтай глупостей, тетушка тут ни при чем, она старенькая и очень бедная.

Ты замолчал и посмотрел на сестру, ничего не понимая. Он вопросительно глядел на нее, но она молчала, обдумывая, что предстоит сделать в ближайшие дни. Был бы братик хоть чуточку старше, Тхюи непременно объяснила бы ему, почему ей надо уходить отсюда — чтобы избавиться от неприятностей и тетушку Зьеу и односельчан и чтобы самой не краснеть от стыда, не мучиться оттого, что все знают о ее позоре. Но брат еще слишком мал! Уйти прямо завтра? Тхюи еще не знала толком, куда они пойдут, но решение уже было принято. Удастся ли ей подыскать работу, чтобы прокормить себя и брата? Сможет ли она обеспечить брата всем необходимым? Не навлечет ли она новые беды и новый позор

па тетушку Зьеу, па односельчан? Она должна перебраться туда, где капитан Хюйен не сумеет ее отыскать. Тхюи подумала о Кхиете и тихонько позвала его, словно он мог откликнуться. «Вот видишь, Кхиет, выходит, что я не могу выполнить своего обещания!» Она снова до мельчайших подробностей вспомнила те дни, когда лежала в больнице, вспомнила, как Кхиет по утрам и вечерам сидел возле ее койки, как трогательно заботился о ней. Она обязательно возьмет с собой голубую зубную щетку и беленькую коробочку с туалетным мылом, которые он ей принес, и старые сандалии, что он отдавал в починку, — она возьмет все это с собой, как Ты — свою дудочку. Она никогда не расстанется с этими вещами, куда бы ее ни забросила судьба...

В магазине «Жаклин» всегда полно покупателей. Тхюи приходилось стоять за прилавком по десять часов в день. После утомительного рабочего дня она возвращалась к брату, домой — в чулан под лестницей, дверь которого выходила в кухню. В их каморке с очень низким потолком всегда было невыносимо жарко и душно. Все домочадцы мадам Жаклин и прислуга спускались в кухню по лестнице, под которой жила Тхюи с братом, по этой лестнице ходили в столовую. Этой же лестницей пользовались, если засорялись туалеты на верхних этажах. Но хуже всего было то, что в час-два ночи, когда измученная за день Тхюи вместе с братом засыпали тревожным сном, тишину нарушал тяжелый топот ног. Это возвращался с очередной вечеринки один из сыновей мадам Жаклин — либо старший, либо младший. Поднимаясь по лестнице, они обычно громко насвистывали или напевали какую-нибудь вьетнамскую или европейскую мелодию, так что просыпались не только Тхюи с братом, но и кухарка, которая спала в кухне за стеной. В душной каморке после прерванного сна было трудно снова заснуть. Хозяйка велела прислуге закрывать на ночь все двери и даже окна, забранные железными решетками, она боялась ночных грабителей, хотя крупных сумм в доме обычно не держала и хранила деньги в банке. Когда закрывали дверь в кухню, воздух проникал в каморку лишь через квадратное отверстие величиной с ладонь и Тхюи с братом буквально задыхались от духоты — о том, чтобы проветрить помещение, не могло

быть и речи. И тем не менее хозяйка каждый месяц вычитала из зарплаты Тхюи сто донгов «за жилье»!

Эту сумму мадам Жаклин ежедневно давала старшему сыну на мелкие расходы — она считала ее вполне достаточной, если не швыряться деньгами. Младший сын получал немного меньше — этого вполне хватало на несколько чашек кофе, пирожные и сигареты... Однако старшему явно не хватало карманных денег, потому что его расходы, как он сам выражался, имели свою специфику, присущую «взрослому человеку»: одежда, канцелярские принадлежности, расходы на транспорт и тому подобное, — счета на все это с точным указанием сумм множились и росли. Иногда почтенный родитель Фата — так звали старшего сына — оставался в неведении относительно сумм, истраченных сыном. Иногда узнавал о них, но не придавал этому особого значения и лишь слегка журил сына: «Уж не думаешь ли ты, что я печатаю деньги? погоди, на что ты ухитришься тратить такие огромные суммы? Транжира! Вот тебе деньги и убирайся с глаз долой!» С этими словами почтенный родитель бросал Фату несколько пачек ассигнаций и исчезал, не вдаваясь в дальнейшие подробности. Фат торопливо рассовывал деньги по карманам, словно боясь, что родитель передумает, хотя такого никогда не случалось. Он провожал отца наглой ухмылкой и едва слышно шептал: «Ну погодите, почтенный папаша, вы еще узнаете меня. Через несколько лет я найду способ добывать деньги, чтобы не выклянчивать их у вас! И буду иметь в десятки раз больше тех жалких подачек, которые вы швыряли мне!» Похлопав по карманам, набитым ассигнациями, Фат сбегал вниз по лестнице, садился на свой мотороллер и исчезал.

Младший сын, Тай, еще толком не разбирался в делах брата, но его манера держаться вызывала у Тая неподдельное восхищение. Он, например, умел курить сигареты, выпуская дым колечками, которые поднимались к потолку и застывали, а потом медленно таяли — у него это получалось почти как у знаменитого Чарли Чаплина. Фат отлично танцевал, знал шикарные песенки и пел лучше всех своих друзей. Он был недурно сложен, и модные костюмы отлично сидели на нем, по части умения одеться и выпить он не уступал никому из своих друзей. Он не уступал своим друзьям и по ча-

сти умения сорить деньгами. Тай считал, что брат живет по-настоящему, он мечтал поскорее вырасти и во всем следовать его примеру, причем надеялся не только догнать, но и превзойти брата.

Бывали моменты, когда почтенный родитель раздражался и досадовал на Фата из-за того, что тот вообще не замечает отца и делает все, что ему вздумается, по иногда, в отсутствие старшего сына, он говорил жене: «Мне кажется, что со временем Фат будет неплохо зарабатывать. У него котелок варит, есть и хватка, и ловкость. Запиматься коммерцией, не обладая ловкостью да изворотливостью, — пустое дело! Не обманешь — не продашь! Сама знаешь — из малого складывается большое: чтобы стать крупным предпринимателем, уже с детства надо приобретать хватку и споровку по части купли-продажи. Полагаю, что после окончания средней школы он поедет за границу обучаться коммерческому делу. А пока пусть бывает в обществе, обзаводится связями, набирается жизненного опыта. Ведь ему только шестнадцать!» Родитель Фата загибал два пальца и продолжал: «В восемнадцать лет он отправится во Францию, а если потребуется — то и в Америку или в Англию. Через десять лет, когда он вернется, мы с тобой уже будем в преклонном возрасте. К этому времени подрастет и Тай, ему мы выделим треть наследства — на учебу, Фату тоже выделим треть — для расширения дела. Того, что останется, нам с тобой вполне хватит, переберемся в Далат и вложим часть капитала в дело Фата». Тай внимательно слушал эти разговоры — и передавал Фату. Фата эта перспектива вполне устраивала, но он старался вести себя так, чтобы отец не слишком обольщался радужными планами. Он учился кое-как и решил больше не прибегать к прежним способам добывания денег. Теперь он околачивался в тех местах, где бывали иностранцы, и даже прилично выучил еще один иностранный язык, завел обширный круг знакомств, и довольно скоро приобрел большие связи: среди его покровителей появились такие лица, о знакомстве с которыми раньше он и не помышлял. Он начал выполнять некоторые поручения — сначала незначительные, потом более серьезные, вначале нетрудные, потом посложнее. Фат быстро освоился со своими новыми делами, и иной раз ему перепадал крупный куш, вот тогда-то он чув-

ствовал удовлетворение и вспоминал об обещании, данном самому себе. Чихать он хотел на жалкие подачки папашы, сопровождаемые лудными нотациями! Однако, когда появлялись непредусмотренные расходы, он крал деньги у родителей. Каждый раз по-разному, каждый раз изобретая новый способ. Младший брат стал приобщаться к кругу знакомств и образу жизни старшего.

Однажды в конце месяца хозяйка Тхюи — вьетпамка, носившая французское имя Жаклин, — выдала Тхюи не шестьсот, а семьсот пиастров.

— Теперь ты будешь получать повышенную зарплату. С сегодняшнего дня ты будешь отрабатывать за прилавком дополнительные часы — до одиннадцати, — сказала она. — Постарайся быть еще более расторопной и любезной с клиентами. Покупатели тобою довольны. Но тебе надо сшить новое платье и непременно по моде! А потом нужно научиться пользоваться косметикой.

Тхюи не проронила ни слова, взяла деньги и вышла на улицу. Ей прибавили всего лишь сто донгов в месяц, а за это она должна отрабатывать каждый вечер лишние пять часов. И еще надо сшить платье по моде, и еще пользоваться косметикой! Да, богатые хозяйки даром денег не дают! Но Тхюи ничего другого не оставалось. Только бы иметь возможность содержать брата! Каждый раз, встречаясь с очередной несправедливостью и бессердечием, Тхюи урезонивала сама себя подобным образом.

По вечерам, после ужина, Ты зажигал лампу и садился за уроки. Тхюи, пристроившись рядом, занималась шитьем — она вечно перекраивала и чинила одежку брата. Запимаясь своим делом, Тхюи время от времени заглядывала в тетрадку Ты и повторяла вместе с ним, помогая ему, как могла. Загибая пухлые пальчики, покрытые ссадинами, царапинами и чернильными пятнами, Ты считал: «Пять, шесть, семь...»

И вдруг он замолчал и вопросительно посмотрел на сестру.

— Сестричка Тхюи, ты позволишь мне учиться в следующем классе?

Тхюи посмотрела на брата с улыбкой.

— А как же! Будешь хорошо учиться — через три года перейдешь в школу второй ступени. Но зачем тебе

нужна школа второй ступени? Может, к тому времени тебе падоест учиться?

— Нет, не падоест, — Ты положил ручку на стол, — я хочу учиться в школе второй ступени.

— Ты так решил? — Тхюи наклонилась над шитьем. — Ну, а еще о чем ты мечтаешь?

— А еще я хочу стать шофером. Вот вырасту и выучусь на шофера. Закончу школу второй ступени и выучусь на шофера, — пробормотал Ты.

Он сконфуженно засмеялся и замотал головой, перебирая книги и тетради, чтобы скрыть свое смущение. Ведь он впервые сказал сестре о своей заветной тайной мечте.

Делая на рубашке брата ровную строчку, чтобы она стала немного наряднее, Тхюи время от времени отрывалась от шитья и обмахивала веером брата, а потом опять склонялась над шитьем. Хотя ее жизнь была полна лишений, она казалась ей вполне сносной — ведь она жила вместе с братом; Ты имел возможность ходить в школу, учился читать и считать: сбывалась давняя мечта Тхюи, и в этом была ее радость. •

Помнится, когда Тхюи жила в доме капитана Хюйена, хозяйских детей отвозили в школу на машине. По вечерам они вечно что-нибудь выклянчивали у родителей. Тхюи купала их перед сном, стирала их одежду и при этом всегда вспоминала про своего братишку. Ее разлучили с ним тогда, и она не могла о нем больше заботиться. Да и вообще много ли он видел заботы? Разве что до двух лет, когда они еще жили с матерью... А потом маму арестовали, Тхюи стала работать в чужом доме. Ты остался с тетужкой Зьеу. Тетужка чуть свет, взвалив на плечо коромысло, уходила из дому, оставив для Ты две палы риса, сложенные вместе. Мальчик ел, когда ему хотелось, добавляя в рис немного соли. Только поздно вечером возвращалась тетужка Зьеу и готовила горячий ужин. Если тетужка была здорова и вспоминала, что мальчик давно не мыт, она купала его, но чаще забывала об этом. После еды мальчика никто не умывал — он так и ложился спать на кучу драных циновок и драных мешков с перепачканным лицом и неутертым носом. Когда он просыпался, тетужки уже не было дома. Уходя, она оставляла дверь полуоткры-

той, лишь слегка привязав ее веревочкой из бапапового волокна.

Смачивая в теплой воде посовой платок и утирая физиономии хозяйских детей, Тхюи иногда думала: «Вот если бы сейчас на их месте был мой братик Ты...

А теперь братишка с нею, она заботится о нем. Чего еще желать? В те дни, когда в магазине было много покупателей, Тхюи вертелась как белка в колесе. Одному пужно показать товар, другому нужно подобрать по вкусу одежду, третьему — обувь, надо успевать пересчитать деньги, не выходить из себя, когда покупатели торгуются, грубят, ведут себя высокомерно или даже нагло... Тхюи снует, как ткацкий челнок, стараясь угодить покупателям, чтобы мадам Жаклин выручила побольше денег. Иногда, простояв за прилавком полдня, она вконец выбивалась из сил. И тогда она думала о братишке — это служило ей поддержкой. Она представляла, что мальчик в это время занимается в школе, вспоминала, как они по вечерам сидят рядышком: Ты делает уроки, а она, Тхюи, наблюдает за ним. Она старалась запомнить все его милые привычки, жесты, детские рассуждения. У братишки была симпатичная, милая мордашка. «Вот сейчас он, наверное, сидит за столом, как всегда, сидит прямо, лишь слегка наклонив голову, и внимательно смотрит в книжку... А может быть, весело шутит со своими сверстниками, он так мило смеется, показывая ровные остренькие белые зубки, и его длинные ресницы при этом чуть подрагивают... Как хорошо он смеется...»

Однажды Ты перестал писать, поднял голову и неожиданно спросил:

— Сестричка Тхюи, а где наша мама?

Вопрос брата застал Тхюи врасплох. Ее охватило щемящее чувство. Уже давно она не слышала слово «мама» из уст братишки. Сама она старалась не подавать виду, что тоскует по матери, и никогда не заводила разговора о родителях. Каждый раз, когда другие произносили слово «мама», на душе у нее становилось тоскливо, она снова и снова вспоминала, как виделась с матерью в последний раз. Лицо у матери было опухшее, со следами запекшейся крови. Тхюи навсегда запомнила ее слова: «Постарайся приучаться к работе, помогай

тетушке растить братика». Тхюи никогда не забудет ни этих слов, ни слез на глазах матери.

Тхюи отложила шитье и серьезно посмотрела в глаза брата.

— Маму арестовали и увезли, когда ты был еще совсем маленьким.

— А куда ее увезли?

— На Пуло-Кондор.

— Где это?

— Где находится Пуло-Кондор? Я толком и сама не знаю, но я слышала про этот остров от людей.

— А что там делает мама? Почему мою маму арестовали, а других мам нет?..

Тхюи не знала, что ответить брату. Она растерянно молчала, а Ты между тем не унимался:

— У всех ребят, с которыми я учусь, есть мамы, по утрам они провожают их в школу и встречают после уроков...

Тхюи не могла ответить на вопрос брата, потому что она и в самом деле не знала, где находится этот Пуло-Кондор, не знала, что там делается с мамой, не знала даже, жива ли она. Тхюи также не знала толком, почему их маму арестовали, а других — нет. Ипогда она думала: возможно, ее арестовали из-за того, что их отец ушел в Северный Вьетнам, а здесь, на Юге, солдаты и полиция беснуются при одном упоминании о Северном Вьетнаме. Капитан Хюйен, например, даже слышать не хотел о ее матери, запретил Тхюи надевать мамино платье.

Так и не дождавшись ответа, Ты снова склонился над тетрадкой и, загибая пальчики, забормотал: «Пять, шесть, семь». А Тхюи еще ниже склонилась над своим шитьем, чтобы скрыть волнение. Материя шуршала под ее рукой. Нужен еще один вечерок, чтобы пришить пуговицы, прометать петли — и новое платье будет готово. Стежки стали ложиться неровно — у Тхюи глаза слипались от усталости, в них рябило от пестрой ткани модной расцветки, от ярких абстрактных мазков и разводов. Часы в доме пробили девять.

Тхюи положила почти законченное платье на кровать и сказала брату:

— Ложись-ка спать!

Ты послушно сложил книжки и тетради. Тхюи приготовила постель, прикрутила керосиновую лампу и по-

ставила ее в угол. «В самом деле, где этот Пуло-Кондор,— подумала она,— и за что арестовали маму». От лампы исходил тусклый свет. «Почему я не спросила у Кхиета, где находится этот остров?» В темном углу заскреблась мышь. В маленькой каморке под лестницей было нестерпимо душно. Тхюи снова подумала: «Кхиет наверняка знает, где находится этот Пуло-Кондор».

А в это самое время в кафе на той же улице мальчишка примерно такого же возраста, что и Ты, слушая громкую, зажигательную музыку и прихлебывая черный кофе, с нетерпением поглядывал на дверь, явно дожидаясь кого-то.

Накопец в кафе ввалилось несколько парней, среди которых был и тот, кого ждал мальчишка, лицо его сразу просветлело, он негромко свистнул.

Пройдя мимо пустых столиков, один из вошедших направился прямо к тому месту, где сидел мальчишка, отодвинул стул и уселся напротив. Это был не кто иной, как Фат, а мальчик — Тай, который с нетерпением ждал прихода брата.

Тай огляделся по сторонам и тихо сказал:

— Все точно так, как ты думал. Ну и молодчина же ты! Отец отдал их вчера мамаше перед тем, как уехать в Сайгон. Мать сказала, что это подарок от отца ко дню ее рождения, причем такой роскошный подарок она получила от него второй раз в жизни: первый раз это было в день свадьбы. Будь уверен: вещь действительно стоящая! — Тай причмокнул от удовольствия, отодвинул стакан с кофе и понизил голос: — В золотую цепочку с ключиком от музыкального замочка вставлены алмазы, цепочка сантиметров пять, а на золотом замочке — украшения в виде иероглифов, сами часы в форме птички, которая держит в клюве бриллиант.

Тай облокотился обеими руками о стол и деловито сказал:

— Но имей в виду: мамаша не расстанется с ними. Она говорит, что эти часы стоят дороже, чем двадцать пять других часов!

Фат поддакнул:

— Да они стоят не меньше двухсот тысяч пиастров!

Тай восхищенно воскликнул:

— Это точно, никак не меньше! — И, первно передернув плечами, добавил: — Половина — мне. Идет?

Фат сделал предостерегающий жест:

— Да потише ты! Ты еще маленький. Зачем тебе так много? — Фат сказал это совсем тихо, потому что к их столику приблизился бой с подносом.

Но Тай, угрожающе вытаращив глаза, сказал:

— Похоже, вы, господин, меня ни в грош не ставите. Можно и отказаться от этой затеи, но справитесь ли вы с этим делом без меня?

— Ну и ну! — Фат поглядел на Тая с явным раздражением, но потом вдруг смягчился: — Ладно, разберемся после! От твоей кровати до материнной кровати не больше семи метров. Но падо действовать очень осторожно во время «операции». У мамыши сон очень чуткий.

Тай сказал повелительным тоном:

— А вы, господин, будете ждать наготове, только я подам знак — сразу тут как тут, ведь это дело очень опасное...

— Чего бояться? Положись на меня! — И, отпив глоток кофе, Фат добавил: — На всякий случай имей в виду вот что — знаешь дыру под лестницей? Стоит просунуть в нее руку, как вещьца окажется в куче мусора, и дело с концом. Ну а сейчас мне надо топать отсюда, в условленное время буду на месте. Домой загляну только через неделю, когда тревога уляжется.

С этими словами Фат поднялся было, но задержался, видимо что-то вспомнив.

— Как мамаша отзывается обо мне в последнее время?

Тай обиженно надул губы.

— Только и знает, что нахваливает. Всем говорит, что ты в большой дружбе с иностранцами, что проводишь с ними время в ресторанах, что по-английски говоришь лучше, чем по-вьетнамски. Мамаша говорит, что, когда ты жепишься, получишь плантации в Далате и виллу в Нячанге.

Фат достал зажигалку, закурил сигарету и криво усмехнулся.

— В таком случае мне не придется всем этим пользоваться. На кой дьявол мне жепиться? Я вовсе не собираюсь связать себя на всю жизнь с женщиной, хотя

должен признаться, женщина — это предмет первой необходимости, без нее не обойдешься.

Фат хрипло засмеялся, выпустив дым, и хотел еще что-то добавить, но Тай перебил его:

— Ладно, сейчас мне нет до всего этого дела. Главное — чтобы ты не надул меня. Тебе-то ведь надо всего лишь выпести вещицу из дому и продать.

Тай испытующе посмотрел на брата. Тот, скрестив руки на груди, глубоко затаился, потом выпустил дым колечками, взял стакан и, глядя Таю в глаза, сказал:

— Скажите, каков голубчик! Да без меня это дело вообще не выгорит! Попробуй-ка незаметно и быстро вынести вещицу из дома! А думаешь, продать ее так просто? Ты еще мал, к тому же во всех ювелирных магазинах Дананга знают, чей ты сын. Если ты попытаешься сбыть ее сам, то только провалишь операцию. А я совсем другое дело! Я продам часы какому-нибудь иностранцу, потому что только иностранец и сможет заплатить такую сумму.

Тай, смекнув, что его позиции весьма шатки, сказал примирительно:

— Только поэтому я и беру тебя в компаньоны. Хотя одному было бы повернуть дело куда выгоднее! Но не забудь про мое условие: выручка — пополам!

Фат, взглянув на ручные часы, сделал знак бою и еще раз напомнил брату:

— Ладно, ровно в двенадцать тридцать я буду в условленном месте. Сейчас девять тридцать.

Затем достал деньги, бросил их на поднос, добавил на ходу:

— Если завалимся, то один из нас берет на себя всю вину, чтобы другому досталось наследство. Идет?

— Идет. Как договорились!

Тай тихо лежал в своей постели. Уже четверть первого, должно быть, мамаша заснула. В комнате от мягкого света ночника зеленоватый полумрак. Инкрустированная шкатулочка стоит на тумбочке по правую сторону от материнской кровати. Тай увидел, как, ложась спать, она открывала ее. Сверкающие алмазами часы редкой красоты, только что присланные из Женевы, — в форме птички, которая держит в клюве бриллиант.

Они стоят не меньше двухсот тысяч пиастров! У Тая вдруг появилось ощущение, будто кто-то читает его мысли. Он осторожно оглядел комнату: небрежно задернутая гардина спускалась до самого кафельного пола, отгораживая его комнату от спальни матери. Цветы на гардине, которые обычно не привлекали его внимания, сейчас, казалось, с любопытством подглядывают за ним. Даже плюшевая занавеска, закрывавшая вход в гардеробную, тихонько колыхалась, словно за нею кто-то притаился и следит за ним. Фарфоровые чашечки, украшенные эмалью, и даже пышные цветы в вазе, казалось, подмигивают ему и советуют не терять времени даром, раз он решился на такое. На стене висит портрет знаменитой актрисы Брижит Бардо, глаза ее наполовину закрыты пышными волосами, но кажется, что и они смотрят на него с вызовом. На столе горка книг. Откуда-то раздался крик ящерицы, пробежала мышь... Все предметы вокруг словно безмолвно следят за ним, словно призывают его не мешкая приступить к делу.

Собрав всю решимость, он потихоньку приподнимается в постели, встает, с величайшей осторожностью укладывает посреди кровати две подушки и накрывает их одеялом, третья подушка остается на прежнем месте. Внимательно осмотрев это сооружение, Тай ухмыляется: «Неплохо. Вполне похоже на спящего человека... Папаша — и то ничего не заметил бы, а мать и подавно...»

Он на цыпочках делает шаг, выпрямляется и, убедившись в том, что его сандалии лежат под кроватью, на виду, крадется к портьеру, за которой спит мать. Сердце его бешено колотится. Он осторожно отодвигает портьеру: мамаша спит на боку, повернувшись лицом к нему. Левая рука ее лежит поверх тонкого одеяла, но пальцы правой касаются инкрустированной шкатулочки. Тай понял, что, ложась спать, мамаша положила руку на крышку шкатулки, но, когда заснула, ее рука произвольно соскользнула с крышки, однако пальцы все же касаются ее. Стоит чуть дотронуться до шкатулки — и пальцы матери тут же почувствуют это прикосновение, она может проснуться. Фат ведь предупреждал, что у нее очень чуткий сон!

Портьера чуть колышется и щекочет ему лицо, цветы словно с любопытством подглядывают за ним и пре-

достерегают: «Ничего не выйдет, иди назад! Если мать проснется — все пропало! Иди назад!..»

Тай в нерешительности замирает на месте, готовый немедленно вернуться назад. Но перед его глазами вдруг возникают стопки новеньких ассигнаций — семьдесят тысяч, восемьдесят тысяч, девяносто, сто... И еще, и еще новые стопки... Множатся цифры на новеньких блестящих банкнотах. Собрав всю свою решимость, он делает шаг вперед. Волосы матери разметались по подушке, распространяя сильный запах духов.

Он наклоняется, медленно подается вперед. Тонкие пальцы по-прежнему касаются шкатулки, они словно срослись с пенью. Попробуй только тронуть шкатулку, как эти пальцы тут же почувствуют прикосновение и мать проснется, словно от звона будильника!

Несколько раз он протягивал руку и тут же отдергивал. Фат сейчас, наверное, уже успел отпереть ворота и ждет его под лестницей у двери, ведущей в кухню. Он делает над собой усилие и, протянув руку, замирает на мгновение, затем двумя пальцами осторожно сжимает шкатулочку. Тай стискивает зубы, и его пальцы не дрожат. Быстрым движением он отодвигает шкатулку в сторону. Душа у него уходит в пятки: шкатулка отделилась от тонких пальцев!

Термометр кондиционера в противоположном углу по-прежнему показывает двадцать градусов — он в этом уверен, но чувствует, что его обдало жаром и он взмок от пота. Он делает новое усилие, снова сжимает шкатулочку, стараясь держать ее строго горизонтально: от неосторожного движения часы могут сдвинуться с места и удариться о стенку шкатулки — даже такой незначительный звук может все погубить! Тай на цыпочках отходит от кровати. До чего страшно! Но пока все в порядке. В следующее мгновение он, как белка — легко и бесшумно, — перескакивает через ступеньки лестницы, прижимая к груди шкатулку. Он слышит одновременно удары собственного сердца и ритмичное тиканье часов. Часы действительно очень хороши, за них запросто дадут двести тысяч пиастров. Двенадцатая, четырнадцатая, шестнадцатая ступенька... Еще семь шагов — и он будет внизу. Раздается бой стенных часов: двенадцать часов сорок пять минут. Он с ужасом осознает, что опаздывает на целых пятнадцать минут: быть мо-

жет, Фат уже не ждет его. И как раз в этот момент раздается истощенный крик матери, затем наверху включается яркий свет, так что даже на лестнице рассеивается мрак. Как кошка, Тай бесшумно проскальзывает в чуланчик, где спит Тхюи с братом, сгибается так, что становится вдвое ниже, и как раз в это время слышится топот ног. Он достает из кармана фонарик, находит квадратное отверстие — оно приходится как раз над кроватью, где спят Тхюи с братом, приставляет к нему фонарик. Тай подает условный сигнал: два зеленых и три красных. Повторяет сигнал, но снаружи никто не отзывается. Черт побери! Возможно, топот ног, который он только что слышал... Ну конечно, это был Фат! Проклятье!

Наверху голосит мадам Жаклин, трещит электрический звонок. Тай холодеет от ужаса: что теперь делать? В разных углах дома слышатся шаги — это один за другим просыпаются домочадцы, кажется, кто-то спускается по лестнице. Но Тай уже взял себя в руки. Нет, на лестнице никого нет, пока шаги и шум раздаются лишь в комнате матери. Он прячется под кровать, где на драных циновках и одеялах спит Тхюи и ее брат. Ему кажется, что часы тикают еще громче. Его охватывает новый приступ страха: что будет, если Тхюи и ее брат проснутся? И тут у него возникает идея. Он засовывает инкрустированную шкатулку под груды драных циновок и одеял. Словно камень свалился у него с души. Почувствовав огромное облегчение, Тай выпрямляется и на цыпочках выскальзывает наружу, на лестницу. К счастью, шум и переполох пока лишь в комнате матери. Он слышит голос шофера, голос счетовода и его жены, еще чей-то голос...

Он незаметно проскальзывает к себе, ложится в постель и укрывается одеялом. Никак не удается унять дрожь в коленях... Кто-то выходит из комнаты матери и спускается вниз по лестнице.

Мадам Жаклин входит в комнату сына:

— Еще за пятьдесят минут до того, как это случилось, я не спала, и вот они исчезли... Сыночек, они улетели, хоть и без крыльев... Ой, сыночек, ой, люди добрые... — причитает мать.

Тай уселся на кровати, протер глаза и спросил сонным голосом:

— Что случилось, мамочка?

У мадам Жаклин появилась новая возможность излить душу!

— Такое несчастье, такой удар судьбы, дорогой сыночек... Часы, которые папа подарил мне, уезжая в Сайгон, — ты их видел, — неожиданно исчезли... улетели без крыльев...

Голос шофера донесся с лестницы:

— Все двери тщательно проверены, почтенная хозяйка, нигде никаких следов взлома.

Мадам Жаклин снова завопила:

— Это значит, что чужие сюда не могли войти, стало быть, кто-то из вас оказался неблагодарной тварью. Вор прячется в доме! Все вы негодяи! Все мерзавцы! Решили обворовать меня!

Она повернулась к счетоводу.

— Я позвоню в полицию, а вы зажгите свет во всем доме, разбудите всех, и начнем обыск. На этот раз я найду негодяя, и ему несдобровать!

— Слушаюсь. — Счетовод тут же исчез.

Через минуту в доме зажглись все лампы — даже в уборных, даже в гардеробной, — стало светло как днем.

А Тхюи с братом безмятежно спали, не ведая о том, что творится в доме. Вдруг Тхюи услышала надрывный треск электрического звонка, торопливые шаги...

Она поднялась, пытаясь понять, что происходит, и как раз в это время вниз спустился шофер со счетоводом.

— Всем приготовиться к обыску, — объявили они, — это приказ хозяйки, у нее пропала ценная вещь — украшенные алмазами и бриллиантами великолепные часы, присланные из Швейцарии, они стоят больше двух тысяч донгов. Быстро поднимайтесь!..

Шофер сдернул одеяло со спящего Ты, затем пошел будить кухарку, напустил и на нее страху. Ты спросонок растерянно тер глаза. Тхюи молчала, хотя ее взяло зло: не успели они заснуть, как их подняли с постели, а ведь ей завтра стоять за прилавком до одиннадцати часов вечера. Ты, прислонившись к плечу сестры, сонно спросил:

— Сестрица Тхюи, что там стряслось?

— Да какая-то пропажа. Подозревают кого-то из нас, поэтому и разбудили, чтобы обыскать.

— А кто украл?

— Откуда мне знать! — Тхюи, сердито хмурясь, с досадой думала о том, что, видно, напастям нет конца.

Она услышала усталый голос одного из слуг:

— Почтенная хозяйка, обыщите меня раньше всех.

К нему присоединился шофер:

— Почтенная хозяйка, мы зажгли свет во всем доме, мы всех разбудили, выполнили ваш приказ, но от остального нас увольте, — он повысил голос, — я считаю, что расследованием должны заняться компетентные должностные лица, а не мы.

Вмешался счетовод:

— С юридической точки зрения, это дело должностных лиц. Но если хозяйка прикажет вам или мне произвести обыск, мы не имеем права отказаться выполнить ее приказание. И к чему препираться, если за нами нет никакой вины? Ведь мы непричастны к этой краже!

Не обращая внимания на эти разглагольствования, хозяйка самолично приступила к обыску. Она тщательно осматривала каждый закоулок, рылась в барахле, не переставая причитать и браниться. Зная, что, если уж она что-нибудь решила, возражать бесполезно, все молча подчинились. Мужчины, следуя примеру хозяйки и двигаясь как автоматы, перерывали вещи друг друга и свои собственные вещи. Холеные руки хозяйки копались в сундуках, чемоданах и саквояжах, вытаскивая одежду, головные уборы, обувь, хозяйка рылась в постельных принадлежностях, выворачивала карманы брюк и рубашек. Она производила обыск не менее тщательно, чем все чиновники службы безопасности, вместе взятые.

Вот уже обыскали одного, второго, третьего, пятого — ничего! Осталось обыскать кухарку и Тхюи. Начали с каморки Тхюи. Ты стоял рядом с сестрой, широко открытыми глазами глядя на мадам Жаклин и на остальных, рывшихся в сундучке Тхюи, в его школьной сумке. Мадам ощупывала каждую складочку, каждый шовчик на одежде брата и сестры, и если ее проворные пальцы нащупывали что-то, в глазах ее тут же появлялась настороженность: а вдруг именно здесь

спрятана инкрустированная шкатулка — будто шкатулку можно было спрятать в складках одежды!

— Ой, госпожа, что вы делаете? — вскрикнул Ты и, закрыв лицо руками, заплакал.

— Ну, погоди у меня! — заговорила мадам Жаклин, грозя ему пальцем, — я уже обыскала всех в доме, и с твоей сестрой тоже не собираюсь церемониться! — Мадам закончила осмотр карманов Ты, поворачивая его перед собой, словно куклу, задрала рубашку...

Тхюи почувствовала, что ее бросило в жар при виде Ты, который заливался слезами, — ведь его осрамили перед сестрой. Когда-то Тхюи сказала себе: если кто-нибудь заставит Ты плакать, если кто-то обидит его, причинит страдания, она разорвет этого мерзавца на куски, она убьет его, и ее рука при этом не дрогнет. И вот сейчас на ее глазах мадам Жаклин унижает мальчика! Тхюи, стиснув зубы, вцепилась в плечо кухарки. О небо, в чем провинился ее брат, за что они мучают его? Тхюи едва сдерживала ярость. А не сказать ли этой даме крепкое слово? Так бы и вцепилась в эту мерзкую физиономию. Выхватить бы острый нож из коробки для шитья и перерезать глотку этой мадам! Неужели для того, чтобы добывать пропитание для Ты, обучать его грамоте, она должна все это терпеть?.. Тхюи показалось, что в ее тело вонзается бесчисленное множество острых игл, у нее потемнело в глазах, и она вцепилась в плечо кухарки, не замечая, что мнет ее кофточку. Тхюи почувствовала, как кровь жаркой волной приливает к ее лицу и нестерпимая боль пронизывает все тело...

Кухарка посмотрела на люффера, на остальных. Лица у всех были покрыты потом. Шофер то и дело утирал лоб и тяжело дышал, лицо его багровело с каждой минутой.

Потихоньку сняв руку Тхюи со своего плеча, кухарка наклонилась к ней.

— Они не успокоятся, пока не сделают своего дела, — прошептала она. — Стоит случиться одной пропаже, вечно будешь у них на подозрении. Мы люди бедные, вот и приходится терпеть, никуда не денешься...

Она не успела договорить и, громко вскрикнув, затряслась. Тхюи тоже не смогла сдержать крик. Ее широко раскрытые глаза были полны ужаса, отпирнув

назад, она наступила на ногу Ты. А мадам Жаклин и счетовод одновременно торжествующе воскликнули: «Нашлись!» — и вытащили из-под груды драных циновок и одеял инкрустированную шкатулку, отливавшую всеми цветами радуги. И Тхюи, и кухарка видели ее первый раз в жизни.

Все присутствующие зашумели...

Мадам Жаклин открыла шкатулку. Часы были на месте. Мадам закрыла шкатулку и неестественно засмоялась. Все с любопытством уставились на Тхюи.

— Бедняжка Тхюи! — вырвалось у жены счетовода. Она тоже была продавщицей и дружила с Тхюи.

Счетовод в ужасе посмотрел на жену. Откуда ему было знать, что в эту минуту жена вспомнила, как однажды Тхюи, делясь с нею своими сокровенными мыслями, сказала: «Я не успокоюсь до тех пор, пока не верну братишке подарок».

Мадам Жаклин завизжала:

— Да разве могла я ее подозревать? Я сама пригрела пчелу в рукаве, пустила обезьяну в дом! Кто бы мог подумать, что эта смазливая деревенская девчонка окажется такой неблагодарной?

То, что произошло, не укладывалось в голове Тхюи. Беда обрушилась на нее как гром среди ясного дня. При виде шкатулки, которую обнаружили в ее постели, у Тхюи потемнело в глазах, она застыла на месте не в силах пошевелиться, выдавить из себя хоть одно слово и пришла в себя лишь тогда, когда почувствовала удар, — мадам Жаклин залепила ей пощечину. Тхюи показалось, что земля уходит у нее из-под ног, что все вокруг погрузилось во тьму, что мир перевернулся.

— Почтенная хозяйка, я... я, — Тхюи едва не потеряла сознание от несправедливой обиды, — я не способна на такую низость, я бедная, но я привыкла...

Мадам Жаклин, не дав ей договорить, презрительно скривила губы.

— Хватит, достаточно! Я отлично разгадала повадки вашей братии. Недаром эта смазливая деревенская девица из провинции Тхыатхиен с самого начала не внушала мне доверия. И сегодня я убедилась, что была права. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда! Ни в чем нельзя доверять этим людям, — одной рукой мадам прижимала к себе шкатулку, другой терла лоб, — слава

богу, научили меня уму-разуму,— она вознесла глаза к воображаемому небу, придав своей физиономии смиренное выражение, затем, закрыв глаза, продолжала: — О небо! Эти оборванцы, у которых нет ни кола, ни двора, дали мне хороший урок.— Мадам всхлипнула, открыла глаза и уставилась на Тхюи. Потом перевела дыхание и приказала: — Сию же минуту убирайтесь оба из моего дома!

Это было сказано тоном, не терпящим возражений, ярко накрашенные губы хозяйки дрожали от гнева.

Тхюи вздрогнула, сжалась в комок и вдруг неожиданно громко и твердо сказала:

— У меня действительно нет ни кола ни двора, только поэтому я и нанялась к вам! Но вы не имеете права оскорблять меня ни за что ни про что! Я не воровка...

Мадам Жаклин придвинулась вплотную к Тхюи и ткнула пальцем ей в лицо!

— Ты бы лучше помолчала! Скажи спасибо, что я не отправила тебя в тюрьму. Сию минуту собирай пожитки и катись отсюда!

Мадам, прижав к груди шкатулку с часами, нетвердой походкой стала подниматься по лестнице, продолжая что-то бормотать себе под нос.

Тхюи повернулась к остальным:

— Поверьте мне, я не способна на такую низость. Шофер оборвал ее:

— Если ты не способна, так кто же тогда подсунул тебе эту вещь? Может, ты надеешься свалить вину на нас? Не выйдет! Дело-то ясное! — сказал он злобно. — И тебе лучше помалкивать! Из-за тебя всех подняли среди ночи, не дали спать! — Он окинул Тхюи угрюмым взглядом и набросился на остальных: — А вы что стоите! Идите-ка все отсюда! Расходитесь подброду, а то моему терпению придет конец, я за вас тоже возьмусь! Распустились! Вконец распустись! Из-за вас нет ни минуты покоя!

Часы пробили четыре.

Кухарка пошла к себе, сонно бормоча:

— Ну, теперь беды не оберешься... Не сегодня-завтра вернется хозяин...

Она улеглась, но еще долго ворочалась и никак не могла заснуть, думая о том, что произошло. Кто винов-

ник всего этого на самом-то деле? Чьи это проделки? Тхюи — девушка честная и прямодушная, она, конечно, тут ни при чем. Но кто же украл часы? Хозяйка даже не попыталась разобраться и докопаться до истины, а сразу возвела поклеп на бедную девушку! Шофер-то небось тут же смекнул, что к чему! Она тихонько выругалась. Все знали, что старший сын хозяйки не раз таскал из дому золотишко, как знать, может, и младший успел перенять его повадки... Ни стыда ни совести! Хозяйка не раз поднимала крик, обнаружив пропажу, но в конце концов выяснялось, что это дело рук Фата! Мадам Жаклин старалась скрыть это обстоятельство от прислуги, но мало-помалу все, кто служил в этом доме, поняли, в чем дело. Как же эти часы оказались в чулане Тхюи? Да к тому же еще они были так тщательно спрятаны... Может быть, что-то произошло между братом Тхюи и хозяйским балованным сыночком, и этот паршивец решил отомстить таким образом?

Сон не приходил, и кухарка с нетерпением ждала утра. Что теперь будет с бедной Тхюи? Вдруг она подумала, что и ее собственная судьба мало чем отличается от судьбы этой девушки. То, что случилось с Тхюи, вполне могло случиться и с нею... Она тяжело вздохнула и поправила подушку. Если ты беден, то невзгоды обрушиваются на тебя без конца. Кухарка прислушалась. За дверью раздавались голоса Тхюи и жены счетовода.

— ...От бедности разум может помутиться даже у честного человека, и все же... бедняжка Тхюи, как ты решилась украсть? Ведь это на тебя совсем не похоже!

— Дорогая Ким, неужели ты думаешь, что каждый бедняк может дойти до такого отчаяния, что пойдет на воровство? Мы с братом никогда не занимались подобными делами...

Послышался плач Ким, увещавая ее мужа и дрожащий от волнения голос Тхюи.

«Боже мой, какая ужасная история! — думала кухарка. — Послушаешь их и совсем запутаешься. Ведь кража-то совершена. От бедности чего не случится... замучится человек и далеко ли до греха, да и грех ли это?»

Тхюи, утиравшая брату слезы, все никак не могла прийти в себя. Ей было до боли обидно. Если оскорбле-

ния мадам Жаклин привели ее в ярость, то несправедливые слова Ким причинили боль. Каждое ее слово задевало Тхюи, доставляло страдания. Когда они впервые встретились, у обеих за плечами было немало жизненных невзгод, обе успели хватить лиха, потому и подружались. И вот сегодня подруга не поверила, что ла Тхюи возвели напраслину... И как только она могла подумать, что Тхюи решилась украсть часы потому, что хотела вернуть подарок брату? Что она теперь может сказать в свое оправдание? «Нет, мы с братом никогда не занимались воровством... Кто-то подстроил эту подлость...» Но ведь история эта касается не только ее лично, она будет иметь последствия для всех, кто работает у мадам Жаклин,— начиная с ее подруги Ким и ее мужа и кончая кухаркой. Все теперь дрожат, думая о завтрашнем дне, когда они могут быть уволены и остаться без работы. Для хозяев все они одинаковы, одного поля ягоды. Хозяйке ничего не стоит в любой момент выставить всех за дверь.

Для чего человеку дана жизнь? Только для того, чтобы страдать... Зачем мама дала жизнь ей и брату! Не было бы ее, Тхюи, не пришлось бы страдать ни тетушке Зьеу, ни другим людям: кухарке и шоферу, счетоводу с женой и всем остальным... Если бы мучили ее одну, она бы все вытерпела, но, когда у нее на глазах терзают Ты, это невыносимо: она готова вынести все что угодно, лишь бы не плакал братишка, лишь бы ее подругу Ким и остальных... не прогнали с работы.

А мадам Жаклин подошла к кровати Тая, заботливо поправила одеяло, потом зажгла неоповый почник у своей кровати и, открыв шкатулку, достала часы. Полюбовавшись часами, она убрала шкатулку в шкаф и тщательно закрыла его на ключ. Потом достала записную книжку-календарик и долго молча лежала, обдумывая что-то. Наконец она набросала на листочке несколько строк:

До семи часов выставить Тхюи.

Велеть счетоводу дать объявление о том, что в магазин срочно требуются две продавщицы.

Подыскать слугу, хорошего шофера и опытную кухарку. Счетовод пусть пока останется, дальше будет видно, как с ним поступить.

Мадам улеглась поудобнее. Но раздражение все еще не прошло, и она продолжала бормотать:

— Какое счастье, что часы пашлись! Эти голодранцы только с виду кажутся честными, на самом же деле они и понятия не имеют о честности. Все они на один лад, все мошенники. Стоит завестись одному жулику — все жуликами станут. Надо выгнать их всех! В наше время этим людишкам невелика цена, только клики — прибегут другие! Мерзавцы и негодяи, хитрые шельмы, прикидываются обиженными, оправдываются и нагло отпираются! Все они заодно, не все ли равно, кто украл, — важно, что кража совершена, факт налицо. А потому не обессудьте! Выгоню всех, всех до единого, проучу мерзавцев! Пусть эти голодранцы так и остаются голодранцами!

Глава VIII

Рынок Донгба — своеобразная достопримечательность Хюэ. Тот, кто хоть раз побывал на рынке Донгба до конца пятидесятых годов, запомнил не только омерзительное тошнотворное зловоние, исходившее от мусорных куч и скоплений всевозможных нечистот, но и грубый жаргон рынка, пересыпаемый немислимо длинными ругательствами, каждое из которых не уместилось бы и на нескольких страницах! Торговцы норовили надуть покупателей и старались заломить баснословную цену, покупатели же в свою очередь недоверчиво, подолгу разглядывали товар, приценивались и отчаянно торговались... Здесь можно было встретить и спесивых «гранд-дам», и полицейских, с раздраженным видом разгуливающих по рынку, и наглых, навязчивых проституток, и жуликоватых бродяг, шнырявших по рядам... ни одна добропорядочная семья не отважится послать за покупками на рынок Донгба дочь! Завсегдаев этого рынка называли «народцем с рынка Донгба», что было равнозначно таким понятиям, как жулики, мошенники, карманники, проститутки, бродяги, всякий сброд... Но теперь после событий последних дней рынок Донгба неузнаваемо изменился. Человек, которому довелось бы попасть туда сейчас, убедился бы,

что отвратительные картины недавнего прошлого преданы забвению. И это результат нескольких кампаний по оздоровлению рынка, которые провели жители Хюэ. Они решили восстановить прекрасные древние традиции и однажды осенью поднялись на борьбу за национальный суверенитет и независимость родной страны, на борьбу за ликвидацию остатков феодальной власти. Люди выросли и окрепли в этой борьбе, выступая против засилья власти трех братьев — Дьема, Ню и Кана, против их американских покровителей и американских лакеев вроде Кханя и Хыонга и прочих подонков, передравшихся из-за звания самого высокопоставленного предателя родины.

Теперь рынок Донгба преобразился, навсегда были забыты картины прошлого. Молодые лоточницы и пожилые торговки, чинно восседали на своих сапах¹, грузчики, рикши, студенты — все словно обрели какие-то новые общие черты. Собственно, так и должно было быть: ведь все они выпестованы славным городом Хюэ, все они были очевидцами и участниками событий, которые произошли на берегах реки Хыонг в те дни, когда ненависть к своре предателей родины, продавших родную страну и проливших море народной крови, достигла предельного накала. Все жаждали расправиться с предателями. И вот тут-то жители Хюэ почувствовали силу ударных отрядов, защищавших город во время недавних боев². Знаменитый рынок Донгба, оказывается, мог быть не только местом купли-продажи — его использовали для распространения информации, для поддержания связи; рынок снабжал демонстраптов всем необходимым — он стал резервом боевых сил. А самое главное — он стал символом, средоточием патриотизма, отсюда нити вели к тем, кто находился в освобожденных районах. Никому из представителей марионеточного правительства и в голову не могло прийти, что теперь рынок Донгба — главный источник снабжения освобожденных районов. Всевозможная снедь, любовно приготовленная в Хюэ; эти сумки, доверху наполненные пирогами и лепешками, завернутыми в нежно-зеленые молодые бана-

¹ Сап — широкий деревянный топчан.

² Речь идет о событиях, которые произошли весной 1966 года, когда около трех недель Хюэ был занят силами Национального Фронта Освобождения.

новые листья или закрытые молодыми листьями кокосовой пальмы; пакеты с конфетами, мешочки, доверху набитые креветками, так что из них торчали усики креветок тоненькие, как шелковинки, — все это со всеми мерами предосторожности переправлялось в освобожденные районы, туда передавались и американские парашюты, из строп которых получают отличные гамаки¹. И какие бы запреты, аресты и обыски ни проводились — они не давали никаких результатов.

Девицы подозрительной профессии теперь уже не размалевывали лица румянами и белилами; «гранд-дамы», привыкшие к громким повелительным интонациям, теперь старались держаться скромнее и не выставляли напоказ дорогие украшения и роскошные модные наряды. Полицейские и те немногие из их прихвостней, которые уцелели после недавних событий, сникли и спрятали когти. Они не смели поднять глаз, хмурые и присмиревшие, сменили волчье обличье и пытались изображать кротких овец, питающихся одной травкой! Подонки, которым удалось избежать возмездия жителей Хюэ, спрятались в свои логова и не осмеливались появляться на улице.

Однажды хмурым и дождливым осенним утром — дождь не прекращался уже целый месяц — рынок Донгба пробудился необычно рано. Такого оживления давно не помнили жители Хюэ — товары покупались нарасхват, все запасались продуктами впрок на несколько дней. Лица, движения, голоса — все было полно какого-то необычного возбуждения. Казалось, те же самые покупатели, те же самые торговцы... Но оказывается, эти люди с обветренными лицами способны не только раздражаться бранью по всякому поводу и осыпать друг друга оскорблениями или даже пускать в ход коромысла... Сегодня здесь не было ни неуступчивых торговцев, ни строптивых покупателей; коромысла лежали наготове — на тот случай, если потребует немедленно уйти с рынка и поспешить на выручку демонстрантам, когда их начнут разгонять полицейские. Сегодня торговцы рыбой не зазывали покупателей и не торговались о цене, едва покупательница указывала на приглянув-

¹ В походных условиях — при передвижении в джунглях — бойцы освободительной армии и партизаны устраивались в таких гамаках на ночлег.

шуюся ей рыбину, они мгновенно кидали ее на весы, быстро заворачивали и сами совали в плетеную корзинку. «Сколько с меня?» — спрашивала покупательница и слышала в ответ совсем непривычные слова: «Берите, сестрица, покупайте, мамаша. Заплатите, сколько сочтете нужным, положите сами деньги в кошелек да и все тут!» Если покупательница забывала взять сдачу, ее окликали, но она спешила уйти, бросив на ходу: «Я очень спешу, в следующий раз...»

— Вот это да! Кого я вижу? Ты, и на рынке! — вдруг послышался чей-то удивленный возглас, и в ответ раздался мужской голос:

— Ну и что ж! Нынче и мужчины ходят на рынок за покупками, надо помогать женщинам. Взвесьте-ка мне килограмма четыре риса! А еще камбалу на полкило, штукек семь рыбешек «дой» и связочку креветок!

И в ответ прозвучало:

— Подсчитайте сами, сколько с вас причитается, и кладите-ка деньги сюда!

Фруктовые и овощные ряды завалены горами фруктов и овощей, но в покупателях сегодня недостатка нет. Пучки зелени аккуратно перевязаны веревочками из бананового волокна. Молодые ростки бамбука¹, грибы «древесное ухо», пряности, специи... Торговки ловко перевязывают покупки разноцветными веревочками: зелеными, ярко-красными, розовыми, белыми, лиловыми, светло-голубыми. Там и сям слышится:

— Ну как, что нового?

— Пока ничего, пока все то же.

Женщина покупает на вес противогазовые нейлоновые мешочки и на всякий случай спрашивает:

— Пять кило — это семьсот штук?

— Конечно, даже больше! На этот раз мы одержали большую победу и наверняка добьемся еще большего. Только вчера отменили закон Вунгтау, а уже сегодня чувствуется — совсем другая обстановка. Эти парни умеют добиваться своего.

— У вас есть дети, которые учатся?

— Есть и большие, и маленькие, каждый занят своим делом. Боюсь, что нынешние выступления затянут-

¹ Ростки бамбука являются одним из компонентов вьетнамских блюд.

ся не меньше чем на полмесяца, а впереди еще кампания против вербовки в марионеточную армию, а потом борьба против дороговизны, за свободу образования, вероисповедания... сколько всего еще предстоит!

Торговка передала покупки своей собеседнице, потом достала еще пачку нейлоновых пакетиков и, не взвесив, сунула в плетеную корзинку.

— Вчера утром, — сказала она, — когда стало известно об отмене закона Вунгтау, мои дети только об этом и говорили. Позабыли про сон и еду, все писали как-то плакаты красной и синей тушью, — наверное, несколько десятков плакатов сделали. А потом стали читать их вслух и хохотать! Прямо спасу нет, — пожилая торговка удрученно посмотрела на покупательницу и одернула кофточку. — Молодежь-то нынче пошла смелая, прямо отчаянная... Как вы думаете, что они писали на этих плакатах? Все «долой» да «долой»! Долой Нгуен Кхяня, долой иностранцев! Вот какие дела они затевают! Да и мы уж больше ничему не удивляемся, привыкли...

— А как же! Так уж издавна повелось: дети не только догоняют отцов, но даже идут дальше их! Мы бы и заикнуться не осмелились о том, о чем они говорят во всеуслышание!

Полицейский пост в конце рынка был обнесен двойным рядом колючей проволоки, стражи порядка топтались в нерешительности и боязливо оглядывались по сторонам. Вдруг откуда-то появились военные машины, из которых высыпали агенты полевой жандармерии, они быстро оценили рынок, перекрыли все переулки и улицы, ведущие к пригороду. Но люди на рынке, словно ничего не замечая, продолжали набивать сумки провизией, казалось, их ничто, кроме собственных хозяйственных дел, не интересует...

— Началось! Началось в районе Чан Као Ван! — сообщил подъехавший рикша. Коляска его была пуста, но рикша с трудом переводил дыхание и утирал со лба пот. Он старался говорить как можно громче, но все никак не мог отдышаться. Затем примчался на мотороллере какой-то студент и, спрыгнув на обочину, громко выкрикнул:

— Слушайте! Наши пачали разрушать заграждения!

И тут же, снова вскочив на свой мотороллер, он по-

мчался в сторону моста Чыонгтьен. Ветер трепал его густую шевелюру...

Уже через несколько минут повсюду возникли толпы: возле кафе, на перекрестках, люди заполнили улицу Чан Хынг Дао, все главные улицы. Казалось, все до единого жители города вышли из домов и сейчас двигались к мосту Чыонгтьен. Все были оживлены, возбуждены. Полицейские попытались было поставить заслон, но толпа смяла его. Свистки полицейских, тяжелый топот ног, громкие крики, горящие гневом глаза. Толпа принялась уничтожать заграждения из колючей проволоки.

На перекрестке улиц Чан Као Ван и Зуи Тан повсюду кипит работа: снимаются заграждения с надписями на английском и вьетнамском языках, запрещающими вход. Валятся столбы, поддерживающие ограду из колючей проволоки, проволока наспех сматывается и подтаскивается к груде смятого, искореженного металла. Оказывается, все заранее запаслись молотками, кусачками и клещами, людей становится все больше и больше, они ловко орудуют инструментами. Глаза возбужденно блестят. Со стороны моста Чыонгтьен доносится нарастающий шум, слышны радостные возгласы и аплодисменты. Вооруженные полицейские в своей желто-белой униформе стоят поодаль с подчеркнуто равнодушным видом — стоит ли придавать серьезное значение глупым выходкам толпы... Впрочем, они отлично сознают, что имеют дело с достаточно сильным противником. Эти люди, вышедшие на улицы, совсем не похожи на трусливых и робких обывателей, которые, боязливо приоткрыв дверь, выглядывают наружу, — эти действительно не страшны, как не страшны и те, что в панике звонят друг другу по телефону и в конце концов сходятся на том, что лучше держаться подальше от всего этого. Полицейские тоже поняли, что лучше пока оставаться в стороне. Они видели, как сливаются в единый поток группы молодежи — главным образом учащиеся и студенты, как эти группы появляются со стороны моста Чыонгтьен, прибывают с вокзала и подтягиваются из Дада, — так что все три колонны сходятся возле университета, а тут к ним присоединяются студенты, поджидавшие их в здании филологического факультета. И у всех припасены ножи, молотки, клещи, ножницы...

Полицейские мгновенно сообразили, что дело принимает серьезный оборот и что эти выступления молодежи не сулят ничего хорошего ни хозяевам, ни их слугам. Вот почему они сочли за благо незаметно ретироваться и держаться поближе к телефонам, вот почему они привели в состояние готовности систему сигнализации. Они осыпали друг друга бранью по телефону, сваливали вину друг на друга, взывали о помощи, отдавали распоряжения. И все-таки сейчас им не оставалось ничего иного, как изображать презрительное равнодушие к очередным выходкам сопляков. Блюстители порядка были не на шутку встревожены, они еще помнили недавнее выступление студентов и учащихся, которые устроили потасовку с жандармами прямо перед правительственными учреждениями Сайгона. Это происходило как раз в те дни, когда глава государства генерал Нгуен Кхань обдумывал, как быть с законом Вунгтау. А теперь этот закон разорван в клочья, — получив хорошенький нокдаун, глава государства вынужден был пойти на уступки. Если уж сам глава государства генерал Нгуен Кхань пошел на попятную, то им, полицейским, тем более ни к чему лезть на рожон. Если бы эти сопляки затевали потасовку в первый раз! Ведь они уже убедились в беспомощности полиции в тот день, когда затеяли заварушку около здания палаты депутатов! Они препроводили под конвоем главу государства прямо на глазах у полиции, которой ничего иного не оставалось, как молча наблюдать все это. Пусть пока все идет своим чередом, лишь бы не случилось чего-нибудь посерьезнее, не то все эти газетные писакки поднимут шумиху! Ну конечно, вон уже стрекочут кинокамеры, щелкают фотоаппараты... Откуда они только взялись? Охваченные страхом полицейские, не сговариваясь между собой, незаметно, по одному удаляются, спеша укрыться в гостинице «Тхуанхоа», подальше от объективов...

А толпа все растет. Слышатся громкие возгласы:

— Это наша страна!

— Это наш город!

Люди во весь голос говорят то, что они думают, люди открыто смеются... Кое-кто прихватил магнитофон и старается найти удобное место для записи...

Как быстро на этот раз исчезли жандармы и полицейские! Прямо на их глазах уничтожены заслоны и

на улице Чан Као Ван, и на улице Зуй Тан, на проспекте Ле Лой. Но мало того — толпа прорывается и на улицу Нгуен Чи Фыонг! «Черт возьми, я так и знал, что это случится!» — раздраженно бросает полицейский, забывая, что стоящий рядом с ним выше чином. В бинокль отсюда отлично видны пожи и палки, полицейские дубинки и молотки, клещи и ножницы в мускулистых, крепких руках. Шум, крики не умолкают... С поразительной быстротой уничтожаются несколько рядов заграждений из колючей проволоки на улице Нгуен Чи Фыонг и Зуй Тан, все это сваливается в кучу у бензоколонки.

— Это наша страна! Это наш город!

— Пусть американцы не суются в наши дела!

Откуда-то появляются люди с коромыслами, коляски рикш, велосипеды, мопеды вытягиваются в ряд по обеим сторонам улиц Зуй Тан, Чан Као Ван и Нгуен Чи Фыонг. Огромная плотная толпа окружает гостиницу «Тхуанхоа». Ни один американец не осмелится сейчас показаться на улице. Полицейские ринулись в гостиницу, поближе к американцам, надеясь найти убежище, но толпа со всех сторон окружила гостиницу. Кто-то пытается позвонить в центр госбезопасности, но получает ответ, который ошарашивает. Один за другим полицейские удирают через черный ход, пока на всю гостиницу не остается один дежурный, которого поставили здесь для проформы. Ему дано распоряжение: что бы ни случилось, оставаться на своем посту, и, осознав весь ужас своего положения, дежурный начинает нервно хихикать. Этот смех похож на всхлипывания. Если разъяренная толпа разнесет заграждения перед гостиницей и ворвется внутрь, ему одному придется нести ответ за всю братию, и уж его не пощадят! Не пройдет и минуты, как он расстанется с брэнной жизнью, даже не попрощавшись с женой и детьми. Страшно подумать, что будет с его семьей! Трое больших, двое совсем маленьких, жепя без всякой профессии! Если они ворвутся сюда, он бросится на колени, будет умолять сжалиться над ним, над несчастной семьей, которая останется без кормильца. Он скажет, что трое его старших детей — тоже школьники, что они тоже участвуют в выступлениях... Тут он вспомнил, что совсем недавно падал детям затрещин за то, что они якшаются со

смутьянами, с этими бездельниками, которые только и делают, что митингуют да протестуют! И все же он может сказать, что его сын тоже участвовал в демонстрации студентов в тот день, когда они конвоировали генерала Нгуен Кхана... помнится, когда он узнал об этом, голова его словно налилась раскаленным свинцом, а руки и ноги обмякли, стали как ватные...

Шум снаружи усилился, топот множества ног нарастал. Полицейский побелел от страха. С минуты на минуту они ворвутся сюда и растерзают его. Ему казалось, что бездна разверзлась перед ним. Нет, надо взять себя в руки. Они, кажется, не собираются врываться в гостиницу, толпа устремляется дальше, на улицу Нгуен Чи Фыонг — студенты, служащие, рикши, мелкие торговцы... Вроде пронесло! Дежурный кидается к телефону: — Алло! Алло!

Минутой позже толпа молодежи врывается в американский информационный центр. Раздается звон стекла, разгневанные люди рвут газеты, журналы, документы, ломают столы и стулья, и вот уже ярко вспыхнуло пламя, за клубился густой дым... Трещат объятые пламенем обложки папок, дзинькают осколки зеркал. Дым поднимается все выше и выше, языки пламени тянутся за ним. Теперь уже все здание информационного центра утопает в море огня. Дверь парадного входа, оконные рамы, покрашенные в бледно-голубой цвет, обугливаются и горят быстро, будто пропитанные смолой сосновые щепки. Языки пламени лижут стены — причудливое смешение розового, желтого и белого с клубами дыма, лиловыми, черными, синими. Из распахнутого окна верхнего этажа выбрасывают на улицу Ли Тхыонг Кьет огромный портрет и тут же поджигают под одобрительные аплодисменты и смех. По лицам струится пот. Белые рубашки совсем взмокли от пота, перепачканы пылью и копотью... Всем хочется подойти поближе к костру, где горит портрет. Стрекочат кинокамеры, щелкают фотоаппараты. Вот огонь охватил раму, она разваливается на две части, и хлопья обуглившейся бумаги разлетаются во все стороны, как черная саранча. Это был портрет американского президента Джонсона...

...Вечером Кхиету наконец удается рассказать своему подопечному в больнице о событиях, которые произошли утром, хотя за ним неотступно следят глаза над-

зрителя, который то и дело заглядывает за дверную решетку.

Улучив минуту, больной номер сорок семь незаметно засовывает в карман листочки, которые Кхиет передал ему, на секунду впивается глазами в лицо Кхиета и быстро спрашивает:

— Ну а как ведут себя преподаватели?

— Любое их участие весьма полезно!

— Ну а сами вы чем отличились?

— Ничем. Даже не выступал.

— Отчего же?

В ответ — молчание.

Кхиет вдруг вспомнил, как на него недавно посмотрела Тхи Нгаук. «Ты, говорят, регулярно ходишь в больницу? Молодец! Стало быть, в конце года будем обмывать окончание твоей практики!» — сказала она. Кхиета бросило в жар, но он сдержался и промолчал, словно не понял издевки. Но Тхи Нгаук не оставляла его в покое. И тогда он сказал уклончиво: «Каждый волен поступать, как считает нужным. У каждого свои обстоятельства». Но девушка не унималась: «Смотри же, Кхиет! Я ведь не сказала ничего особенного, сказала лишь, что рассчитываю на пирушку в конце года, вот и все!» — «Моя мать не одобряет пирушек», — сказал Кхиет. Тхи Нгаук вспыхнула и, вскочив на мопед, умчалась. А Кхиет тут же пожалел о том, что сказал девушке эти слова... Ведь, по сути дела, она не заслужила того, чтобы с ней разговаривали в таком тоне... Он посмотрел вслед удалявшемуся мопеду. На ветру развевалось легкое платье... Может, он вообще стал резок с друзьями? Нет, ничуть, просто на этот раз он не мог поступить иначе...

Кхиет оторвался от своих воспоминаний и поймал недовольный взгляд больного номер сорок семь, которому он делал перевязку...

— Наверное, зря я вас об этом спросил! — сказал тот.

Кхиет перестал бинтовать и почувствовал, как его охватила противная дрожь. За что он так с ним? Разве Кхиет виноват в чем-нибудь? Разве он сказал что-то лишнее? Наверно, он похож на глупого, болтливого воробья, залетевшего в вентиляционное окошко... Тусклая электрическая лампочка смотрела на Кхиета,

словно глаз какого-то чудища, пытавшегося проникнуть в его думы. Кхиету стало не по себе. Руки вдруг стали неловкими, он поспешил закончить перевязку и нечаянно уронил ножницы. Звон упавших ножниц нарушил тягостное молчание. И этот звук вдруг обрел какое-то свое, особое значение, словно послужил сигналом к сближению!

Кхиет встал. Больной приподнялся на постели.

— Послушай, Кхиет! — тихо сказал больной и тут же замолчал, так как мимо палаты прошел полицейский надзиратель, подозрительно покосившись на них. Больной наклонился, поднял ножницы и бросил их в никелированную коробку для инструментов, одновременно сунув в руку Кхиета комочек ваты, внутри которого тот нащупал что-то твердое величиной с зернышко перца.

— Попытайтесь достать мне это лекарство.

Кхиет был ошеломлен. Быстро спрятав комочек в карман, он тут же вышел из палаты.

Время словно остановилось, стрелки часов, казалось, дразнили Кхиета, минуты тянулись мучительно долго. Поскорее бы кончилось дежурство! Он переходил из одной палаты в другую, разговаривал с больными. Из хирургического отделения доносились крики и стоны. Но Кхиет давно уже привык к этому. Он быстро направился на веранду в левом крыле здания, словно хотел укрыться от этого хаоса звуков — плача, стонов, жалоб, брани! Кто-то проклинал американских советников, командование армии и даже ныне здравствующего главу государства! Это все войны «армии Вьетнамской республики» — для них не хватает коек в военных госпиталях, и теперь ранеными забиты все городские больницы. А Кхиет и его коллеги должны оказывать им помощь... Позорное это занятие — оказывать помощь карателям и мародерам, которые получили ранения, сжигая, разрушая мирные деревни, убивая и грабя мирных жителей! Ах, как медленно ползут стрелки часов! На дворе спускаются сумерки, которые окрашивают все вокруг в серые тона: небо, дым над крышами, на которых кое-где пробивается мох, и даже сам воздух — все кажется серым. Осень в Хюэ почти неотличима от зимы, если бы не густой туман по утрам и кружево паутины на ветвях деревьев, можно было бы подумать, что уже наступила зима.

И пышно расцветающие хризантемы говорят о приближении зимы — белые, темно-лиловые, желтые, бледно-сиреневые, голубоватые. Как красив Хюэ! Но когда же он обретет свободу? Сунув руку в карман, Кхиет нащупывает ватный шарик и входит в комнату дежурного. Раздается звонок — рабочий день закончен.

Кхиет разворачивает записку. «Кхиет, меня рекомендует вам Винь Ко. Мое имя — Хьеу».

Крошечный клочок бумаги — обрывок этикетки от лекарства, на котором едва уместилась одна строчка, нацарапанная карандашом. Кхиет на миг цепенеет, потом, придя в себя, гасит свет и широко распахивает окно — в комнате становится светлее. Кхиет все еще сжимает в дрожащей руке клочок бумаги. Винь Ко! Наконец-то! Кхиет про себя повторяет имя друга, хотя ему хочется произнести его громко, так, чтобы слышали все. Он почти задыхается от счастья, от неистовой радости. Жизнь действительно удивительна! Наконец-то Винь Ко, дорогой друг! Не будет больше злых упреков, подозрений и недоверия. Сбываются мечты, которые лелеял Кхиет, когда спешил встретиться с Винь Ко около школы Фу Ван Лау, мечты и думы, которые не давали ему покоя по ночам, лишали сна. Счастье приходит всегда неожиданно... Друг дал знать о себе как раз тогда, когда Кхиет уже потерял всякую надежду. Какой длинный путь нужно было пройти, прежде чем они вновь пожали друг другу руки и вместе отправились в новый путь. Значит, один этап жизненного пути уже позади? Значит, я уже стал вполне зрелым человеком и чего-то стою?

Глава IX

Утром Тхюи была выдворена из дома мадам Жаклин.

Слуга и шофер сунули ей пачку писчей бумаги для Ты и пятьдесят пиастров.

— Это то немногое, что мы сумели для тебя наскрести, по крайней мере сможешь хоть жажду утолить. Не сегодня-завтра нам тоже велят собирать вещи и выставляют из этого дома в точности так же, как и вас!

Кухарка подарила Тхюи новый нон¹, купленный день назад.

— Бери. Ну что ж, ничего не поделаешь. Надеюсь, мы с тобой еще увидимся,— глаза женщины наполнились слезами.— Ты хоть и молода, но уже знаешь жизнь, не пропадешь.

Два дня Тхюи бродила по улицам в поисках работы, но работы не было.

На третий день, хорошенько все обдумав, Тхюи решила истратить имевшиеся у нее пятьдесят пиастров и купить пару ведер, чтобы таскать воду по найму. Она уже успокоилась. Нужно заново налаживать жизнь. Бессмысленно продолжать бродить по улицам, когда ноги подкашиваются от усталости и в животе урчит от голода,— ни еда ни одежда не свалятся на тебя с неба... Горе и обида, которые пришлось пережить Тхюи, не сломили ее, хотя вычеркнуть из памяти то, что пережило, невозможно. Разве можно забыть то, что произошло с нею в доме капитана Хюйена, разве можно забыть, как обошлась с нею мадам Жаклин? Но самое тяжелое — это все-таки та ночь, когда в их дом ворвались полицейские, которые избили, а потом куда-то уволокли мать. Малыш Ты надрывно кричал... Тхюи никогда не забудет этого крика, не забудет, как она сама с плачем кинулась за матерью, не забудет и горестный, душераздирающий голос матери, растворившийся во мраке ночи.

Тхюи часто вспоминала, как мать рассказывала ей сказку о Там и Кам². Она больше не плакала, не думала о своей горькой участи, как это было в те дни, когда ее навещал Кхиет. Теперь она думала об отце, матери, брате, а не о себе. И вообще теперь на ее глазах редко можно было увидеть слезы. О если бы появился добрый волшебник из сказки о Там и Кам! Он научил бы ее уму-разуму, помог выбраться из беды! Но добрый волшебник приходил к ней лишь в сладких сновидениях. Когда она просыпалась, его уже не было, и перед глазами Тхюи снова вставала жестокая действительность. Волшебник исчезал, забыв дать полезные наставления...

¹ Конусообразная шляпа из пальмовых листьев.

² Вьетнамский вариант «Золушки».

Целыми днями она крутилась возле общественного колодца. За два ведра воды — один пиастр. Вставая на рассвете и допоздна разнося воду, Тхюи зарабатывала от восемнадцати до двадцати пиастров в день. Этого хватило бы на то, чтобы прокормиться и приобрести себе кое-какую одежонку. Но Тхюи решила, что прежде всего она должна оплатить занятия Ты, купить ему книжки и тетрадки, что Ты ни в коем случае не должен испытывать лишения, недоедать и ходить оборванцем. Просыпаясь по утрам, она видела, что Ты со своими тетрадками уже уселся под электрическим фонарем возле дороги. Взяв ведра, Тхюи уходила, не забыв купить и оставить для брата горяченькую булочку. В полдень брат и сестра встречались на рынке Кон, устраивались в тени возле какой-нибудь лавчонки и ели то, что приносила с собой Тхюи. Иногда она покупала рис и просила тетушку Нам сварить его, иногда брат и сестра заходили в крошечную харчевню тетушки Нам позади рынка — стол со стульями под навесом из оцинкованного железа, — покупали порцию еды на двоих. Это была одна из тех харчевен, в которые обычно забегают рикши, если у них нет возможности пообедать дома. За шесть пиастров в харчевенке тетушки Нам можно было поесть не хуже, чем в общественных столовых Хюэ, к тому же продукты у нее всегда были свежие, как утверждали завсегдатаи.

В те дни, когда ей удавалось заработать больше, чем обычно, Тхюи покупала для брата конфеты из арахиса, сваренные на патоке, и они ели эти конфеты с хрустящим поджаристым белым хлебом. А иногда она покупала душистые, испеченные на углях початки кукурузы.

Вечером брат и сестра устраивались на ночлег прямо на улице. Они расстилали свои циновки и одеяла возле дома номер восемнадцать по улице Хунг Вьонг. В этом доме была мастерская, где изготовляли рекламные объявления. Хозяева — художник и его жена, — по видимому, не собирались прогонять Тхюи с братом и делали вид, что не замечают их. Однако хозяева соседних домов имели обыкновение на ночь обильно поливать водой тротуар перед домом: это был самый лучший способ лишить ночлега таких бездомных, как Тхюи с братом.

На смену утомительному дню приходил сон, а во сне грезилось несбыточное. Иногда Тхюи просыпалась от тяжелого топота, полицейских свистков, голосов лоточников, раздававшихся то где-то совсем рядом, то в отдалении, иногда ее будил чей-то громкий крик или детский плач, жалобный и сонный.

Иной раз случалось, что Тхюи с братом приходили со своими циновками и одеялами на обычное место, а калитка была закрыта, хотя со двора еще доносился шум. Перед тем как улечься, Ты еще раз повторял уроки, а Тхюи слышала, как во дворе озорничали детишки, как они приставали к отцу, уговаривая его «покатать» их, потом просились на руки к матери. Тхюи украдкой поглядывала на брата. Что чувствует он, слыша, как других детей окликают отец или мать? Даже она, Тхюи, совсем уже взрослая, и то мечтает о том, чтобы ее позвали отец или мать, а каково приходится малышу Ты! «Оставьте отца в покое!» — раздраженно говорит мать в соседнем дворе. Затем доносятся негромкие голоса обоех супругов: «Это кресло займет какой-нибудь другой господин и тоже станет набивать свои карманы деньгами, только придет конец Дьему с его братцем Ню, как тут же появляется другой Дьем с другим братцем... А что простой люд дошел до крайности, так этим господам нет до того дела. Иные вознеслись высоко, знай себе переводят денежки в заграничные банки, им-то что... Ой, глупыш, смотри не упади, иди-ка ко мне! А ты, Хунг, не дразни маленького!» Женщина тяжело вздохнула. «У меня не выходит из головы мысль: если ты хоть на один день останешься без работы, детишкам будет нечего есть. Я с моим слабым здоровьем долго не протяну... И жизнь все дорожает...» Муж сказал с горечью: «Я уже давно сообразил, что быть художником — это значит умереть с голоду. Кого в наше время интересует искусство, каждый сейчас думает лишь о хлебе насущном! Посмотри, сколько людей живет впроголодь... А эти государственные деятели и те, что охраняют их покой и покой их драгоценных супруг и чад, — все они заботятся только о том, как бы набить свое брюхо...» Некоторое время художник молчал, думая о чем-то своем, потом сказал: «Вот и пришлось мне сменить профессию, заняться изготовлением рекламных картинок... Первое время я все никак не мог с этим смирить-

ся...» И он добавил совсем тихо: «Я понимаю, ты полюбила художника, а художник превратился в обыкновенного маляра! Хорошо еще, что у нас с тобой родился Хунг, а потом Зунг... Если бы не они... Я так боялся, что ты уйдешь от меня...» Жена ласково пожурила: «Опять ты болтаешь вздор...» Оба засмеялись. Отец окликнул младшего сынишку: «Иди-ка сюда, Фук, спроси-ка маму, любит ли она художника?» Малыш невнятно пролепетал: «Мама... любит... худож... ни... ка?» Последнее слово малыши одолел с трудом. Голос мужчины снова стал грустным: «Порой становится очень досадно... Моих заработков едва хватает на питание и одежку детишкам. А между тем мне каждый день приходится иметь дело с толстосумами, от которых меня мутит. Это невежды и, что еще забавнее, чаще всего — бывшие сутенеры и сводники, сумевшие втереться в доверие к влиятельным господам. Они обивают чужие пороги, приобретают связи и довольно скоро отхватывают куш на какой-нибудь афере. А, обзаведясь денежками, стараются поскорее пристроить капитал, приобрести акции, открыть собственное дело, и тут-то им оказываются нужны рекламные объявления. Но разве все эти люди, смысл жизни которых — погоня за деньгами, понимают что-нибудь в искусстве, в прекрасном? Иногда, принимая их заказы, я буквально давлюсь от смеха!» Художник вздохнул. «В такие минуты я чувствую себя подмастерьем на побегушках. Малюю, потому что нужны деньги. Увы, только так я могу содержать семью, на большее рассчитывать не приходится. Даже на краски иной раз денег не хватает! У меня были мечты, были свои замыслы, хотелось создать что-то настоящее, значительное, но, видно, этому не суждено сбыться... Я как-то шутя сказал Хыу: «Пока чахотка не свела тебя в могилу, раздобудь для меня немного денег на краски и материалы, тогда я продержусь еще некоторое время, буду работать, а потом передам свои картины любому, кто сможет с толком ими распорядиться». Хыу засмеялся в ответ и сказал, что есть лишь один выход — научиться вымогать деньги — у миллионеров, у влиятельных людей! А когда нас начнут преследовать по закону, мы откровенно скажем: мы не виноваты в том, что лишь избранные имеют возможность наслаждаться искусством и что талант художника получает достой-

ную оценку только тогда, когда художник уже на том свете. Вот тогда его начинают превозносить, а его картины покупают за любую цену, при жизни он обречен на полуголодное существование. Пусть работает, пусть творит, пока не упадет без сил, пока не умрет у своего мольберта... Такова была судьба Хыу — он умер вскоре после нашей встречи. А я... Дело не только в том, что я не могу заработать на жизнь... После смерти Хыу я потерял интерес к настоящей работе. Хыу слишком изнурял себя, он работал день и ночь, забывал о сне и еде, особенно тогда, когда почувствовал, что близится смерть. Он работал с каким-то ожесточением, почти не расставался с мольбертом: когда к нему не зайдешь — днем или за полночь — он не отходит от мольберта... Он написал всего одну картину, но ей нет цены. Она великолепна. Надо позаботиться о том, чтобы хорошенько спрятать ее — Хыу сам просил об этом меня и еще одного своего друга. Он верил, что наступят иные дни... Перед самой смертью он снова повторил, что запрещает показывать картину торгашам, он не желает, чтобы она попала в руки толстосумов и так называемых «знатоков искусства», этих бездельников, которые пожирают плоды чужого труда и втоптывают в грязь тех, кто трудится в поте лица и обеспечивает их безбедное существование. Знаешь, свободно творить можно будет только тогда, когда сгинет вся эта мерзкая свора». Художник закашлялся. Когда приступ кашля прошел, он сказал решительно: «Я верю: наступит время, когда все будет иначе, так не может продолжаться вечно. Это закон развития общества. Но подлинный художник сам должен найти свой путь...» И тут раздался голосок кого-то из малышей: «Папа, когда пойдешь его искать, возьми меня...» И другой детский голос подхватил: «И меня тоже!» Отец поспешил всех успокоить: «Хорошо, хорошо, и папа пойдет, и мама, все пойдем спать, пора в постель!» «Надо взглянуть, не закипел ли чай, — сказала жена. — Я хочу напоить детей чаем». Все ушли в дом, стало тихо.

Ты закрыл книжку и лежал, о чем-то размышляя.

— Сестричка Тхюи, а ты почему не спишь? — тихо спросил он.

Тхюи не сразу ответила на вопрос брата.

— Я слушала разговор художника с женой.

— Ты слушала их? — Мальчик заморгал длинными ресницами, они были похожи на тычинки цветов, которые обычно растут по берегам прудов, они были и в садике тетюшки Зьсу. Эти цветы называют «белыми бабочками» — когда налетает порыв ветра, длинные тычинки испуганно дрожат.

— Ты слушала их разговор? — вновь спросил Ты, и вдруг сказал: — А я подружился с сыном художника, с Зунгом. Он старше меня на два года. Хотел подарить мне свои старые игрушки, но я не взял... Боялся, что ты будешь недовольна... — Ты вопросительно посмотрел на сестру. — Мы с Зунгом часто болтаем о том о сем, он любит слушать забавные истории...

— Это какие же?

— Ну, например, про Дунга.

— А он не знает ее? Не может быть!

— Нет. Он от меня научился.

И Ты принялся быстро-быстро повторять скороговорку из книжки:

— Он вычерпал море и звезды пересчитал, он вырыл реки и деревьев насажал, он сделал горы до небес, на небо он по ним залез, еще ловил он птиц и крабов, удил он рыбу...

Тхюи попыталась повторить скороговорку про себя, но у нее не получилось. Как отнестись к этой дружбе? Она и сама не знала. Когда они с братом жили в чулане под лестницей в доме мадам Жаклин, Тхюи строго-настрого наказала брату не играть ни с хозяйским сыном Таем, ни с детьми других богатых людей, живших по соседству. И Ты ни разу ее не ослушался. Вот и теперь он не осмелился взять старые игрушки, которые хотел подарить ему друг, потому что не знал, как на это посмотрит сестра. Тхюи тихо сказала:

— Пожалуй, ничего плохого нет в том, что ты играешь с этим мальчиком. Если хочешь, возьми у него игрушки, но только всегда помни, что мы здесь совсем чужие, не забывайся...

Ты придвинулся к сестре и внимательно слушал каждое ее слово, наблюдая за мотыльками, летавшими вокруг уличного фонаря. Легкий ветер поднимал с дороги пыль и бросал ее прямо в лицо Тхюи и Ты.

Неподалеку возвышалось больничное здание, из окон которого падал тусклый зеленоватый свет. Шелестели

лиственной деревья. Тхюи задумалась. Оказывается, и эта семья, которая обеспечена куда лучше, чем они с братом, тоже ненавидит богачей! Она далеко не все поняла из разговора художника с женой, но было совершенно ясно, что им ненавистны богатые тупеядцы, которые пользуются всеми жизненными благами, в то время как другие работают в поте лица, работают до полного изнеможения, пока их не сведет в могилу либо чахотка, либо постоянное недоедание. Художник сказал, что наступят иные времена. Как это понимать? Если бы она могла спросить об этом у Кхиета! Кхиет так много знает, он бы ей наверняка все объяснил. Рядом послышался шорох. Тхюи вскочила. Из темноты появилась молодая женщина с растрепанными, спутанными волосами, которые закрывали половину лица, в руках у нее была драпаная, латаная-перелатанная сумка. Она укоризненно смотрела на Тхюи, прижимая сумку к груди. Тхюи снова улеглась, не обращая на женщину внимания. Она уже привыкла к тому, что эта умалишенная время от времени появляется здесь. Недалеко от того места, где устраивались на ночлег Тхюи с братом, стояла ветхая лачуга из досок и кусков жести. Если в лачуге было темно, то можно было надеяться, что безумная не появится, когда же в лачуге зажигалась тусклая лампочка, вслед за этим из темного угла появлялась женщина. Иногда она недвижно сидела в своей лачуге, иногда выходила на улицу, бормоча что-то и напевая, а иной раз, громко хихикая, направлялась в сторону рынка. Говорили, будто раньше она работала на ткацкой фабрике, но ее уволили, узнав, что она больна раком. Оставшись без гроша в кармане, она попыталась найти приют у матери, но мать тоже была калекой и жила тем, что побиралась. Она безжалостно выгнала несчастную дочь. Молодая женщина лишилась рассудка. Бывали дни, когда она казалась нормальной, а иногда становилась совсем безумной. Тхюи не раз видела, как больную женщину окружала толпа детей, которые дразнили ее, а она приходила в ярость, выла и в бешенстве кидалась на детей, которые разбегались в разные стороны. Она злобно кидалась на всех подряд, ни на миг не переставая браниться. Иногда врывалась в какой-нибудь дом и начинала неистово ругать американцев, а заодно и правителей, изменивших своему народу, потом про-

сила дать ей напиться. Она жадно пила пиалу за пиалой и уходила умиротворенная. Хозяева сочувственно вздыхали. Бывали моменты, когда безумная становилась тихой и миролюбивой, как будда. Ребятишки, как всегда, дразнили ее, но она не обращала на них никакого внимания. Она садилась на свою старую сумку, которую обычно носила на плече, и разражалась рыданиями. Говорили, что у нее был ребенок, но отец ребенка оказался чудовищным проходимцем — он отправил ребенка с какой-то контрабандисткой в Бангкок, там ребенка умертвили и, выпотрошив живот, наполнили его опиумом. Контрабандистка должна была доставить тело обратно, но по дороге попалась. Несчастная мать узнала обо всем. Это, будто бы, и стало причиной помешательства.

Если бы показать эту безумную женщину Кхиету, может, он смог бы ей помочь? Он ведь учится на врача, он должен знать, есть ли лекарства от этой болезни. Впрочем, дело ведь не только в болезни. Разве нормальная мать выгонит из дома с проклятиями дочь в тот момент, когда ее надо пожалеть, когда ей нужна поддержка и защита? Такое могло случиться лишь из-за того, что бедность довела человека до крайности, и он ожесточился. Ведь и она, Тхюи, почти в таком же бедственном положении, как эта женщина, с той лишь разницей, что Тхюи, к счастью, пока еще не сошла с ума. Что будет с братиком Ты, если она заболит или с ней еще что-нибудь случится? Одна лишь мысль об этом приводила Тхюи в ужас.

Нет, она должна выстоять. Она готова перенести любые тяготы, любые оскорбления, невзгоды и лишения, лишь бы только Ты не огорчился, лишь бы на него не обрушились новые несправедливости... Кхиет, ты слышишь меня?

С тех пор как Тхюи с братом перебрались в Дананг, прошло полгода, и все это время Ты ходил в школу. Учился он хорошо, приносил из школы похвальные отзывы. Тхюи не раз читала плотно напечатанные строчки стереотипного текста и приписки, сделанные от руки: «Прилежный, примерный, достоин похвалы».

И вот наступил сезон дождей. Погода в Дананге портилась совершенно неожиданно. Со стороны Лангко,

Тханьби или со стороны моря вдруг надвигались черные тучи, которые закрывали солнце. Тяжелые тучи нависали над рекой Батъданг, раздавались страшные раскаты грома, похожие на рев реактивного самолета, так что детишки в страхе затыкали уши. Вначале идут очень сильные дожди — не дожди, а ливни. Они смывают грязь, накопившуюся в сточных канавах. А через час, на небе вдруг снова сияет солнце, и только лужи на улицах напоминают прохожим, что совсем недавно на их глазах разверзлись хляби небесные. Но иногда дождливая погода устанавливается надолго, дожди льют беспрерывно, изо дня в день. Горожане ворчат: «Дьявол побори эту погоду! Развезло похуже, чем в Хюэ!»

Тхюи не ворчала и не ругалась и лишь с нетерпением ждала перемены погоды. Когда в домах засорился водопровод, люди даже в дождливую пору покупали воду у разносчиков. Но в последнее время шли такие сильные ливни, что многие начали собирать дождевую воду — ее хватало на три-четыре дня. После затяжных дождей обычно наступал перерыв на несколько дней, а потом все начиналось сначала. Тхюи осталась без работы... Деньги, отложенные для уплаты за учение Ты, уходили на питание.

Если ночью шел дождь, Тхюи было трудно заснуть. Капли стучали по крышам, струйки воды стекали с навеса, под которым они устраивались на ночлег, и от этого на душе становилось тоскливо. Она думала об отце, матери, вспоминала тетюшку Зьеу. А Ты спал как ни в чем не бывало. Тхюи потихоньку придвигала его поближе к стене дома. Сама же она лежала с краю, намочшее одеяло не согревало. Если дождь был косой, то капли попадали на лицо, и волосы Тхюи пропитывались влагой. Налетали порывы ветра, и деревья стряхивали на дорогу крупные, тяжелые капли.

Накануне дождь лил с полудня до самого вечера, а утро наступило жаркое, солнечное. Тхюи отправилась к общественной колонке. Там она нечаянно подслушала разговор двух женщин:

— Послушай, говорят вчера вечером В. К.¹ все-таки изловили старосту волости Д.! Он очень боялся их, поэтому на ночь оставался на хуторе Тханьбинь, где есть

¹ Имеются в виду вьетконговцы.

охрана, и все-таки его изловили, крепко связали, а потом... Ужас, что творится! Правда, люди говорят, что на его совести немало преступлений.

— А откуда появились В. К.? Неужто с Севера? Значит, они уже здесь?

Тхюи заинтересовалась:

— Кого вы называете В. К.? Тех, кто возвращается с Севера?

— Конечно! Ты, видать, совсем ничего не понимаешь! А впрочем, откуда тебе знать, кто такие В. К.? Я же, например, не только знаю о них, я их сама видела! Когда они ушли на Север, мне было лет десять, а сейчас уже двадцать. Правда, с тех пор мне больше не пришлось с ними встречаться. Говорят, они худые-прехудые — внятером не переломят даже ветку папайи... И еще говорят, будто они людоеды... Думаю, это враки! Но вот то, что они изловили старосту, это чистая правда. Люди его ненавидели лютой ненавистью, поэтому очень хорошо, что его изловили. А что это у тебя такой странный вид? Тхюи, ты, может, боишься В. К.? Ручаюсь, что тебе-то их бояться нечего...

Вечером Тхюи повторяла про себя слова молодой женщины: «А что это у тебя такой странный вид? Ты, может, боишься?» Нет, нет, Тхюи несколько не боится... Откуда этим женщинам знать, что Тхюи не боится В. К. просто потому, что с ними ее отец...

— Но почему отец так долго не возвращается? — прошептала Тхюи, и в ответ слышала лишь легкий шелест листвы. Уж не забыл ли он, что здесь его ждут дети? А может, он о них и впрямь забыл? И тут же она поняла: если отец и вернулся, то как он найдет Тхюи, как узнает, где она? Говорят, этот староста, которого поймали вьетконговцы, совершил много преступлений. Если так... Тхюи вдруг представила налившиеся кровью глаза, лицо с резкими чертами. Если так, то капитан Хюйен тоже преступник. И разве она, Тхюи, не вправе присоединиться к тем, кто должен его поймать и наказать? Ее отец на Севере. В. К. пришли с Севера. Может быть... Тхюи закрыла глаза...

Почему отец не разыщет ее? Почему она должна жить в разлуке с ним? Почему ее отдали в услужение в семью капитана Хюйена? Почему поймали этого старосту, а не капитана Хюйена? Отец должен расправиться-

ся с капитаном Хьюеном... У Тхюи защемило в глазах, к горлу подкатил комок.

...Может быть, она зря упрекает отца? Откуда ей знать, был ли ее отец среди тех людей, которые схватили вчера вечером старосту? Неожиданно ей пришла в голову идея: а не покинуть ли им с братом Дананг и не отправиться ли на поиски отца?

...Полно, где она будет его искать... Тхюи охватило отчаяние. Если бы можно было посоветоваться с Кхиетом, он помог бы ей. Ей стало бы немного легче, если бы она знала, где и как искать отца. Вокруг электрического фонаря кружили мотыльки. Снова начался дождь, грязные брызги попадали Тхюи в лицо. Она думала о том, как тепло и сердечно относился к ней студент по имени Кхиет в короткие дни их знакомства. Тхюи вытерла слезы и повернулась к брату — тот уже заснул и мерно посапывал. Интересно, сейчас в Хюэ тоже идет дождь? Сколько миль от этого места, от этого тротуара, до госпиталя в Хюэ, где работает Кхиет? Встретятся ли они когда-нибудь? А может, поехать в Хюэ и, стараясь не попадаться на глаза никому из знакомых, разыскать Кхиета? Дождь усилился, теперь капли падали часто-часто, сильный ветер вихрем закружил листья, в канаве булькала и журчала вода. За пеленой дождя все предметы приняли расплывчатые очертания. Лачужка сумасшедшей женщины казалась сейчас просто темным пятном. Сверкнула молния. У подъезда госпиталя виднелись какие-то фигурки, кто-то вышел во двор, кто-то скрылся за дверью. Мимо проехала машина, из-под колес летели брызги. Дождь все усиливался и наконец превратился в настоящий ливень. Тхюи никак не могла отделаться от воспоминаний, она думала о встрече с Кхиетом и досадовала сама на себя. В самом деле, к чему пустые мечты, зачем она так часто думает об этом почти незнакомом парне? Он был очень добр к ней, этот парень, но, возможно, он относится так ко всем. Налетел порыв ветра, тонкое одеяло почти не защищало от холода. Тхюи еще раз осторожно придвинула брата поближе к стене. Ты обычно спал беспокойно, сбрасывал с себя одеяло. Вот и сейчас он, видимо, не чувствует, что идет дождь, — все высовывает голову из-под одеяла! Тхюи вновь подумала о Кхиете. Для чего беспокоить его, отнимать у него время? Ведь она познакомилась с

ним совершенно случайно. Если бы он тогда не вытащил ее из воды, он никогда не узнал бы о ее существовании. Тхюи положила руку под голову и вздохнула: «Что поделаешь, я не выполнила данного ему обещания, но иного выхода не было...»

Наступило утро, дождь все так же продолжал лить. Братишка отправился в школу, а Тхюи отнесла циновки и одеяла к тетушке Нам и зашла в ближайшую швейную мастерскую — узнать насчет работы. Тхюи уже приходила сюда в дождливые дни и ей давали работу — обметывать петли. Если за утро ей удавалось обработать четыре комплекта одежды, она все-таки получала несколько пиастров. Это лучше, чем сидеть без дела и ждать, когда прекратится дождь. Вены на покрасневших, натруженных руках Тхюи набухли. За последние дни она заметно похудела. После бессонной ночи болели глаза, и Тхюи стоило больших усилий орудовать иглой. Когда устают глаза, лучше таскать воду! Тхюи опять вспомнила разговор про старосту. Разве узнаешь, был ли среди тех людей ее отец? Как разыскать его? Отец, почему ты не ищешь меня? Если бы отец не ушел от них тогда, если бы взял их с собой, ей не пришлось бы идти в услужение к капитану Хюйену, не пришлось бы видеть слезы брата, которого обижали чужие люди, мадам Жаклин не залепила бы ей пощечину, и сейчас она не сидела бы здесь, в этой мастерской. Она ведь не боится ни трудностей, ни тяжелой работы. Лишь бы ее не били и не оскорбляли ни за что ни про что. Если бы рядом был отец, никто не посмел бы обращаться с нею так. Если бы рядом был отец...

— Сестричка Тхюи!

Она удивленно подняла голову. Перед ней стоял Ты в мокром плаще с книжками в руках. Глаза у него покраснели от слез. Бросив работу, Тхюи вскочила. Не успела она спросить, что произошло, как Ты сказал, всхлипывая:

— Меня... меня выгнали из школы, потому что мы не заплатили за ученье...

Тхюи сняла с мальчика мокрый плащик, утерла ему слезы.

— Я так этого боялась! У меня не хватало двадцати пиастров, чтобы уплатить сполна. Я постараюсь раздобыть эти деньги, и после обеда ты вернешься в школу.

Но и после обеда Ты не пошел в школу, потому что ей не удалось раздобыть денег. Тхюи пришла в отчаяние. Она готова была пойти на любую крайность, лишь бы только достать деньги и заплатить за учение брата.

Ей даже нечего было продать, кроме коромысел — единственного ее капитала, с которым она не должна была расставаться ни в коем случае — ведь тогда она не сможет заработать ни на еду, ни на одежду.

И тогда Тхюи решилась обратиться за помощью к своей бывшей подруге, жене счетовода Ким и к кухарке, вместе с которой она работала у мадам Жаклин. Может быть, они что-нибудь посоветуют? Но у мадам Жаклин был уже другой счетовод, и он ответил Тхюи, что кухарку рассчитали, а Ким по приказу хозяйки переведена в другой магазин — в Нячанге. В доме не осталось никого из тех, кого знала Тхюи. У нее не было иного выхода и она пошла к мадам Ванг, которая давала в долг под большие проценты, отличалась на редкость злым языком и невероятной грубостью — обычно, разговаривая с клиентами, она не выбирала выражений. Так говорили о ней в квартале. Но, несмотря на это, у нее всегда было полно посетителей. Мадам Ванг жила в собственной вилле, окруженной садом. Когда Тхюи проходила мимо дома мадам Ванг, она всегда видела, что от посетителей нет отбоя, иногда появлялась и сама мадам — всегда чем-то раздраженная, недовольная.

Мадам Ванг была женщиной тучной. Она превосходно одевалась, и вид у нее был неприступный. Глаза у мадам Ванг были подведены, она была так густо напудрена и нарумянена, что казалось, физиономия ее была обработана кистью маляра, на губах лежал такой толстый слой помады, словно тут поработал штукатур. Наверное, ей хотелось выглядеть женственной и мягкой. Однако наглость, алчность и жестокость были написаны на ее лице, это чувствовалось и во взгляде ее подведенных глаз, и в оскале острых желтых зубов, и в манере говорить — в каждом ее слове. Напускная слащавость не создавала никаких иллюзий насчет истинной натуры мадам и лишь вызывала чувство омерзения, поэтому клиенты мадам Ванг старались как можно быстрее покончить с делами и унести ноги из ее дома. Тхюи достаточно слышалась о повадках мадам Ванг и все-таки решила пойти к ростовщице.

Едва она переступила порог, как секретарь мадам Ванг холодно объявил:

— Хозяйка не дает в долг маленькие суммы. Сто пиастров — это невозможно, нужно взять по крайней мере пиастров пятьсот, не меньше. Если вас это не устраивает, не беспокойте мадам зря, она очень занята.

— Но я могу взять лишь сто пиастров... — сказала Тхюи.

— В таком случае вам здесь больше нечего делать, И не отнимайте у меня время. — С этими словами секретарь закрыл расчетную книгу и поднялся.

Вконец отчаявшаяся Тхюи направилась в школу. Директор школы, увидев ее, сказал:

— Поверьте, я не могу оставить вашего брата в школе. Сегодня уже двадцать четвертое число, а плата за учебу до сих пор не внесена, стало быть, мальчика больше не допустят к занятиям. И без того мы относились к вам очень гуманно.

Голос у директора школы был раздраженный и усталый.

Ты ждал окончания разговора, прижав к груди книжки и кулачком вытирая слезы. Сколько раз Тхюи обещала самой себе, что никогда не допустит, чтобы брат плакал, и если кто-нибудь обидит мальчика и причинит ему страдания, она разорвет его в клочья! И вот теперь из-за нее, из-за ее нерасторопности Ты снова плачешь. Это она во всем виновата — не успела вовремя достать деньги... Как поступить? Что предпринять? Она надеялась уговорить директора оставить мальчика в школе еще на несколько дней, пока она не раздобудет денег, но, как видно, это невозможно. Где же выход? Как раздобыть деньги, где...

Директор школы затянулся сигаретой и демонстративно углубился в бумаги, лежащие на письменном столе... В кабинете воцарилась холодная, враждебная тишина.

— Благодарю вас за гуманное отношение, — сказала Тхюи, — и приношу извинения за беспокойство.

С этими словами она потянулась за своим ноном.

— Видите ли, — сказал директор еще более раздраженным тоном, — мой долг — отстаивать интересы школы.

Тхюи направилась было к выходу, и вдруг остановилась в дверях. Она задержалась.

— Господин директор,— Тхюи смотрела прямо в глаза своему собеседнику,— если я вас правильно поняла, интересы школы сводятся лишь к получению определенной суммы денег — платы за учение?

Директор поднялся и указал ей на стул.

— Присядьте, я хочу понять, что вы хотите этим сказать?

Тхюи села. Какие злые глаза у директора! Не обращая на это никакого внимания, Тхюи медленно заговорила:

— Господин директор, я понимаю, что, открыв частную школу, приходится нанимать учителей и платить им жалованье, приходится платить за аренду помещения — именно на это идут те деньги, которые ученики вносят за учебу. И чем больше школа получит этих денег, тем лучше,— совсем как в торговом деле!

Директор внимательно слушал. Тхюи подумала, что ее слова не могут не задеть этого человека, как и всякого другого, кто оказался бы на его месте. Обидные слова, сорвавшиеся с языка в минуту отчаяния... Однако она ошиблась: вспышки гнева не последовало. Напротив, директор спокойно затаился, понимающе усмехнувшись.

— Вы хотите напомнить мне о прекрасной миссии педагога? Но если в наш век руководствоваться соображениями гуманности и долга, то немедленно вылетитш в трубу и умрешь голодной смертью. Поэтому у нас установлено твердое правило: в каком бы классе ученик ни занимался — пусть даже в выпускном, в числе тех, кто должен получить звание бакалавра,— если до двадцать третьего, в крайнем случае до двадцать четвертого числа не внесены деньги за учебу, из канцелярии приходит бумага о немедленном отчислении ученика из школы. Бывали случаи, когда мы удаляли ученика даже с экзамена. Я подчеркиваю, что исключений не делается даже для учеников старших классов, а для таких, как ваш брат,— и недавно.

Тхюи мало что уяснила из объяснений директора, хотя и сосредоточенно слушала его монолог. Она не совсем поняла, что такое «прекрасная миссия педагога», но смутно догадывалась, что речь идет о душевном бла-

городстве тех, кто учит детей. Тхюи рассуждала по-своему, наивно полагая, что школы — будь то частные или государственные — существуют прежде всего для того, чтобы сделать людей грамотными, чтобы давать знания. И этим большим, благородным делом — организацией обучения — должны заниматься благородные люди. Такие слова, как «школа», «учиться грамоте», «учитель», были наполнены, по представлению Тхюи, каким-то особым содержанием... Так думала Тхюи. Но у нее не хватало слов, чтобы достаточно четко выразить свою мысль.

— Господин директор, — сказала Тхюи, взвешивая каждое слово, — если ученик посещает частную школу, он, конечно, должен платить за обучение. Но... может быть, детям из бедных семей можно оказывать какое-то снисхождение... Я так мечтала, — Тхюи посмотрела на директора умоляющими глазами, — я так мечтала, чтобы мой брат получил хотя бы начальное образование, я так тревожусь за его будущее... Я выбиваюсь из сил, но не всегда успеваю вовремя собрать нужную сумму...

Директор школы положил руку на спинку стула, нахмурился, рассеянно теребя край сукна, которым был застелен стол, казалось, он совсем забыл о сигарете, дымившейся в пепельнице.

— Наверняка сегодня утром в Дананге, — сказала Тхюи с горечью в голосе, — не один мой брат не был допущен к занятиям из-за того, что не внесена вовремя плата за учебу. Я думаю, таких мальчишек немало... Но в чем их вина? Только в том, что они бедны... Хотя мой брат и не переросток, вряд ли его возьмут в государственную школу, — Тхюи с трудом сдерживала слезы, — потому что там все места заняты детьми из обеспеченных семей...

Директор затушил сигарету в пепельнице и мягко сказал:

— Хорошо, пусть завтра ученик Нгуен Кхоа Ты приходит в школу. Но вы все-таки поскорее постарайтесь раздобыть денег, не доставляйте нам лишних хлопот.

Тхюи просияла. На сердце у нее стало легко и радостно — и не только потому, что брату разрешили ходить в школу, но и потому, что она наконец высказала все, что накопилось у нее на душе, и ее терпеливо вы-

слушали. Она и сама не подозревала, что способна на такие речи.

Она вежливо попрощалась с директором школы, пообещав на следующей неделе обязательно уплатить деньги.

Тхюи удалось внести нужную сумму. Дождь больше не лил — небо смиростивилось над ней, и у нее снова появилась работа — она носила воду.

Ей удалось заработать деньги на учение брата, и притом они не сидели на голодном пайке и никому не задолжали.

Поиграв чуть-чуть со своим приятелем Канем, Ты, зажав книжки под мышкой, торопился к сестре. Последние дни Тхюи сразу же после завтрака брала коромысла и шла разносить воду. Вечером она лежала, глядя в темнеющее небо, — гадала, какая завтра будет погода. Если будет такая же жаркая и сухая, как в эти дни, надо с самого раннего утра спешить к общественной колонке. Ты понимал, что сестра работает так много ради того, чтобы он мог учиться. Ведь каждый месяц надо было не только платить за учебу, но и покупать тетрадки, тратиться на одежду. Ты вовсе не интересовался тем, как он одет, но Тхюи заставляла его следить за своим внешним видом. Обычно детей кто-то провожал в школу и встречал после занятий — либо отец, либо мать. Тхюи не могла ни проводить, ни встретить брата, потому что ей надо было работать. Но она следила за тем, чтобы брат был одет не хуже, чем другие ученики, и приучала брата к аккуратности. «К чему мне эта красивая одежда?» — думал Ты, но, жалея сестру, беспрестанно ее слушался. Сама же Тхюи совершенно обносила, обе ее кофточки были заштопаны и залатаны, и, конечно, больше всего заплат было на плечах — но она не тужила по этому поводу. Она старалась получше кормить брата, заставляла его есть как следует, хотя сама редко ела досыта.

Ты думал: что было бы с ним, если бы у него не было такой сестры!

Но почему у него сегодня так болит голова? На уроке учительница потрогала лоб Ты — он был горячий — и велела Каню проводить мальчика домой. Ты сказал,

что доберется один, и только тут заметил, что сегодня у учительницы необычно серьезное, озабоченное лицо. Никогда еще она не говорила с ним так строго! Учительница велела Каю проводить Ты домой и тут же вернуться в школу. Когда они подошли к рынку Кон, Ты показал приятелю на группу девушек, которые болтали неподалеку, и сказал, что среди них его сестра, — он солгал, чтобы поскорее избавиться от Кая. Кая помчался назад, в школу. Никогда раньше Ты не лгал своим друзьям, а сейчас солгал, так как не хотел, чтобы приятель пропускал из-за него уроки. Достаточно того, что его отпустили с занятий, зачем еще страдать и другому... Но почему так болит голова? Прямо разламывается на части! Поскорее бы найти сестричку Тхюи! На улице стояла жара, но Ты чувствовал, что его трясет от озноба. Очевидно, он заболел, серьезно заболел. Голова была тяжелая, как чурка, которая долго мокла в воде, боль сдавила виски... Словно кто-то грубо стиснул ему голову... Ой, где же сестричка Тхюи? Может быть, она где-нибудь неподалеку, разносит воду? Ты едва держался на ногах, высматривая, не появится ли из-за угла Тхюи. А может быть, она сейчас совсем на другой улице? Что-то сегодня очень много народу в городе! Почему так шумно? Отчего на улице такой грохот? Ребятишки примерно одного с ним возраста гонялись за красивым мячиком, Ты равнодушно посмотрел на них... Он с трудом передвигал ноги, несколько раз хотел было даже присесть на тротуаре, но превозмог это искушение. Он сделал еще несколько шагов. Теперь ему уже хотелось не сесть, а лечь... немедленно лечь. Но Ты знал, что если он сделает это, то уже не сможет подняться. Нет, надо заставить себя идти. Еще шаг, еще два шага... Ты бессознательно считал шаги... Надо пройти еще немного, до перекрестка... И тут глаза Ты загорелись радостью: далеко впереди он увидел Тхюи. Поставив ведра с водой возле какой-то лавочки, Тхюи стояла, обмахиваясь шляпой... Ты постарался прибавить ходу, потому что Тхюи его не видела. Скорее, скорее...

— Тхюи, сестричка! — закричал Ты.

И тут же почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Но Тхюи уже увидела брата и, отдав коромысла знакомой женщине, бросилась к нему. Взяв его под руки, она поспешила отвести его подальше, за угол дома,

и там села, положив голову мальчика к себе на колени. Хорошо еще, что его вырвало не посреди улицы, а то им бы попало за то, что напачкали... Голова у Ты горела... Что же делать, куда деваться? Нельзя же уложить больного ребенка прямо на тротуаре! Если с братишкой что-нибудь случится, Тхюи тоже не будет жить... Но где же его устроить? Прохожие бросали на Тхюи и больного мальчика равнодушные взгляды. Тхюи чувствовала, что температура у Ты поднялась еще выше: было горячо от жара его тела. И тут ей пришла в голову неожиданная мысль. Она поднялась, взяла на руки мальчика и решительно зашагала в сторону рынка. Она знала, где ей помогут. Не ждать же помощи от всех этих хорошо одетых людей! Разве они способны посочувствовать ей и братишке?

Увидев Тхюи с мальчиком на руках, тетушка Нам засуетилась. Забыв вытереть руки, перепачканные сажей и жиром, тетушка Нам торопливо схватила соломенный веник и смахнула пыль и золу с лавки. Когда она нагилась, ее спина казалась еще более костлявой.

— Видишь, какая у меня теснота и бедность, — вздохнула тетушка Нам. — Не пустить тебя — тебе придется ох как тяжело, а пуцу — самой надо потесниться. Ладно, устраивайся на моей лавке, а я как-нибудь перебьюсь, — бормотала тетушка Нам, словно говоря сама с собой.

Тхюи закутала брата в одеяло и посмотрела на перегородку из куска жести, отделявшую место, где стоял стол для посетителей, от закутка, служившего кухонькой. Здесь невозможно было укрыться от жарких солнечных лучей. Солнце било прямо в лицо лежавшего в забытьи мальчика. Но иного выхода нет, больше им приткнуться некуда. В кое-как сколоченной из досок кухоньке места едва хватало для одной тетушки Нам. Она хлопотала у плиты до полуночи, а когда уходил последний посетитель, тетушка Нам опрокидывала стулья на стол, придвигала его к перегородке и, вытащив свою лавку, укладывалась спать. На рассвете она убирала лавку, ставила вновь стол и стулья на прежнее место и принималась стряпать, чтобы успеть накормить ранних посетителей.

Надо же было Тхюи решиться прийти сюда! У тетушки Нам веки набрякли от усталости, но она проворно достала баночку с тигровой мазью и протянула Тхюи. Потом наклонилась над большой корзиной в углу, достала оттуда старое, латаное-перелатанное цветастое одеяло. Хотя голова Ты горела, он жаловался на озноб.

— На вот, накрой-ка его еще одним одеялом! — сказала тетушка Нам.

— Тетушка Нам, — слышалось за перегородкой, — дайте-ка еще порцию! Да не жалейте зелени, особенно мяты. И хорошо бы к жареной рыбке еще острой приправы!

— Сейчас подам!

Тетушка Нам, подобрав полу длинного платья¹, устремилась к плите.

— Ты побудь тут, я управлюсь сама, — пробормотала тетушка Нам, беря из рук Тхюи щепотку мелко нарезанной зелени, при этом пола ее платья опустилась, и тетушка Нам снова ее подхватила. Улучив минутку, она достала из кошелька двадцать пиастров и сунула их в руку Тхюи.

— Беги-ка скорее в лавку, где продают всякие мази, пилюли и порошки. — Тхюи поняла, что тетушка имеет в виду аптеку. — Купи две пачки порошков от лихорадки, дадим их твоему братишке — живо поправится! Беги, а я за ним присмотрю! Ну чего же ты ждешь? Надо поскорее купить порошки, две пачки стоят шесть пиастров, четыре пачки — двенадцать, начнет принимать — завтра к вечеру будет на ногах!

Но Тхюи колебалась.

Тетушка Нам разжала руку Тхюи и заставила ее взять смятые деньги. Руки Тхюи дрожали, не слушались ее.

— Да бери же наконец и скорей за лекарством! — строго прикрикнула на нее тетушка Нам.

Тхюи, потрясенная, взяла деньги и нетвердой походкой вышла на улицу, позабыв от волнения сказать хотя бы несколько слов брату.

Только оказавшись на улице, Тхюи вдруг вспомнила, что у нее еще осталось десять пиастров. «Добрая те-

¹ Вьетнамское национальное платье имеет длинные разрезы по бокам, которые доходят почти до талии.

тутшка Нам, у меня ведь еще есть немного денег... Да разве откажешься от помощи, предложенной от чистого сердца...»

Ты болел уже полтора месяца. Тхюи работала урывками, где и как придется, так как ей приходилось почти неотлучно быть при больном братишке, ухаживать за ним, поить, кормить, давать ему лекарство.

Ей все-таки пришлось обратиться к мадам Ванг и взять у нее под проценты деньги, но они скоро растаяли, а братишка все еще болел. Иногда ему становилось лучше, иногда лихорадка усиливалась. Лекарства подходили к концу. Ей посоветовали: если какое-нибудь лекарство помогает больше всего, значит, надо продолжать давать его больному и не тратиться на визит к врачу. Такой совет казался Тхюи разумным, но только где раздобыть денег на лекарство? Вот уже два дня, как тетутшка Нам кормила их в долг, а мадам Ванг трижды присылала человека за деньгами, ведь она их дала Тхюи только на один месяц!

Несколько дней подряд Тхюи колесила по всему Далангу в поисках работы, но никто не соглашался дать ей деньги вперед. Вот и сегодня она с самого утра пустилась в путь, снова обивала пороги, но в ответ на ее просьбу люди лишь отрицательно качали головой.

Придя домой, Тхюи застала тетутшку Нам расстроенной и встревоженной, как никогда. Сняв с плиты котелок с рисовой похлебкой, тетутшка Нам вытерла со лба пот и сказала с озабоченным видом:

— Мой руки, поешь сама и накорми брата, я даже яичко ему приготовила. — И тетутшка принялась убирать со стола грязную посуду и складывать ее в таз. Потом она повернулась к Тхюи и протянула ей перец.

— Что случилось, тетутшка? Уж не приходила ли сюда мадам Ванг? Да скажите же, в чем дело! — встревоженно спросила Тхюи, перестав обмахивать брата веером.

— Нужно выплатить ей хотя бы проценты, иначе не сегодня-завтра нам придется худо, — сказала тетутшка Нам сокрушенно и присела рядом с Тхюи. — Приходил человек от мадам Ванг, я сказала, что тебя нет, он обозлился, стал браниться, грозился, что сюда заявится

сама мадам Ванг... Боюсь, что нам несдобровать... И что же это делается! Ведь дом у нее ломится от добра... Вот всегда так: стоит бедному человеку влезть в долг к богачу — прощай покой. День и ночь будешь думать об этом долге...

— Пить! Пи-ить! — попросил Ты.

Тетушка Нам приподняла голову мальчика, и Тхюи приготовилась поить его из ложечки, но Ты не мог глотать, и вода проливалась на подушку.

— Пить! — жалобно просил Ты.

У Тхюи на глаза навернулись слезы, она испуганно посмотрела на брата.

— Братик, это я, твоя сестричка Тхюи. Если ты любишь меня, постарайся выпить воду, сейчас я попою тебя из ложечки!

Но Ты словно ничего не слышал, он бредил и в бреду просил пить.

Тетушка Нам тяжело вздохнула, помешала рисовую похлебку и принялась за еду. Она сказала Тхюи не все, что хотела сказать. У нее самой жизнь тоже не сладкая, но она уже старая, и ей ничего не остается, как смириться, а Тхюи еще такая молоденькая, ей бы пожить в родительском доме... Так нужна ей родительская забота! Пусть бы и работать пришлось в поте лица — руки-то у нее проворные, — но хоть по крайней мере было бы, что есть, был бы свой угол. А сейчас какая у нее жизнь? То густо, то пусто, и все больше пусто... Круглая сирота, брата малого кормить надо, да еще этот долг!.. Тетушка Нам решила: если зайвится сюда эта мадам Ванг, эта жирная туша, придется выплатить ей хотя бы часть процентов, не то она учинит скандал и погубит Тхюи! И сама-то она, как на беду, тоже не успевает выплатить в срок свой собственный долг, но ей все же удалось временно выкрутиться, отдав половину долга вперед, до окончания срока. Сегодня как раз наступил этот срок, но тетушка Нам надеялась получить отсрочку, ведь она столько лет держит свою харчевню на рынке Кон, вся жизнь здесь прошла, и она знает мадам Ванг с того самого дня, как она открыла свое дело — стала ссужать деньги под проценты. Она, тетушка Нам, была одной из первых клиенток мадам Ванг. Если мадам Ванг будет говорить по-хорошему, то и тетушка Нам постарается ее умаслить, но если мадам Ванг вздумает

грубить и скандалить, то тетушка не останется в долгу. Что же касается Тхюи — это совсем другое дело. Она еще слишком молода и неопытна, ей ни за что не удастся уговорить ростовщицу... Правда, мадам Ванг обычно действовала постепенно: сначала присылала письменное уведомление, потом по ее поручению приходил человек, который должен был хорошенько запугать клиента, и только после этого она заявлялась лично, собственной персоной, и уж тогда должнику приходилось выплачивать все — и долг и проценты.

В харчевне появилось несколько посетителей. Они положили свои вещи на специальную скамеечку. Тетуча Нам вышла подать им еду.

И тут-то появилась сама мадам Ванг.

Тхюи кормила брата. Подняв голову, она увидела мадам Ванг сквозь щели в перегородке и изменилась в лице. А тетушка Нам, издали заметившая приближающуюся ростовщицу, быстро загасила огонь в плите и застыла в напряженном ожидании. Однако мадам Ванг не стала с ней разговаривать, с хмурым видом, отстранив тетушку Нам, она направилась прямо к перегородке, за которой притаилась Тхюи.

— Мой поклон, почтенная госпожа, — подобострастно приветствовала тетушка Нам ростовщицу, тщетно пытаясь преградить ей путь.

Но мадам Ванг, словно не замечая ее и даже не кивнув в ответ на ее приветствие, с каменным лицом прошла за перегородку и заорала:

— Эй ты, не знаешь, что ли, мои деньги всегда должны находиться в обороте, они приносят новые деньги, которые идут на расширение оборотного капитала и приобретение акций. Эти деньги достались мне не от твоих предков, так какого дьявола ты не возвращаешь их в срок?

Лицо мадам стало красным, как петушиный гребень, заплывший жиром подбородок дрожал от гнева, зрачки то расширялись, то сужались.

— Ты что, считать не умеешь? Ведь прошел уже месяц и десять дней! Вспомни-ка, ты должна мне пятнадцать процентов за ссуду, — мадам считала, загибая пальцы, — ты мне должна пятьсот семьдесят пиастров. Если завтра ты не вернешь мне долг, я выдеру твои волосы вместе с мясом и брошу их в огонь, — мадам об-

нажила ряд острых мелких зубов.— Я позабочусь о том, чтобы от тебя и от всей вашей породы и мокрого места не осталось, от всей вашей породы... Ссуду взять вы всегда готовы, а возвращать не торопитесь: я вам покажу!

И она накинулась на тетушку Нам:

— Ты тоже в следующем месяце заплатишь сполна и долг и проценты, а если нарушишь срок, я разнесу в щепы твою лачугу!

Потом она снова принялась бранить и оскорблять Тхюи. Она собралась уже уходить, но вдруг вернулась и опять стала топтать ногами, размахивать руками, грозить и браниться...

Тхюи не оставалось ничего иного, как молча, покорно сносить оскорбления.

— Прощу вас, госпожа, не волнуйтесь,— умоляюще сказала она.— Если завтра мне удастся раздобыть такую сумму, я уплачу все сразу, если же нет — уплачу хотя бы проценты.

Мадам Ванг, пристально посмотрев на Тхюи, сказала презрительно:

— Я так и знала: опять одни обещания, пустые обещания! Ну погоди, завтра ты узнаешь, с кем имеешь дело! Я проучу тебя! Завтра же выплатишь все, и ни днем позже! И ссуду и проценты сразу, попяла?

Мадам замахнулась на Тхюи, и та, резко отпрянув назад, едва удержалась на ногах. Мадам тоже чуть было не упала. Тетушка Нам схватила ее за руку. Посетители харчевни отложили в сторону палочки для еды, наблюдая за этой сценой.

— Вас ведь никто не трогает, и вы не имеете права распускать руки,— громко крикнула тетушка Нам, продолжая держать мадам за руку.— Вам обещали уплатить завтра, значит, завтра и получите свои деньги!

— Как бы не так! — процедила мадам Ванг сквозь зубы. Она стояла, уперев руки в боки и презрительно скривив тонкие, ярко накрашенные губы. Помолчав секунду, она вдруг разразилась хохотом, от которого всем стало жутко. А потом злобно зашипела: — Эта ведьма вздумала учить меня уму-разуму! Всегда была бесстыжей старухой, да еще привела к себе такую же бесстыжую — вот до чего докатилась! Да ни к чему мне тра-

тить время на болтовню с этим отребьем! Подожду до завтра. А завтра посмотрим, что скажут эти две стервы, одна старая, другая молодая, посмотрим, что останется от их гонора!

Мадам сплюнула и удалилась прочь. Ее тучное тело тряслось, когда она шла,— не женщина, а грудa мяса.

Люди, которые с любопытством наблюдали за этой сценой, снова принялись за еду. Те же, кто хорошо знал мадам Ванг, не усмотрели в этом ничего необычного и продолжали есть как ни в чем не бывало. Один из посетителей бесцеремонным взглядом окинул Тхюи, потом перевел взгляд на собственное одеяние. Велика ли разница между ними? Чем он, рикша, мог поделиться с нею? Ох, как устали ноги! Сколько дорог он успел уже исколесить... здорово проголодался и пришел сюда поесть... А дома жена и куча ребятишек ждут не дождутся, когда он принесет дневной заработок, которого им едва хватает на пропитание.

Утерев слезы полой платья, тетушка Нам озабоченно спросила у Тхюи:

— Он так ничего и не поел?

С этими словами она открыла кошелек. Она еще до прихода мадам Ванг хотела дать Тхюи несколько десятков лианстров для уплаты процентов, чтобы избавить девушку от лишних унижений, но в присутствии мадам не решилась достать деньги. Она боялась, что мадам переключится тогда на нее: «Ага, у тебя, оказывается, для нее нашлись деньги, а для уплаты собственного долга — нет?» Тетушка Нам достала несколько ассигнаций — выручку за день, пересчитала их, аккуратно сложила и протянула Тхюи.

Растроганная добротой старой женщины, Тхюи не могла вымолвить ни слова. Она ведь знала, что каждый месяц тетушка откладывала немного денег из своего жалкого дохода, чтобы послать в деревню внукам. Детишки голодали, потому что родители не имели возможности спокойно зарабатывать на жизнь: их то вызывали в волость, то в район — на припудительные работы. У младшего вздулся живот, старший совсем отощал и хирел день ото дня... Тетушка сама рассказала Тхюи об этом. Разве могла она взять у этой женщины последние деньги?

— Я обойдусь,— мягко сказала Тхюи и положила деньги обратно в кошелек.— Я возьму эти деньги, если не найду иного выхода. Завтра все решится.

И Тхюи принялась убирать стол, так как посетители уже разошлись. На столе валялись крошки, громоздились тарелки и пиалы. Стулья стояли как попало, зацепившись друг за друга ножками. Тхюи прибиралась тихонько, стараясь не шуметь. Ей не хотелось, чтобы даже легкий шум, даже еле слышный стук палочек для еды напомнили тетушке Нам о ее присутствии — она боялась продолжения разговора, который причинял ей боль.

На краю стола, придвинутого к стене, она заметила какой-то темно-коричневый предмет. В сумерках она его не сразу разглядела. Положив на стол засаленную тряпку, Тхюи протянула руку — это был толстый кожаный кошелек.

Тхюи раскрыла кошелек и увидела разноцветные купюры: розовые, голубые, белые... Она вздрогнула, на минуту замерла и тут же закрыла кошелек. Потом тихонько окликнула тетушку Нам, не надеясь, что та ее услышит. И точно — тетушка возится у раскаленной плиты, что-то рубит. Ее рука мерно движется, правильно взмахивая острым ножом...

Тхюи смотрит на кошелек, туго набитый деньгами. Его оставил кто-то из посетителей харчевни. Деньги... Деньги, ради которых она трудится в поте лица, деньги, из-за которых она не знает покоя и вынесла столько мук. Деньги... Из-за денег ей пришлось жить в людях, из-за денег ее жизнь оказалась искалеченной. Деньги! Из-за того, что у нее нет денег, никак не поправляется братишка Ты, ей не на что его кормить, не на что купить ему лекарства. Из-за того, что у нее нет этих проклятых денег, Ты может умереть. Всю жизнь ее преследует вечное безденежье и вдруг...

Вот они деньги, которые так нужны тебе, Тхюи! Бери их, ведь они теперь ничьи.

От этой мысли у Тхюи по спине поползли мурашки, все тело словно налилось тяжестью, в ногах появилась слабость... Но вот ей показалось, будто чья-то рука легла ей на плечо, потрясла, сердито напоминая о чем-то. Нет! Она не может себе этого позволить! Ведь тогда окажется, что Ким была права, когда говорила, что

из-за бедности даже самые честные люди могут потерять совесть и рассудок. Нет, она должна быть выше этой мерзости, пусть ей приходится зарабатывать деньги потом и кровью, пусть она расплачивается за все страданиями и горючими слезами — это лучше, чем пойти на подлость и оказаться недостойной своего отца, своей матери. Она вспомнила свои собственные слова: «Я привыкла терпеть лишения из-за бедности, но я не способна воровать». Нет, она не способна на такую низость.

Но... разве это можно считать воровством? Ведь кошелек утерян! Она здесь ни при чем!

Что за наваждение! Откуда эти подлые мыслишки!

И все-таки, какая же это низость? Мысли ее смешались. Ведь и раньше бывали моменты, когда ее охватывало отчаяние и ей казалось, что она способна не просто совершить кражу, она готова убить, ограбить, пойти на преступление. Сегодня, когда она бродила под палящим солнцем, в безуспешных поисках работы, проходя мимо ювелирного магазина, она машинально взглянула на витрину. Огромная витрина с подсветкой из множества крошечных электрических лампочек, где сверкали золотые украшения, ожерелья из драгоценных камней... В это время дня покупателей в магазине не было. В плетеном кресле сидела женщина, по всей вероятности владелица магазина, которая присматривала за товаром. Она запрокинула голову с модной пышной прической на спинку кресла, глаза ее сонно уставились в одну точку, под розовой блузкой угадывалось щуплое тело. Тхюи тогда пришла в голову страшная мысль: такую ничего не стоит прихлопнуть куском кирпича — ведь может кирпич свалиться откуда-нибудь, — либо створкой окна, распахнувшегося от порыва ветра, а может, для такого тщедушного существа достаточно просто крепкой затрепины, наподобие тех, которыми ее так щедро награждала жепса капитана Хюйспа. Эта худая, слабая на вид женщина стережет груды драгоценностей, в то время как ей, Тхюи, так пужны деньги — совсем небольшая сумма на лекарство для больного братишки, ей так пужна хоть какая-нибудь работа, чтобы выкарабкаться из бедственного положения! Но удача, видно, обходит ее стороной, и некуда ей податься. Почему бы этой богачке не поделиться с ней самой мало-

стью? Если бы она, Тхюи, могла пробраться за эту витрину и взять хотя бы одну вещь — ей хватило бы денег, чтобы избавиться от навалившихся на нее и ее братишку напастей. Ну почему у нее такой характер, почему она не способна на нечестные поступки, как другие! Сколько раз бродила она в поисках работы по этим фешенебельным кварталам, сколько раз проходила мимо ювелирных магазинов, и великолепие витрин вызывало у нее озлобление. Какие только мысли не приходили ей в голову, когда она плелась по раскаленным от солнца тротуарам... И почему только она не способна взять чужое? Стало быть, она должна покориться судьбе? И ей суждено лишь проходить мимо этих роскошных витрин? Или все-таки... О небо! Тхюи вскрикнула и, закрыв лицо руками, бросилась прочь от соблазна. Скорей! Надо бежать отсюда, бежать подальше, чтобы избавиться от этих подлых, недостойных мыслишек. Бежать... Больше ей ничего не остается... Тхюи мчалась по улице. Ее волосы разметались, сердце бешено колотилось, словно хотело вырваться из груди. Одежда взмокла от пота, ей было нестерпимо жарко, но она продолжала бежать, вызывая недоумение прохожих, которые бросали на нее удивленные взгляды и спешили посторониться...

Нет, нельзя допустить, чтобы обидные слова Ким оказались правдой. Нет, Тхюи, ты этого не допустишь!

— Тетушка Нам! — снова позвала Тхюи голосом, полным отчаяния. От этого голоса Ты вздрогнул, а тетушка Нам резко обернулась. Этот отчаянный крик словно разом помог ей выпутаться из сплетенной ею же самой сети недостойных мыслей. Тхюи почувствовала, как с нее сваливается страшная тяжесть. Поскорее сбросить с себя эту тяжесть, поскорее избавиться от чужого кошелька, набитого чужими деньгами. Ведь так поступил бы ее отец, так поступила бы и ее мать. С именем отца и матери для нее, Тхюи, связано все самое чистое, самое честное. Она с детства усвоила: присваивать себе чужое, не заработанное собственным трудом, мерзко, подло, это оскорбляет имя ее отца и имя матери, это все равно, что отказаться от них...

Тхюи прошла между стульев, зажав в руке кошелек, и протянула его тетушке Нам.

— Что это? — спросила тетушка.

— Кто-то оставил кошелек на столе!

Тетушка оторвалась от своего дела — она резала зеленый лук — и посмотрела на кошелек, который Тхюи держала в руке. Тетушка Нам взяла кошелек, и глаза ее потеплели, она посмотрела на Тхюи долгим ласковым взглядом. Так вот она какая, эта девчонка! Тетушка на секунду задумалась, пробормотала: «Тхюи...», словно разговаривая сама с собой. Низкий потолок — крыша из куска жести проржавела в одном углу, — вот уже месяц, как тетушка Нам собиралась ее починить — вдруг показался тетушке не таким низким, каморка вдруг словно стала светлее и просторнее. Тетушка залюбовалась длинными волосами Тхюи, струившимися по спине. Какие у нее великолепные волосы, просто загляденье... А девушка, совершенно успокоившись, вопросительно смотрела на тетушку Нам — та словно забыла, что держит в руке кошелек. Наконец тетушка утерла полый платя капля пота, выступившие на лбу и подбородке, затем долго протирала глаза. Тхюи заметила, что глаза у тетушки красные.

В это время снаружи раздался негромкий стук. Тетушка Нам и Тхюи разом обернулись. А, это вернулся один из сегодняшних посетителей харчевни, прежде он никогда у них не бывал. Тхюи ощутила какое-то странное волнение, какое-то неспокойное, тревожное чувство.

Посетитель с выражением озабоченности и растерянности на лице с минуту потоптался на месте, потом решительно направился к тетушке Нам. Его рубашка на спине и плечах была мокрой от пота, верхние пуговицы были расстегнуты, вид у него был взволнованный и расстроенный.

Тхюи продолжала убирать со стола. «О мамочка, еще немного — и твоя дочь превратилась бы в дрянную тварь!»

А посетитель между тем шумно благодарил тетушку Нам, стоя в ее крохотной кухне... Тетушка Нам окликнула Тхюи, и та еле слышно отозвалась, продолжая убирать со стола.

Глава X

Сегодня, как всегда, Тхюи, уговорив братишку проглотить несколько ложек похлебки, отправилась на поиски работы.

Подойдя к магазину «Эдэн», девушка помедлила, оробев, и наконец вошла в салон.

— Что вам угодно? — услужливо обратилась к ней продавщица.

— Мне бы хозяйку... — пробормотала Тхюп, — я на-счет работы.

В глубине салона с внушительным видом восседала в плюшевом кресле мадам Эдэн. Напротив нее сидела другая женщина, одетая еще более шикарно, чем владелица магазина. Заметив Тхюп, Эдэн процедила:

— Ну что там еще? Ты ведь уже у меня была! Что тебе надо?

— Может быть, вы возьмете меня в услужение, госпожа? — сказала Тхюп, подходя ближе.

Все так же облокотясь одной рукой о кресло, а другой подпирая подбородок, мадам Эдэн сердито заговорила:

— То есть ты хочешь сказать, что готова работать, получая заработок только в конце месяца? Я правильно тебя поняла?

— Госпожа, — вымолвила Тхюп, робея, — я согласна на меньший заработок, но только, ради бога, дайте мне аванс, чтобы уплатить долг...

Мадам Эдэн оборвала девушку:

— Нет, этого ты от меня не дождешься! В наше время нигде не сыщешь такого дурака, который вдруг взял бы да и отвалил деньги просто так. Деньги — они ведь потом и кровью достаются!.. — И, проведя рукой по волосам, Эдэн добавила: — Можешь идти, я тебя не держу. Ищи себе работу в другом месте. Да мне не очень-то и нужна работница.

Затем мадам Эдэн возобновила прерванный разговор с приятельницей:

— Деньги — это не мусор и не помой, чтобы бросать их под ноги всякой деревенщине. С этой публикой держи ухо востро, тут верить никому нельзя. Даю вам голову на отсечение: во всем Дананге не найдется такого идиота, который согласился бы дать аванс этой девчонке. Целый день будет болтаться по городу, приставать к людям.

Собеседница мадам Эдэн понимающе улыбнулась в ответ на эту тираду, взглянула на свои часы и собралась уходить.

— Ну, а теперь пора откланяться, у меня дела.

— Да, по ваш шофер еще не вернулся. Оставайтесь поболтать со мной еще немного, дорогая.

Но приятельница уже поднялась с кресла.

— Я зайду в парикмахерскую. Пусть шофер заедет за мной туда.

— Хорошо, — кивнула мадам Эдэн, тоже поднимаясь.

— Заглядывайте ко мне, не забывайте.

— Всего доброго, дорогая.

Приятельницы нежно распрощались.

А Тхюй тем временем брела по улице Чан Хынг Дао. Что теперь делать, как прокормить братишку? Откуда взять деньги на лекарства? Как расплатиться с ростовщицей? Что будет с ней, если она завтра не расквитается с долгами? А если с Тхюй случится беда, с кем останется братишка? Будь что будет! Она вытерпит все, только бы мальчик не страдал. Довольно уже он хлебнул горя! Она, Тхюй, хоть помнит отца и мать. А братишка... Ведь он отца даже и не видел никогда, а мама... Мальчику тогда было всего три годика. Что с ним будет, с бедняжкой, если она не найдет денег на лекарства. И потом у них нет теперь ни одеяла, ни циновки... Да, Тхюй — старшая сестрица и должна придумать какой-то выход. Но ведь у нее только пара прилежных рук, и больше ничего... Работает с малых лет так, что в глазах темно, едва-едва сводишь концы с концами, не всегда на рис хватает. Откуда берутся у других добро и деньги? Ведь есть же богатые люди, которые живут в свое удовольствие и ничего, совсем ничего не делают...

— Девушка, постой-ка! — громко окликнул ее чей-то голос. Тхюй вздрогнула и обернулась: на тротуаре стояла приятельница мадам Эдэн и с приветливой улыбкой смотрела на нее. Алое платье европейского покроя облегало стройную фигуру дамы, казалось, что ее белой кожи никогда не касались палящие лучи тропического солнца. Не дав Тхюй опомниться, дама быстро спросила:

— Ну, так где же ты теперь собираешься искать работу?

— Право не знаю, госпожа, куда мне теперь деваться. Надеюсь на случай... вдруг что-нибудь подвернется, — устало проговорила девушка.

Манерно выставив ногу в модной босоножке, дама бесцеремонно разглядывала Тхюи с головы до ног.

— Сейчас, сказать по правде, трудно найти место только тем, кто мнит о себе слишком много и выбирает работу почище, — заговорила дама. — А тем, кто согласен на любую, пристроиться совсем не сложно. Беда, в том, что тебе нужны деньги вперед, в этом вся сложность. На это никто не пойдет, каждому нужна гарантия: проработал месяц, тогда и получай свои денежки. А вперед — ни в коем случае. Каждый норовит схватить нож за ручку, а не за лезвие.

Тхюи молча шла рядом с дамой.

— Как тебя зовут? — вдруг спросила та. — И где твои родители?

— У меня нет никого, все умерли, а зовут меня Нгуен Тхи Тхюи.

— Хочешь работать у меня?

— Мне, госпожа, все равно, где работать. Горе у меня большое — братик хворает, а тут еще ростовщица требует, чтобы я отдала долг.

— А где твой дом? — осведомилась попутчица.

— Дома у меня нет. Нас пустила пока к себе в харчевню тетушка Нам. Это на рынке Кон. Как войдете — налево, а потом направо.

Госпожа задумалась.

— Если ты согласишься работать у меня, я, пожалуй, дам тебе деньги вперед. Только боюсь, что ты к нашему делу еще непривычна. Придется поучиться. На первых порах тебе трудно будет угодить посетителям.

Тхюи остановилась, широко раскрыв глаза от удивления.

— А что это за дело, госпожа?

— Прислуживать посетителям бара, — спокойно произнесла дама.

— Прислуживать посетителям бара! — повторила Тхюи, замедлив шаг. С такой работой она еще не сталкивалась. Справится ли она, сможет ли?

— Ну, что ты на это скажешь? — с некоторой тревогой спросила дама. — Ты согласна? Работа нетрудная, сущие пустяки. Только с посетителями надо быть покладистой. Клиентов следует ублажать, — дама пони-

зила голос.— А аванс, который ты просишь, я тебе выдам.

Тхюи не успела ответить, как дама спросила:

— Ты говоришь по-английски?

— Нет.

Красивые брови госпожи, похожие на ивовые листочки, слегка насупились, но она тут же улыбнулась.

— Ничего, потом выучишься, по ходу дела.

Это слово «выучишься» показалось девушке каким-то необычным, странным. Чему она должна учиться? И для чего ей нужен английский? Сможет ли она работать в баре? И какие еще новые несчастья ждут ее? Не повторится ли то, что случилось в доме этого бандита Хюйена или мадам Жаклин? И еще один вопрос не давал ей покоя: если она попадет в беду, что тогда будет с мальчиком? О себе она не думала.

Вдруг совсем рядом раздался автомобильный гудок. Роскошный «мерседес» плавно подкатил к тротуару. Шофер выскочил и учтиво распахнул дверцу.

— Прошу вас, госпожа.

Дама взяла девушку за руку.

— Ну так что же? Ты согласна? А то, может, поедем со мной и поговорим обстоятельней?

— Согласна на все, госпожа! — решительно сказала Тхюи и, высвободив свою ладонь из белой надушенной и холодной руки дамы, села в машину. Мерседес покатил по асфальту. Дама бережно опустила на колени свою кожаную сумочку.

— Буду с тобой откровенна, — сказала она. — Я владелица бара «Джина». Мне пужна за стойкой красивая девушка, такая, как ты. Но у этой девушки должны быть хорошие манеры, она должна уметь обращаться с клиентами, хорошо, если бы она знала английский и могла разговаривать с иностранцами. Но поскольку ты не знаешь языка, то пока об этом и говорить нечего. Оставим это на будущее. Пока ты будешь обслуживать только вьетнамцев. Ты, наверное, знаешь бар «Джина», он находится на большой улице, видела, наверно, раздвижные стальные жалюзи с узорами в виде цветов, а на окнах — зеленые кружевные занавески... — дама поправила прядку, то и дело падавшую ей на лоб, и добавила немного тише: — Мой бар — самый большой в Даланге. И посетителей в нем хватает.

Голос дамы зазвучал проникновенно:

— Мой бар посещают только состоятельные люди. Все девушки у меня красивые, подстать тебе, и одеваются они шикарно.

Дама все говорила и говорила без умолку, Тхюи уже не слушала ее. Часы на перекрестке показывали десять, девушка беспокойно ерзала на сиденье.

Наконец машина остановилась, дама, бросая кокетливые взгляды, направилась к входу в бар, куда спешили американцы под руку с нарядно одетыми девицами.

Тхюи, как автомат, следовала за владелицей бара. Миновав боковую дверь, они стали подниматься по крутой винтовой лестнице. В нос ударил пряный аромат духов.

Несколько женских лиц прилипли к стеклу — какие-то девушки, приподняв занавеску, разглядывали Тхюи.

— Какая хорошенькая! Просто прелесть! Бывают же такие красавицы! Видно, что деревенская, но хороша!

Раньше, когда ей случалось слышать, как восхищаются ее красотой, Тхюи смущалась, краснела до корней волос и почему-то сразу становилась неуклюжей. Но сейчас она не испытывала ни малейшего смущения; с той минуты, как она села в машину, она вся ушла в себя. Ей казалось, что вокруг нее разверзлась глубокая пропасть, подобная черной реке, в которую Тхюи бросилась в тот кошмарный день: река, море огня и капитан Хюйен... Она с широко раскрытыми глазами шла за владелицей бара, шла словно по краю глубокой пропасти, высоко подняв голову, ей чудилось, что братишка, славный маленький Ты, смотрит на нее своими ясными черными глазами и зовет ее: «Сестричка! Тхюи!»

Из открытой двери зала доносились раскаты смеха, разноязычная — английский смешивался с вьетнамским — громкая речь, звон бокалов, грохот музыки. Эта какофония била по барабанным перепонкам, но, по мере того как они поднимались по винтовой лестнице, шум становился глуше.

Вслед за дамой Тхюи вошла в какую-то странно обставленную комнату. Дама положила свою сумочку на стол и, усевшись, пригласила:

— Садись!

Потом она нажала на кнопку звонка и приказала принести чего-нибудь прохладительного. Устроившись поудобнее и сплести пальцы рук, дама начала вкрадчивым тоном:

— Признаться, я не собиралась пикого напимать, но, когда я увидела тебя, такую несчастную, я решила с тобой поговорить, — дама улыбнулась подкупающей улыбкой. — согласишься работать в баре — столкнемся, не согласишься — для меня невелика потеря. Словом, думай сама, — темные бархатистые глаза госпожи широко открылись и оказались темно-синими, длинные брови высоко поднялись и напряженно изогнулись, задрожав, а потом опять опустились. Владелица бара рассматривала Тхюи, будто влюбленный — свою возлюбленную. — Я ведь не чета мадам Эдэн: для нее несколько сотен пиастров — большие деньги, а для меня и несколько тысяч — пустяк. Тебе нужны деньги, чтобы выпутаться из долгов, — пожалуйста, я дам тебе их. Очень ты мне симпатична!

Дама раскрыла сумочку и протянула девушке две пачки банкнот.

— Вот, держи. Это тебе несколько тысяч на первое время. Если ты согласишься у меня работать, приходи сюда к четырем часам. Я буду ждать.

Дама улыбнулась, а Тхюи вдруг вспомнила о розах, которые цвели в красивых цветочных горшках у госпожи Жаклин. «Бьюсь об заклад, во всем Дананге не найдется никого, кто бы выбросил на ветер две тысячи ради незнакомой девицы с улицы...» Тхюи словно почувствовала прикосновение чего-то холодного и содрогнулась.

Портьеры между тем медленно раздвинулись, и в комнату вошла женщина лет тридцати восьми — тридцати девяти и поставила на стол бутылку и стаканы. Волосы у нее были собраны в пучок — так когда-то причесывалась и Тхюи. Тхюи отметила тонкий прямой нос и добрые черные глаза, пристально смотревшие на нее.

«Как бы ни было тяжело, что бы меня ни ждало, я пойду на все, лишь бы вылечить брата, лишь бы он не плакал, лишь бы ел досыта», — думала Тхюи.

Вошедшая женщина взяла бутылку. Пальцы у нее были тонкие, красивые, хотя руки портили красноватые шрамы, и разлила напиток в стаканы. Казалось, она не

испытывает никакой неловкости от того, что Тхюи неотрывно смотрит на нее, и в свою очередь разглядывала девушку. Покончив со своим делом, женщина повернулась и торопливо вышла. Но ее черная одежда, ее ласковый взгляд, казалось, оставили здесь свой теплый след.

— На, держи. Я не шучу, это тебе, — владелица бара совала деньги в руки девушке. — Бери, а после обеда приходи. Конечно, если ты согласна. А сейчас я не могу больше тратить время на разговоры с тобой: дела...

Пачка банкнот оказалась в руке девушки. Да, это не несколько десятков пиастров, которые совала Тхюи тетушка Нам... Тхюи обеими руками взяла деньги и почувствовала, что вся горит. Прочь подозрения, прочь боль, прочь страх...

Минуту спустя после того, как Тхюи удалилась, на ее месте уже сидела другая дама, почти того же возраста, что и владелица бара. У этой было лошадиное лицо и высокая прическа, она тоже была одета в платье европейского покроя. Лицо покрывал густой слой пудры и румян. Синие тени над глазами лишь подчеркивали дряблость век. Морщины упорно проступали сквозь слой косметики — стоило только ей засмеяться, заговорить, сделать малейшее движение, как дряблая кожа собиралась в складки, набегавшие одна на другую. Платье в огромных цветах и разводах облегало сухопарую фигуру. Открытый ворот обнажал темную кожу. Нездоровое высохшее тело.

Она неестественно улыбалась, показывая тщательно вычищенные зубы.

— Как вам понравилась эта крошка? — спросила дама, приехавшая на «мерседесе».

— Хороша. Очень! — воскликнула сухопарая. — Эта девчонка необыкновенно хороша! Если ее приодеть как следует, а одевать ее надо только по последней моде, она заткнет за пояс всех девушек из бара «Джина», да что там — такой не найдешь ни в одном баре Данапга...

— То-то, — самодовольно бросила владелица бара «Джина». — Пожалуй, я могу похвалиться успехом. Если уж я кого-нибудь захочу заарканить, то уж будьте уверены!

— Только вот руки у нее немного грубоваты! — прервала ее подруга.

— Девица-то ведь из деревни, ничего не подделаеть, — кивнула холеная дама. — Ну да ничего, придется ей темного подучиться — городские манеры, немного кокетства... Вот увидите, откуда что возьмется, и гибкость движений появится, и грациозная походка!

Сухопарая кивнула головой, а ее приятельница продолжала:

— Я думаю, все будет в порядке. Сведем ее к портному, обучим хорошим манерам, умению завлекать посетителей...

Сухопарая снова кивнула.

— А теперь скажите, во сколько вы оцениваете мой вклад в наше дело? — вкрадчиво спросила первая дама.

— Пять тысяч. Согласны?

Скривив губы, компаньонка ответила сухим смешком:

— Да вы просто шутите! — и, понизив голос, проговорила: — Ведь если эта крошка не придет, плакали мои две тысячи пиастров, — она коротко рассмеялась. — Впрочем, не стоит слишком горевать, в тех двух пачках почти половина денег — фальшивые. Это девчонке наука — чтобы не подсовывала потом фальшивых денег клиентам. А если она не придет — мой риск, мои и расходы. Но вы денег на расходы такого рода не жалеете, мой бар не подведет. — И дама расхохоталась. — Я не забыла на всякий случай послать человека, чтоб последил за нашей красоткой.

— С этими новенькими беда! — вздохнула сухопарая. — Ничего-то они не умеют, ничего не знают. Пока привыкнет девчонка к работе, много воды утечет.

— Нашли о чем беспокоиться. Сейчас и за деньги такую девушку не просто сыскать.

Дама откинулась в кресле. Длинные острые коготки с двухцветным маникюром выстукивали такт на кожаной сумочке. Глаза потемнели, будто омут, в них загорелась алчность. Ей представлялись горы банкнот, пьяное застолье всю ночь напролет, смех, звенящий, как бьющийся хрусталь, танцы, безумный ритм музыки... Респектабельность дамы разом испарилась, в кресле сидела обыкновенная проститутка, каких немало встречается и в высшем обществе.

— Хорошо. Я прибавлю еще две тысячи. Вы согласны? — сказала, сбавив тон, сухопарая.

— Вот еще,— бросила белотелая дама, щелкнула зажигалкой и, развалившись в кресле, закурила сигарету. Она выпустила несколько колечек дыма и закрыла глаза. Несколько минут прошло в молчании, и вдруг дама решительно встала.

— Ну, я пошла. Девчонку я возьму к себе. Думала, что мы с вами поладим, однако...— она сделала несколько шагов к двери и обернулась,— вы хотите одна стричь купоны. Ладно. Как только девчонка явится, я немедленно введу ее в курс дела. Или лучше прямо сейчас поеду к ней.

Сухопарая поднялась с кресла, она была несколько задета.

— Не горячитесь, прошу вас, дорогая,— она подошла к компаньонке с притворной улыбкой.— Я набавлю еще тысячу.

Она произнесла это непринужденно, хотя в душе проклинала свою собеседницу: придется раскошелиться. И все же это лучше, чем испортить отношения с компаньонкой.

— Просить вас набавить еще две тысячи — многовато, а одну — маловато,— произнесла белотелая дама.

— Вот и чудесно: получите полторы,— примирительно сказала сухопарая.

Раскрылась дверца шкафа. Руки, униженные перстнями с бриллиантами, начали перебирать и пересчитывать шуршащие ассигнации.

Глава XI

Старшая из владелиц бара «Джина», та самая сухопарая, размалеванная, сидела в кресле.

— Где же сейчас твой братик?

— Я отвезла его в больницу, госпожа.

— А когда он выпишется из больницы, куда ты его возьмешь?

— Я еще не думала об этом, госпожа.

— Ну хорошо. А теперь поговорим о деле. Ты видишь, что девушки из бара и одеты нарядно, и подкрашены умело, и прически у них модные. Работа легкая, но есть тут свои тонкости и секреты. Одеваться надо

модно, современно. Тебе пойдут декольтированные платья.

Хозяйка внимательно, оценивающим взглядом окинула девушку. Тхюи стиснула зубы.

— Приклеивать искусственные ресницы тебе незачем, у тебя свои длинные и густые, — продолжала хозяйка, — но надо их подкрашивать. Как красить губы, тебе покажут, а потом научишься пользоваться косметикой сама. Поняла?

— Да, госпожа.

— В поведении не должно быть неестественности, чрезмерное усердие тоже ни к чему, — сухопарая перешла на шепот, — надо уметь строить глазки, кокетливо улыбаться, но так, чтобы это было мило, очаровательно, искусное кокетство подкупает клиента, доставляет ему удовольствие, и он заказывает гораздо больше вина. Ты поняла? — Последнюю фразу хозяйка произнесла громко.

— Да, госпожа.

Госпожа заулыбалась, показав два ряда зубов, и продолжала:

— Сказать откровенно, дураков на свете не так уж много, и люди приходят к нам вовсе не за тем, чтобы выбрасывать деньги на ветер. Поэтому важно уметь принять гостя, ублажить его. А вина и прохладительные напитки у нас точно такие же, как и в любой уличной лавчонке, ничем не лучше. Уловила? Девушки из бара должны расположить к себе клиента, чтобы он выпил как можно больше.

— Я понимаю, госпожа.

— Сама подумай: в городе бутылка содовой стоит всего три пиастра, а в баре за нее дерут чуть ли не тысячу! Клиент за один бокал платит сто шестьдесят пиастров, и половину этих денег получает девушка. Выпьет гость два бокала — триста двадцать пиастров у нас в кармане. Вот так-то. Сумеет девушка очаровать гостя, он выпьет побольше — от этого в выигрыше и хозяйка и сама девушка. За розы и пожелания долголетия предоставь вести счет другим людям, девушки из бара не должны забивать себе голову денежными расчетами да беспокоиться, как бы чего не спутать. Ты поняла меня?

— Да, госпожа, — отвечала Тхюи, хотя она поняла далеко не все. Она еще не знала, о каких «розах» идет

речь и причем тут «пожелания долголетия». Хотя, помнится, она как-то раз слышала эти слова: об этом говорили рикша и шофер возле дома мадам Жаклин. Тхюи не поняла их значения, а дознаваться ей было тогда совершенно ни к чему.

— И не забудь о главном — об этом я буду тебе без конца напоминать: в нашем ремесле очень много тонкостей и секретов, — хрипловатым голосом поучала хозяйка. — Люди не ходят к нам просто так. Если ты не научишься завлекать гостей, то игра не стоит свеч, — она проглотила слюну и на шее у нее набухли жилы. — Была у нас тут одна интеллигентная девица из колледжа, семья ее разорилась, вот она и пришла наниматься к нам на работу. Сначала она не желала модно одеваться, не хотела краситься, сидела в уголке в своем школьном белом поплиновом платье. На нее — в таком виде — никто и взглянуть не хотел. Вижу — зря девица место занимает и выпроводила ее из бара — ничего не поделаешь. Ну а дома у нее дела совсем плохи стали: отец болен, а на шее еще младший брат. Вернулась она ко мне. Приделась, стала держаться неприужденнее, сделала модную прическу, туфли новые надела — и ее просто не узнать. Теперь она пользуется колоссальным успехом у клиентов. Знаешь, про кого я говорю? Про Банг, ту самую девицу, которую ты видела утром — она шла в бар под руку с американцами. Глаза у нее — чудо! Печаль в них какая-то неземная, клиенты от этой томной печали без ума. Я тебе все это рассказываю, чтоб ты поняла, как надо работать в баре. И вот еще что: клиенту нужно вскружить голову, заставить его выпить побольше, ты должна мило упрашивать его выпить еще. За воду и вино, которые выпьешь ты, платит клиент, из этих денег, конечно, тебе опять-таки идут комиссионные, то есть ты получаешь половину. Если ты будешь вести себя умно — будешь зарабатывать в день три-четыре тысячи. Вот так-то! Поняла? — Да, госпожа.

С тех пор как в баре «Джина» появилась Тхюи, посетителей здесь, по общему мнению, стало больше. Хозяйка каждый день отпускала ее на два часа учиться английскому, чтобы девушка могла обслуживать и

иностранных гостей — иначе говоря, американцев. Благодаря Тхюи хрустящие долларовые бумажки и пачки новеньких пиастров уплывали из толстых, плотно набитых бумажников гостей в хозяйскую кассу. Особенное впечатление произвела Тхюи на мистера Дориса, майора экспедиционных войск.

Перед тем как уйти спать, старшая владелица бара подсчитывала доходы у себя наверху. Деньги она держала на счету в банке. Поскольку ситуация в стране была тревожной, она не решалась приобретать еще какую-то недвижимость и держала лишь несколько доходных домов и этот бар, ежедневно приносивший ей тысяч семьдесят. И хотя хозяйка каждый день откладывала на свой счет семьдесят-восемьдесят тысяч, ей хотелось вытянуть из кошелька майора Дориса еще больше. О, это был необыкновенный человек, умеющий поухаживать за женщинами, и к тому же очень богатый. Ночью, перебирая в уме различные возможности приумножения доходов, сухопарая владелица бара бормотала: «Бриллианты на дороге не валяются! А жалованье у майора экспедиционных войск Дориса очень приличное. Только красавица Тхюи может выудить у него эти деньги».

И хозяйка не жалела ни сил, ни средств на то, чтобы обучить Тхюи искусству принимать посетителей. Вскоре девушка уже сделала самые первые и самые трудные шаги в овладении новым ремеслом. Ей не приходилось больше стискивать зубы и делать над собой усилие, чтобы не выдать своего возмущения и испуга, когда она слушала наставления владелицы бара. Она уже не краснела, выслушивая комплименты в свой адрес, и целыми днями сидела за столиком с американцами и офицерами сайгонской армии. Но чем больше в баре «Джина» становилось американцев, тем меньше заглядывали сюда сайгонские офицеры. Правда, среди сайгонских офицеров был один, не менее ревностный, чем майор Дорис, поклонник Тхюи — лейтенант Винь Ко. Сначала Тхюи не увидела в нем ничего примечательного, такой же, как все, разве только более сдержанный и скрытный. Правда, обходительный и очень интеллигентный. Из-за ранения он плохо владел пальцами правой руки, особенно указательным.

Бар «Джина», как и другие подобные заведения, на-

чинал работать с двенадцати или с шестнадцати часов. Это время было указано в патенте на открытие бара, и хозяйки заведений обычно решали вдвоем, когда его открывать. Это было заведение, где игроки избивали и калечили друг друга в дальних комнатах, где всю ночь продолжался пьяный разгул, заведение, где девушки, которым едва исполнилось шестнадцать — и уж во всяком случае было не больше двадцати, — торговали своим телом ради чашки риса для семьи; заведение, которое служило для того, чтобы торговли живым товаром могли переводить кругленькие суммы в швейцарские банки!

Покорно позволяя горячим, покрытым густыми волосами рукам майора Дориса обнимать свое гибкое тело, Тхюи чувствовала, что пьянеет. Но, видя, что Дорис еще трезв и помня наставления хозяйки, Тхюи продолжала принуждать его пить и пила сама. Официант беспрерывно наливал и подносил рюмки до тех пор, пока Дорис совсем не охмелел. Он уронил голову на руки, да так и застыл. Такое с майором случалось чрезвычайно редко. Казалось, хмель не берет этого крепкого американца. Поэтому официанты глядели на захмелевшего майора Дориса с изумлением. На столе валялись опрокинутые рюмки и бутылки. Навалившись на стойку бара, уже храпели несколько мертвецки пьяных посетителей. Девушки курили или лениво жевали резинку. Надрывно гремела музыка — один танец сменял другой. Потом из динамиков полился высокий голос знаменитой итальянской певицы. Тускло светились лампы, затененные красными абажурами из синтетички. В углу красовался огромный косо повешенный рекламный щит: на нем была изображена обнаженная девушка, только длинные распущенные волосы наполовину прикрывали ее тело; она хохотала, запрокинув голову, но взгляд у девицы был хищный, и во всем ее облике было что-то животное.

Смех в зале смешивался со звоном рюмок и бокалов, с топотом ног, отбивающих ритм на кафельном полу, с голосами, говорившими по-английски и по-вьетнамски.

Тхюи вывела Дориса из состояния полубабытья, предложив выпить еще чего-нибудь. Тот кивнул. Официант живо принес бутылку кока-колы для Тхюи, и кассир собрался было внести это в счет Дориса, как тот

вдруг приподнялся и хрипло пробормотал по-английски:

— Э, нет, не то, — потом посмотрел на Тхюи и сказал по-вьетнамски: — Подайте виски.

Официант мгновенно принес виски, и американец настоял на том, чтобы она выпила до дна, потом выпил свою рюмку, снова уронил голову на сложенные руки и закрыл глаза.

После этой порции виски Тхюи почувствовала, что у нее кружится голова и к горлу подступает тошнота. Ей показалось, что все вокруг потемнело, а по телу пробежал озноб. Пошатываясь, она вышла через заднюю дверь и упала возле лестницы...

Когда она поднялась, ей показалось, будто у нее ободрапо все горло, и не только горло — все тело обмякло, его сводила судорога. Тхюи, покачиваясь, поднялась по лестнице, протиснулась в дверь и, как была, в вечернем платье, рухнула на постель тетушки Ти и забылась тяжелым сном.

Никто в баре, кроме Банг, не заметил того, что случилось с Тхюи. Здесь такое было в порядке вещей. Девушки, освободившись от спиртного в желудке, часто снова возвращались к стойке и продолжали пить и подпавать американцев, пока те не падали замертво. Тогда официант брал мокрое полотенце (в него заворачивали лед) и обтирал им физиономии клиентов, чтобы привести их в сознание, подсунуть счет и получить деньги.

Глава XII

Банг встревожило состояние Тхюи, но она постаралась успокоить себя — ведь ни одна девушка пока еще не умерла от спиртного, и все же... Бежать вслед за Тхюи, оставив недопитый стакан и посетителей? Нет, этого делать не следует. Нужно остаться в зале, как будто она ничего не заметила. Тхюи просто-напросто нехорошо стало от виски, это не смертельно, все пройдет. Не надо, чтобы все заметили отсутствие Тхюи, нельзя обнаруживать и сочувствия при чужих — здесь чувствам не место. Здесь нельзя раскрывать душу. Ничего, со временем Тхюи наберется опыта, будет соблю-

дать меру. А потом горечь после тяжелого похмелья и приступы отчаянной тоски научат ее уму-разуму. Когда мерзости жизни, пошлость и грязь становятся невыносимы человеку, он восстает и распрямляется во весь рост. Вот взять хотя бы ее, Банг. Когда-то она была мечтательной школьницей, наивной и простодушной. Банг вспомнила, что, когда она была совсем еще малышкой, она тянулась к пирогу из бобовой муки, завернутому в фиолетовую бумагу, непременно в фиолетовую, и просила: «Дайте мне этот», хотя на блюде было много пирогов в разноцветных обертках.

Малышка Банг тянулась к фиолетовому неосознанно. А в шестнадцать лет она полюбила этот цвет как символ верности. Были мечты, была первая любовь, но потом все исчезло, уплыло куда-то, как ряска, унесенная текучими водами.

В тот памятный день, под вечер возвращаясь из колледжа, она издали заметила отца. Он подбежал к дочери и схватил ее за руки, едва сдерживая рыдания: бронетранспортер задавил насмерть мать Банг.

Отец был ремесленником, делал из бумаги разные предметы, использовавшиеся при ритуальном сожжении. Ремесло это умирало и уходило в прошлое вместе с феодальным укладом жизни. Рухнувший трон императора, падая, увлек за собой и многие атрибуты феодальной старины.

У старика отца уже не было сил, чтобы до конца выполнить свой конфуцианский долг перед детьми. Вчерашней школьнице-белоручке пришлось оставить учебу и взяться за ремесло покойной матери. Взвалив на плечо коромысло с товаром, Банг теперь целыми днями бродила по городу, старательно обходя улицы, что вели к колледжу. Она не сразу освоилась со своим новым ремеслом лоточницы, и поначалу ей трудно было преодолеть смущение.

По совету отца она начала хлопотать о месте секретарши в городской управе. Пришлось кое-кому сделать подарки, и место досталось ей. Какая ирония судьбы — она стала служить той самой власти, которая преследовала и травила ее любимого: когда палачи убедились, что им не удастся ни подкупить, ни сломить его, они бросили его в тюрьму.

Однажды был получен приказ — очистить место для строительства военного объекта — и тут же начали ломать дома, сгонять людей. Посреди рабочего поселка, нищего и голого, выросли высокие казармы. Банг и ее семья разделили общую участь. Пришлось им скитаться по улицам и рынкам, дыша пылью, которую поднимали военные машины, с грохотом мчавшиеся куда-то день и ночь.

Больной, с посиневшим лицом, отец страдал молча, не жалуясь. Все было ясно без слов. Банг, секретарша городской управы, утром отправлялась на работу, а вечером возвращалась к отцу и брату и вместе с ними ночевала у дверей чужих домов.

Жизнь трещала по всем швам, и прорехи эти невозможно было залатать, мир поворачивался к Банг новыми, все более уродливыми сторонами. На двадцать второй день своей службы Банг получила извещение: «Настоящим... на основании того-то... отменяется приказ номер такой-то... о зачислении новых сотрудников... имярек. Что касается секретаря управы Киеу Банг, то она увольняется по мотивам политической неблагонадежности». Извещение было подписано начальником городской управы Дананга.

Вместе с Банг уволили еще четырех человек. Не очень огорчаясь в душе из-за постигшего ее несчастья, она со слезами на глазах прибежала к отцу. Она плакала не оттого, что потеряла работу, а оттого, что была вынуждена, пусть даже очень недолго, служить этой власти, служить этим людям, у которых на службе-то состоять позор, и все-таки она у них служила, пока они не прогнали ее. Знай она наперед, что случится такое, она бы лучше сразу пошла на панель. Ведь служба в управе — хоть она и проработала там всего двадцать два дня — ничуть не лучше проституции. Но продажная женщина по крайней мере продает себя открыто, не таясь, и люди не клянут ее...

Стать девушкой из бара оказалось легче, чем поступить в управу. В бар ее взяли на следующий же день, без протекции, без ходатайств.

Одни люди гонятся за острыми ощущениями и швыряют на ветер деньги, другие — в борьбе за существование кидаются в пропасть. И здесь много ступеней. Труден лишь первый шаг — перейти Рубикон.

Девушек из бара учат к каждому находить свой подход. С разными людьми надо вести себя по-разному — с одними весело смеяться и беззаботно болтать, с другими — напускать на себя загадочную печаль. У девушек появляется определенный стиль, фальшивая изысканность и дешевая утонченность. И никому нет дела до их сокровенных чувств и настроения.

Когда Банг пришла к отцу со своей новостью, он ничего ей не сказал, хотя ему было очень горько в эту минуту. Родится дочь — отец и мать мечтают, чтобы она получила образование, чтобы приобрела знания и смогла стать полезной людям и, конечно, чтобы помогла встать на ноги младшим. Повзрослев, дочь непременно встретит своего избранника, девушка только раз в жизни делает выбор, и жизнь ее должна быть чистой и светлой. Девушка должна стать хорошей женой, доброй матерью, радовать своих родителей, а когда наступит час вечной разлуки, закрыть им глаза. Кто мог подумать, что все в жизни Банг пойдет кувырком? Отец молчал, но Банг казалось, что она слышит, как стонет его душа. Она заранее страдала оттого, что на улице братишку будут дразнить: вот, мол, безалаберный отец твой всю жизнь мастерил бумажные штучки, теперь никому не нужные, потому сестрица и очутилась в баре. Братишка ничего не сказал Банг, но и в его глазах она прочла укор.

Радость — источник жизни, она может заставить отца забыть о душевной боли, не позволить украсть у ребенка детство. Банг старалась держать себя в руках, как бы она ни мучилась и ни страдала. Еще была свежа рана после похорон матери, было нестерпимо жаль несчастного отца, братишку, и не давала покоя мысль о любимом, брошенном в тюрьму. Жив ли он? Что он подумает, когда узнает обо всем, что с ней произошло?

Иной раз Банг жалела, что хоть и немного, но все-таки училась в колледже. Знали бы ее родители, что ее ждет, они не послали бы ее учиться. О дорогая мамочка, как хочется твоей дочке выбросить все это, в том числе и скромное образование, в мусорную корзину как ненужный хлам. Знай Банг наперед, что ей предстоит, она училась бы только одному — стрелять. Чтобы без промаха бить нечисть, преступную нечисть, которая сегодня окружает ее. Была бы жива

мать, она бы не узнала свою дочь, свою любимицу; теперь она, жрица буйных попок, проводит жизнь среди пьяниц, которые, напившись до бесчувствия, храпят в креслах.

Хуже всего по утрам, когда наступает мрачное похмелье, когда невозможно отделаться от страшных воспоминаний, от страшных мыслей... Слезы давно иссякли, и теперь она смотрит на мир широко открытыми, полными ужаса глазами. Поскорей бы наступил день, когда она окончательно почувствует себя лишней на земле и ей останется только одно: выпить снотворное, больше, чем обычно... Тогда конец всему: заботам, печалям, расчетам, страданиям, позору. Братишка вырастет, а отец... отца ненадолго хватит. Она легко расстанется с жизнью, потому что жизнь ей не дорога.

Чем больше поклонников появлялось у Банг среди посетителей бара, тем большую зависть и неприязнь внушала она другим девушкам, работавшим здесь. «Гляньте-ка, девица из колледжа, а тоже затесалась в нашу пьяную компанию», — презрительно бросала то одна, то другая. Прежняя жизнь Банг вызывала у них ненависть и презрение, а то, что она ходила в колледж, они считали тяжким преступлением. «Одно удовольствие видеть, что теперь она такая же, как и мы, теперь она не гнушается нами. А раньше, бывало, к ней и не подступишься: белое платьице, скромненькая шляпка, простенькие босоножки. Чистюля! Подумаешь, неудачница нашлась! Она, видите ли, чистая, незамазанная, она из образованных. Не то что мы!»

«В самом деле, откуда она свалилась на нашу голову! — подхватывали другие. — Каким ветром занесло к нам эту девицу из колледжа?»

«Ох, не переносу я этих чистюль, которые держатся недотрогами, — встревала в разговор еще одна не в меру резвая девица. — Подумаешь, корчат из себя бог знает что! Когда только пришла к нам, так была тихой и пугливой, как заяц. А теперь! Зазнайка! Я бы этих чистюль, которых мужчины считают кристально-чистыми, на куски резала! Много от их чистоты да кристальности толку...»

Почти полгода пробыв в баре, Банг привыкла сносить обиды, огрубела и иной раз даже как будто гор-

дилась своим унижением, своими страданиями. Но в душе ее поселилось глубокое отчаяние. Самым страшным словом для Банг сделалось слово «будущее», а самым сладкозвучным — «смерть». А еще было слово, которое заставляло ее цепляться за жизнь, — это слово «семья». Видя родные лица, Банг приободрялась. Тогда девушка еще не знала, что в этом темном, бесконечном лабиринте брезжит свет факела, который поможет ей выйти на правильный путь.

Минуло время, и все вдруг с удивлением заметили, как изменилась Банг. Она стала приветливее, искреннее. Что-то новое вошло в ее жизнь, и девушка словно заново родилась.

Она нашла в себе силы заглушить и победить боль, терзавшую ее. Девушка высоко подняла голову, для нее теперь вновь засверкали звезды, она могла теперь дотянуться и до них...

«Нет, — думала Банг, — ты права, мамочка: я не выброшу в мусорную корзину свои знания, как бы ни были они скудны. Они мои, и я буду дальше учиться. А еще... еще я научусь стрелять, стрелять по врагу, потому что нашла верную дорогу в жизни, поняла, в кого надо стрелять».

И вот теперь в баре появилась Тхюи — еще одна живая душа... Девушка, которую небо наградило редкой красотой, прелестной фигуркой и улыбкой, которая способна растопить лед. Не одному из посетителей бара она вскружит голову, конечно же, на нее начнут заглядываться, и это, безусловно, вызовет зависть у других девушек, а может, и враждебность. Что делать, придется Тхюи все это терпеть...

— Так ты из Хюэ? Это замечательно! — воскликнула Банг. — Я очень люблю этот город, хотя и была там всего один раз.

— А я люблю своих родных: братика, маму. А любить город... — Тхюи улыбнулась, — я еще не научилась.

— Где твоя мама?

— Умерла.

— И моя тоже. Я очень горевала тогда, вся душа изболелась. Я все плакала и плакала без конца, но теперь взяла себя в руки; слезами горю не поможешь! Нельзя давать прошлому власти над собой, хотя из памяти ничего не вычеркнешь — слишком много горя пе-

режито. Ты думаешь, время залечило мои раны? Нет. Ты видишь, я ношу траур. И это на всю жизнь. Это стало как бы моим оружием, это заставляет меня стремиться дальше, выше...

Банг умолкла. Она волновалась. Ведь она еще плохо знает Тхюи, и потому она ни словом не обмолвилась о самом сокровенном... И Банг заговорила о будничных делах, о работе в баре.

— Оказывается, ты крепкая. Только на двадцатый день тебя пробрало. А я так на четвертый день свалилась. Наутро с трудом пришла в себя. Вот так-то. Здесь все проходят это испытание вином. Сочувствую тебе... Но пока не могу, не имею права сказать тебе всего, что хотелось бы... Нет, не могу...

Проснувшись, Тхюи протянула руку, коснулась одеяла, которое кто-то заботливо накинуд на нее, и открыла глаза. Рядом с ней сидела повариха Ти. Тхюи вдруг поняла, что лежит на ее кровати. Голова тяжелая, будто каменная. Похмелье, первое похмелье, ужасное, как капитан Хюйен, жестокое, как мадам Жаклин...

Повариху Ти девушка увидела впервые три недели назад, когда та принесла хозяйке в кабинет бутылку прохладительного. Той скоро стало известно, что у девушки нет ни отца, ни матери, что она из Хюэ и что поступила в бар ради братишки.

Почти год Ти состоит в услужении у хозяйки бара и стряпает для господского стола и для тех девушек, которые живут тут же, при баре. Повариха знала об этих девушках все; по-разному складывались их судьбы, но причина, побудившая их поступить на работу в бар, одна — надежда заработать на жизнь... А жизнь потешилась над ними, загнала в тупик. И только о Тхюи, застенчивой и немногословной, она не знала почти ничего. А в баре судачили:

— Прислуживает в баре, а держит себя, будто порядочная. Посмотрели бы вы, что с ней было, когда ее облапил какой-то янки: вся съезжилась — будто пиявка, угодившая в изъезд.

— Ничего в ней привлекательного, кроме миленькой мордашки, ведь она и понятия не имеет, как при-

нять гостя, как его угостить. Видно, хозяйка и обучить-то ее как следует не успела.

— Не скажи! Она девушка смекалистая. Когда пришла, по-английски ни словечка не знала. А теперь — пожалуйста, трех недель не прошло, а она уже может с шиком выдать целый набор фраз. Нет, она девчонка хваткая. Еще всех нас обставит.

— В самом деле, кого из нас, кроме этой Тхюи, хозяйка заставляла ходить на уроки английского? Ведь она идет на урок даже тогда, когда бар уже открыт! Видно, хозяйка смекнула, что эта девица — лакомая приманка. Ничего на нее не жалеет. И действительно, посмотрите, как вокруг новенькой увивается майор Дорис. Нечасто случается, чтобы в наш бар зачастили такие важные птицы! Ну, бывает, какой-нибудь американский офицер в высоком чине зайдет разок-другой — и все. А этот каждый вечер сюда является.

Такие пересуды Ти слышала не раз. И вот, зайдя в свою комнату, она увидела на кровати Тхюи, забывшуюся в тяжелом сне. Повариха взяла одеяло и, подойдя на цыпочках, бережно укрыла девушку, а сама присела рядом и залюбовалась нежным овалом лица, густыми бровями, длинными блестящими волосами, разметавшимися по плечам. Такие тонкие черты бывают только у уроженок Хюэ.

Когда же придет конец всему этому! У Ти кровь прилила к лицу. Когда же кончатся эти дикие оргии, когда уберется отсюда эта нечисть, эти офицеры, которых должны развлекать бедные девушки?

В комнату заглянул солнечный зайчик, посланец огненно-жаркого, знойного летнего солнца, и все вокруг засияло.

Женщина поднялась, потом опять опустилась рядом с девушкой. Она внимательно разглядывала спящую девушку, ее яркие губы, густые ресницы. Что привело тебя сюда, детка? Что ждет тебя?

— Это вы меня укрыли? — раздался вдруг слабый голос Тхюи.

Повариха Ти наклонилась к девушке.

— Зачем ты пила так много?

Тхюи промолчала и отвела взгляд. Впервые она увидела так близко глаза Ти — они смотрели как-то удивительно глубоко и проникновенно. Казалось, они

хотели сказать много, очень много, но что... Тхюи не могла этого постигнуть...

— В следующий раз не смей так пить, слышишь! — Ти произнесла эту фразу с расстановкой — медленно и твердо.

Тхюи удивленно вскинула на нее глаза и тут же почувствовала, как тяжелеют от слез, наливаются веки. Наконец-то она услышала добрые слова, почувствовала искреннее участие и тепло, которое исходило от этой женщины, так напоминавшей ей мать.

— Я больше не буду, я обещаю, — робко произнесла девушка.

— Ты сама о себе подумать должна, — тихо сказала Ти. — Нельзя себя так изводить ради хозяйки и ее барышей. Ты ее слушай, да с умом, не спеши исполнять все ее приказы. — Повариха поправила одеяло и, покосившись на дверь, продолжала: — Я с тобой говорю прямо, не таясь, как старшая сестра. Если ты сочтешь, что я права, сделай, как я тебе советую, а нет — ну и ладно. Я тебе так скажу: для хозяев мы что лимон — выжмут весь сок и выбросят в мусорный ящик, даже не оглянутся.

Тхюи упорно смотрела в потолок. Да, конечно, повариха права, сто раз права. Она и сама давно уяснила это — с того дня, как встала за прилавок в магазине мадам Жаклин, да нет, еще раньше — с того самого дня, как ее отдали в люди, с того дня, когда стала она получать из хозяйских рук жалкие гроши, работая допоздна — ночами приходилось заниматься стиркой и утюжкой хозяйского белья, потому что за день она не успевала переделать всех дел по дому. Она вспоминала, как те же мысли одолевали ее почам, когда она не могла сомкнуть глаз в душной каморке под лестницей, по ступенькам которой с топотом поднимались хозяйские сынки. Да, конечно, добрая Ти права, сто раз права...

Послышались шаги хозяйки, повариха встала. Тхюи не успела и словечка сказать Ти в ответ, сказать, что она совершенно права... Женщина быстро вышла из комнаты.

Тхюи прислушалась: вот Ти миновала последнюю ступеньку — Тхюи успела сосчитать ее шаги, а вот опять раздался стук каблуков хозяйки. Тхюи накрылась с головой одеялом и отвернулась к стене, вытирая

рукой слезы. Голова все еще была тяжелой — словно свинцом налита. Когда-то у Тхюи была мама, такая же, как тетушка Ти, добрая и заботливая. Она наставляла малышку Тхюи, запрещала ей делать то или это... Ох, как болит голова! До сих пор помнится мамин голос:

«Никогда больше не смей брызгаться водой!»

«Никогда не лезь в муравьиную кучу!»

«Никогда не хватай уголь и не смей бегать с ним — прожжешь кому-нибудь платье, чем мы тогда будем платить?»

«Никогда не смей...»

Тетушка Ти очень похожа на маму... Тхюи всхлинула. Она права, тетушка Ти, сто раз права. Но ведь у бедного человека одна доля — работать на хозяина, что он скажет, то и делай, а нет — умрешь с голоду. Вот ведь как получается. Нет, я не знаю, что делать, добрая тетушка Ти.

Никто и не заметил, когда на улице зажглись фонари: из бара трудно разглядеть, день на дворе или ночь, полдень или сумерки. В баре никто: ни девушки, ни официанты, ни бухгалтер — не смотрит на стенные часы. Не глядят они и через застекленные окна, почти наглухо закрытые зелеными занавесками. Но если отодвинуть штору, можно увидеть забранные металлическими решетками витрины магазинов, расположенных напротив. Свет с улицы, пробиваясь сквозь зашторенные окна, смешивается со светом множества разноцветных ламп.

Вечер. Редкие деревья на обочинах тротуаров кажутся серо-зелеными. Слышатся тяжелые, усталые шаги — рикша вылез из своей коляски, у него длинная, задубевшая от солнца и ветра шея, вот он достал вчерашний сухарь и стал его грызть — сегодня у него почти не было клиентов. Шныряют совсем маленькие дети с корзинами под мышкой, никто на них не обращает внимания — к концу дня им достанется на ужин всего несколько бананов. Грязные и тощие оборванцы, целый день слонявшиеся по городу, роются в кучах мусора в поисках чего-нибудь съестного.

У девушек из бара «Джина» наступает смена. Те из них, что остаются ужинать здесь, при баре, окончив трапезу, курят. Те же, что явились из дома, готовятся к ночной работе.

Тхюи лежит молча. Она попыталась было встать, но голова закружилась, едва она оторвала голову от подушки. Тетушка Ти принесла ей стакан фруктового сока и велела выпить.

— Пожалуйста, найдите мне рикшу, я поеду домой,— сказала Тхюи, возвращая тетушке Ти пустой стакан.

Добрая женщина молча кивнула и проворно спустилась к себе в кухню. Сегодня она приготовила ужин раньше обычного и попросила девушек не задерживать ее, чтобы она могла поскорее вымыть посуду. «Мне нужно отлучиться по делу»,— пояснила она. К счастью, хозяйка отправилась погулять. Тхюи еще не пришла в себя, но что делать, ведь дома оставался один ее десятилетний братишка. С девушками из бара нередко случалось то же, что и с Тхюи. Был как-то случай: одна из девушек, захмелев, упала с лестницы и разбила лицо так, что остался шрам. Разумеется, хозяйка тут же выпроводила ее из бара. Повариха, узнав, в какое бедственное положение попала семья этой несчастной — работы она, конечно, больше не нашла,— устроила ее ученицей в парикмахерскую. Хозяйка парикмахерской, по словам Ти, приходилась ей дальней родственницей, и сама Ти когда-то была в этой семье нянькой.

Тетушка Ти плеснула горячей воды, собираясь вымыть стол,— палочки для еды, которые девушки забыли убрать, покатались и упали на пол.

Двадцать лет, целых двадцать лет своей трудной и переменчивой жизни она подчинила служению одной цели. Кто знает, поймут ли потомки ту боль, что наполняла сердца отцов и матерей,— боль за искалеченные судьбы детей своих? И осознают ли они, какой дорогой ценой — может, слишком дорогой — удалось добиться перемен? Будет жаль, если потомки не почувствуют признательности за все, что сделано для них.

Тхюи первый раз в жизни сажалась в тележку велосипедиста. С давних пор она не могла спокойно относиться-

ся к тем, кто бесцеремонно плюхался на сиденье велорикши, хотя мог вполне обойтись без его услуг. Может быть, она неправа: ведь если все станут так думать, то рикше не на что будет жить.

— Отвезите нас на улицу Хоанг Зьеу,— сказала рикше тетушка Ти.

Тхюи откинулась назад, закрыла глаза. На воздухе ей стало чуть-чуть лучше. В первый момент, когда она вышла на улицу, она почувствовала, что у нее дрожат ноги и кружится голова. Да, тетушка Ти права: если слушаться хозяев, бог знает до чего можно дойти. А хозяева разве когда-нибудь пожалеют тебя? Они знают только одно — выгнать, изругать, избить, оклеветать.

— О чем задумалась? — раздался голос тетушки.

— О брате. Сидит он там один и ждет не дожидается меня.— Тхюи уткнулась лицом в плечо поварахи.

Велорикша миновал перекресток. Из какого-то окна донеслась тоскливая бередящая душу музыка. В почной улице есть что-то загадочное, окутанное тайной. Какая-то непостижимая жизнь копошится в темных переулках. То и дело попадаются сумасшедшие — они смеются, плачут, бормочут грубые ругательства. От одного бывшего человека, исколесившего весь Южный Вьетнам, Тхюи слыхала, что нет в стране другого города, где было бы так много умалишенных, как в Даланге.

В ярко освещенных витринах разложены товары с ярлыками самых разных стран — пестрое разнообразие красок. Улица плывет мимо. Автомобили, мотоциклы, велорикши, моторикши, чайные павильоны, бары, магазины. Пешеходы, стремящиеся кто куда, — одни просто прогуливаются, другие вышли на промысел ради чашки риса, третьим надо найти себе пристанище на ночь. Тетушке Ти вдруг вспомнился рассказ Тхюи — как она, безработная, бродила по ночам с братом в поисках места для почлега, как она не могла найти крова для больного ребенка...

Волосы Тхюи касались щеки тетушки Ти, дыхание девушки стало ровнее. Встречный ветер, напоенный запахом спелых плодов, шевелил шелковистые волосы Тхюи, и они чудно благоухали.

— Тебе все еще плохо?

— Ничего. Сейчас уже лучше.

По тротуару быстро шагала, почти вровень с рикшей, худенькая девочка-подросток лет пятнадцати, одетая в грязные поношенные рубаху и штаны. Она шагала так стремительно, будто ее кто-то преследовал, и не обращала внимания на удивленные взгляды прохожих. Вот, наверно, такой затравленной была совсем недавно Тхюи... Да и сейчас ей, бедняжке, нелегко, сколько стыда терпеть приходится! Тетушка Ти взяла Тхюи за руку.

Девочка-подросток в нерешительности остановилась возле высокой шикарной виллы. За оградой громко и яростно залаяли псы, девочка повернулась и бросилась обратно. Когда она пробежала мимо, взгляд тетушки Ти на мгновение встретился с горящими, словно светящиеся точки, глазами девочки. Тетушка Ти оглянулась и посмотрела ей вслед. Девочка свернула за угол и исчезла.

— Ты положи мне голову на плечо,— тетушка Ти ласково погладила руку Тхюи,— тебе будет удобнее. Дай сюда платок, я подержу. Через пять минут будем на месте, потерпи еще чуть-чуть.

Видимо, эта девочка-подросток воровала рис из собачьих мисок... О, эти голодные, горящие глаза... Пронзительный взгляд. Бледное жалкое личико... Недавно один паренек дал тетушке Ти почитать рассказ «Голод», он сам его написал. Речь шла о бедняке, вечно бездомном и голодном. Кормился он едой из собачьих мисок. Выискивал железные ворота с табличкой: «Во дворе злая собака!» и, дождавшись ночи, пролезал под воротами, «знакомился» с псом, приручал его так, что тот его не трогал и даже не лаял при его появлении. Потом он выяснял, когда собаку кормили, приходил немного раньше, до кормежки, и, притаившись за воротами, ждал: едва прислуга, дававшая корм псу, поворачивалась спиной, бедняга тянулся к миске вместе с собакой... Хватал миску, вываливал еду в мешок и убегал, что есть мочи, пока хозяева не пустились за ним вдогонку. Украсть пищу у собаки можно было только раз, а приручить ее стоило немалых трудов, ведь у каждого пса свой нрав, свои повадки...

Велорикша ехал все прямо и прямо, потом свернул налево и остановился возле низких домишек. В этом

поселке, где жили рабочие и ремесленники, у тетушки Ти были знакомые.

Навстречу им выбежал мальчик в белой рубашке с короткими рукавами и синих брючках, руки у него были испачканы фиолетовыми чернилами. Ты был встревожен: сестра приехала не одна, а с какой-то незнакомой женщиной; видно, случилось что-то недоброе.

— Не волнуйся, малыш. Все в порядке,— сказала тетушка Ти ровным, спокойным голосом,— просто у Тхюи немного кружится голова. Только и всего. Принеси-ка носовой платок.

Она намочила платок, слегка отжала и приложила его ко лбу девушки.

— Полежи немного и все пройдет.

В бамбуковой корзине со стеганой прокладкой стоял еще теплый котелок с рисом. На столе — раскрытая книга, остатки остывшей еды и палочки: видимо, мальчик, поджидая сестру, читал книгу. Тетушка Ти взяла кастрюльку и высыпала в нее из пакетика зеленые бобы, а бумажку, в которую они были завернуты, расправила и тщательно спрятала: она впопыхах завернула бобы в письмо племянника.

Соседи Тхюи с любопытством таращились на тетушку Ти через раскрытую дверь. Они впервые видели в комнатке у Тхюи незнакомого человека. К тому же эта женщина вела себя так, будто была близкой родственницей или давней знакомой. «Кто она? — недоумевали соседи. — Старшая сестра? Тетя?» Повариха вымыла бобы и с кастрюлькой в руках вернулась в комнату. Несколько бобов плавало на поверхности.

Мальчик хлопотал возле спиртовки, он хотел было спросить у Тхюи, кто эта женщина, но промолчал, и не только потому, что услышал шаги возвращающейся тетушки Ти, но и потому, что вдруг захотелось остаться еще какое-то время в неведении и дать волю фантазии... А вдруг это мама! Нет, вряд ли. Ведь будь это мама, сестра наверняка тут же сказала бы об этом. И потом, настоящая мама не такая.

Понятие «мама» для мальчика было слишком отвлеченным — о матери он знал лишь по рассказам сестры.

«А может, это все-таки мама», — продолжал спра-

шивать себя мальчик, хотя и сам уже хорошо понимал, что этого не может быть. Скорее всего, она знакомая сестры, наверно, они вместе работают у одних и тех же хозяев, — вот как Ким в доме у мадам Жаклин. Но эта женщина почему-то кажется близкой, родной. Может, они с Тхюи уже давно знают друг друга? Но ведь сестра служит в баре всего двадцать дней. Ну да ладно. Мальчик чиркнул спичкой и поднес ее к фитилю, послышался тихий треск — видимо, на фитиль попала вода, и теперь придется его подсушить. У мальчика было время подумать, помечтать. С некоторых пор Ты стал мечтать о том далеком, неведомом дне, когда к ним в комнатку войдет мама... Они с сестрой будут сидеть за ужином, а мама войдет и скажет: «Доченька, сын! Я вернулась к вам!» Конечно, он и Тхюи сразу бросятся к ней. Или он вернется из школы — а мама дома! Сидит с Тхюи. Или лучше всего так: придет сестра и приведет с собой маму.

— Иди-ка мыть руки. Скоро будем ужинать! — Тетушка Ти поставила кастрюльку с бобами на спиртовку и посильнее открутила фитиль.

— Чего ты удивляешься? — Тетушка Ти открыла котелок с рисом и улыбнулась мальчику: — Я работаю вместе с твоей сестрой, а зовут меня тетя Ти.

Она ловко накладывала рис. Мальчик ровненько сложил палочки для еды и положил их сверху на чашку тети. Потом пододвинул к себе свою. От огорчения у него перехватило дыхание. И зачем это она так сразу все сказала про себя. Он и без того знал, что женщина, сидящая напротив него, вовсе не мама. Ну и пусть! Но зачем понадобилось сразу об этом объявлять? Куда лучше было бы сидеть и воображать, что мама тут...

Тетушка Ти подкладывала мальчику в чашку еды и расспрашивала о школе, о друзьях, о сестре.

Тхюи пошевелилась. Видно, мокрый платок у нее на лбу согрелся. Она перевернула его. Голова уже не раскалывалась от боли, как недавно, в баре, но Тхюи лежала тихо. Впервые она испытывала чувство необычайного покоя. Что было бы с нею, если бы не забота доброй тетушки Ти?

Пых! Сварившийся боб стрельнул в крышку кастрюльки. Тетушка Ти не спеша положила палочки для еды, встала и с шумовкой в руках подошла к спиртовке. «От зеленых бобов, как бы ты ни захмелел, все полегче станет».

— Ну, а теперь как же? — она вернулась к прерванному разговору с мальчиком: — И твоя учительница до сих пор на свои деньги покупает для тебя тетради и книги?

— Да, она думает, что мы все еще живем в нужде, как тогда, когда Тхюи носила воду...

Лампочка мигнула — свет стал ярче. Только теперь тетюшка Ти смогла рассмотреть мальчика: чертами и цветом лица он очень походил на сестру.

— Раз сегодня нет красавицы Тхюи, я избираю королевой тебя!

По лицу девушки пробежала тень. Американец погладил ее по волосам, схваченным блестящей заколкой и широкой волной ниспадающим на грудь. Девушка повернулась к нему, но тот, улыбаясь, уже занялся другими девицами. Какой-то американец поднял бокал и, с силой стукнув им об стол, крикнул что-то и расхохотался. Девушки настороженно смотрели на него. Он продолжал раскатисто хохотать и вдруг как-то сразу затих. Потом поднялся еще один — большой, краснорожий, он оставил девицу за столиком одну и подсел к ее подруге. Такое уж было у него обыкновение. Как и у прочих американцев: сегодня сидит с одной девушкой, завтра — глядишь, рядом с ним уже другая. У них это называется «сменой блюд». Но бывает и так: приглянется американцу какая-нибудь одна, и он только к ней и садится за столик — и всегда на одно и то же определенное место. Вот таким посетителем и был майор Дорис. Для него существовала только одна Тхюи.

— Ты какая-то сердитая... — Американец задумчиво перебирал мягкие волосы девушки. — Каждая девушка, каждая женщина считает себя звездой с силой притяжения, значительно превышающей силу притяжения любого небесного тела. Но, — продолжал он, помедлив, — мужчина обычно оценивает женщину объективно и впадает в преувеличение, только если влюблен.

Он наклонил голову и заглянул девушке в глаза.

— Это я о мужчинах вообще, что же касается меня, я совсем другое дело. Ты согласна с этим? — Он пожал плечами и саркастически усмехнулся. — Мне опротивели эти бесконечные возлияния и увлечения на час... Надоели и вы все до чертиков!.. Но ничего другого не придумаешь... Хоть тресни! Некуда себя деть! Иной раз хочешь плюнуть на все эти развлечения и не ходить сюда, а ноги сами несут... Наваждение...

Он поднес рюмку к губам.

— Хватит, замолчите! — вдруг взвизгнула девица. — Прямо чокнутый какой-то!

— Нет, милашка, это ты тронулась...

Бац! Американец получил оплеуху. Рюмка, скользя по его губам, выпала из руки и покатилась по столу. Другой американец, сидевший рядом, успел подхватить ее. Он удивленно уставился на своего соседа. Вино кругами разлилось по столу, брызги попали на волосы девушки и мундир ее кавалера. Американец оближал губы и принужденно улыбнулся.

— О'кэй! О'кэй! Теперь понятно, с кем мы имеем дело — с обыкновенными проститутками, а не с приличными девушками.

Он сказал это на каком-то смешанном наречии: слово «проститутка» произнес по-немецки, и поэтому девушка не поняла его. Сложив руки на столе, она широко раскрытыми покрасневшими от слез глазами смотрела на американцев. Посетитель, сидевший рядом с ее кавалером, насмешливо спросил:

— Уж не собираешься ли ты учить уму-разуму девицу из веселого заведения?

— Нет, куда там...

Первый американец постучал по столу и сделал знак официанту, чтобы тот принес и наполнил рюмки. Он продолжал по-немецки:

— Они все прекрасно понимают и без нас. — Он застегнул ворот. — Я вот о чем думаю: когда мы унесем ноги из этой страны, чем будут жить эти вот бедолаги, — он сделал ударение на слове «бедолаги».

— Тебя и впрямь волнует судьба этих девиц из бара? Их ведь тысячи!

— Да, волнует, — американец вновь перешел на английский, — а как же иначе? Думать об этом — значит,

думать о будущем Америки,— с этими словами он взял рюмку из рук официанта, поставил ее на подставку и захохотал: — Да, да! Я говорю совершенно серьезно! Представь себе: меня в равной степени беспокоят и эти гулящие девки и судьба Америки. Было бы непростительно,— он уселся поудобнее,— не думать об этом.

Девушка поднялась из-за стола и, покачивая бедрами, прошествовала по залу. Американец, не обращая на нее никакого внимания, продолжал с увлечением ораторствовать. Девушке, сидевшей рядом с его собеседником, стало не по себе, она отодвинула свой бокал на середину стола и встала, но американец поспешно стал ее уговаривать:

— Куда ты, ну куда ты? Посиди со мной, моя куколка!

И, усадив девушку на место, он стал теревить бантик на ее платье.

В комнате позади кухни за маленьким столиком, на котором валялись яблоки, груши, выжатые апельсины, стояли бокалы, пустые бутылки из-под пива, флакончики с лаком для ногтей, баночки с кремом, щеточки для краски ресниц, сидела подперев рукой щеку та самая девушка, что закатила оплеуху американцу. Волосы ее рассыпались в беспорядке, она бессмысленно смотрела в одну точку. Пот выступил у нее на лбу сквозь слой пудры.

Из неисправного крана подтекала вода, наполняя большой таз, в котором лежали рюмки. Тетушка Ти, сидевшая к девушке спиной, с невозмутимым видом резала лук и огурцы. Монотонное журчание воды напоминало ей о зеленых бобах, стрелявших в крышку кастрюльки. Раскалываясь пополам, они обнажали золотистое мучнистое путро. Мысли тетушки Ти были заняты Тхюи и ее братишкой. Сколько во Вьетнаме таких, как эта девушка? Не счесть. Сколько таких мальчишек, как ее брат, без отца, без матери, брошенных на произвол судьбы? И сколько таких девушек из бара... Из разрезанных огурцов сочился прозрачный сок. От лука слезились глаза. Вот уже год, как она работает в Данаанге. Что сделано за это время? И словно на телевизионном экране, она ясно увидела свои достижения и просчеты, вспомнила мельчайшие подробности. Больше

всего она верила в Банг и была спокойна за нее. Постепенно Банг обретет силу. Винь Ко тоже так считает. Банг удалось сохранить в чистоте свою душу. Теперь ей предстоит самой вести борьбу.

— Что это с тобой? — В комнату вошла крашеная блондинка. Она схватила грушу, и надкусила ее. — Ты что, заболела? — устало спросила она подругу.

— Нет, не заболела. Просто меня отшили...

— Как? В чем дело?

— Этот тип болтает об этой своей Америке и о какой-то проститутке и забыл, совсем забыл, что я сижу с ним рядом!

— А не о тебе ли шла речь?

— Да, он говорил обо мне, но разговор начал с Тхюи. Он огорчен, видите ли, что сегодня ее нет.

Крашеная блондинка пожевала грушу и выплюнула семечки прямо на стол.

— Все они одинаковы, эти американцы. Все без ума от этой Тхюи. Сидит рядом с тобой, а сам исподтишка поглядывает на нее. И хотя она вроде бы и ни при чем, — девушка вынула носовой платок и вытерла пот со лба, — но в такие минуты я готова изрубить ее на куски. Вот так же раньше мне хотелось изрубить эту Банг!

Длинноволосая закрыла лицо руками.

— Вчера, когда она напилась до чертиков, я желала ей сдохнуть, чтобы не видеть ее больше, — продолжала крашеная блондинка. — Вернулась домой и думаю: в самом деле было бы неплохо, если бы...

Тетушка Ти подошла к столу, собрала бокалы, выбросила выжатые апельсины в мусорную корзину. Потом вернулась, держа на руке влажное, покрытое пятнами полотенце.

— Что вам сегодня приготовить на ужин? — приветливо обратилась она к девушкам.

— Я бы с удовольствием съела антрекот в кисло-сладком соусе и немного рыбного супа.

— А мне все равно что есть.

Тетушка Ти повесила полотенце на гвоздь и взялась за спинку стула, на котором сидела девушка.

— Если не ошибаюсь, Зуйен, вы любите, чтобы в винегрете было побольше уксуса?

В ответ девушка улыбнулась и, довольная, кивнула головой.

— Большинство девушек в баре любят кислое, — продолжала повариха.

Услышав о кислом, длинноволосая девушка вдруг вспомнила, что вчера они с Тхюи купили лимоны, эти лимоны так и остались лежать у нее в сумочке.

— Тхюи, видите ли, тоже любит кислое, — ехидно вставила она.

Крашеную блондинку словно кто в бок толкнул — она взорвалась:

— Да чем она лучше нас? Кто она такая? Всего-то-навсего деревенская девчонка, которая явилась сюда откуда-то из провинции Тхыатхиен, сначала она и по-английски-то ни единого слова не знала, лепетала что-то по слогам, как ребенок.

Поставив корзину зеленых бобов на скамеечку, тетушка Ти села рядом с девушками. Длинноволосая принялась ей помогать — вынимать бобы из стручков, а блондинка стала подкрашивать губы.

— Ну, успокоилась? Тогда возвращайся в зал, — проговорила она. — Нечего здесь отсиживаться. Ведь не хочешь же ты, чтобы хозяйка устроила тебе взбучку или выгнала из бара?

— Взбучку! Я ей сама устрою взбучку! — Девушка оставила бобы, подняла голову и начала изливать накопившуюся обиду: — Вот ты, оказывается, какая: попускаешь меня, чтобы поскорее шла гнуть спину на хозяев! Хватит! Мало я изводила себя, чтоб они богатели. Довольно с меня этих американцев! Хочу — здесь работаю, а не захочу — пойду в другой бар...

Бросив стручки в корзину, тетушка Ти мизинцем смахнула прилипший к руке боб.

— Если уж вы не умеете постоять друг за друга, не способны посочувствовать друг другу, что тогда говорить о проклятых хозяевах! — твердо сказала она, но глаза ее лучились теплотой.

Девушки с удивлением уставились на нее. Губная помада чуть не выпала из пальцев блондинки. Впервые девушки слышали, как тетушка Ти осуждает их, но больше всего их поразили слова: «проклятые хозяева»! Блондинка положила помаду на стол. «Прокля-

тые хозяева» — ведь это люди, которые дают им работу. Конечно, никто из девушек их не любил, и все же становилось не по себе, когда вслух произносилось такое... «Проклятые хозяева!» Впервые они услышали эти слова от женщины в простом ситцевом платье.

— Вот вы говорите, надо сочувствовать друг другу... — сказала девушка с длинными волосами, беря пучок стручков. Глаза у нее заблестели.

— Вот именно! На вашем месте я бы пожалела и Банг, и Тхюи, вместо того чтобы осуждать их...

И тут тетушка Ти заметила, что обычно холодные глаза блондинки вдруг потеплели. Девушка, задумчиво глядя куда-то вдаль, стала заплетать косу — толстую, крепкую.

— Но... эти две, они же красивее меня! — вырвалось у нее. Она и сама удивилась, как это у нее вышло. Впервые она высказала вслух мысли, которые считала мелочными, своекорыстными. А вокруг будто ничего и не изменилось, все так же светится в окне кусочек неба величиной с чайное блюдце, все так же течет в таз с рюмками вода из крана, а на столе лежит помада и тает, растекаясь красными разводами, из зала по-прежнему доносится веселая музыка, как бы приглашая ее подняться со стула, и тетушка Ти спокойно сидит, как и раньше...

— Вот мы и страдаем оттого, что не дружны. Ну, посмотрите-ка сами: разве вы не красивы? И ты, Фифи, и ты, Зуьен? Красивы, так же как Тхюи и Банг. Не обижайтесь на мои слова, девушки, — голос тетушки Ти стал тверже, — но я думаю, когда вы родились на свет, ваши родители и в мыслях не держали, что вы станете девицами из бара. Да и потом, когда вы выросли, разве сами вы хотели стать теми, кем вы стали? С вашей молодостью, красотой вы имеете право мечтать о другой, прекрасной жизни и бороться за нее.

Зуьен, крашеная блондинка, взволнованно слушала тетушку Ти, не веря ушам своим. Да, хорошо бы покончить с баром! Зуьен была единственным ребенком в семье. Ее родители — оба слепые. Да, покончить с баром было бы здорово!

— Девушки, вы знаете китайскую легенду об отважной красавице, перед которой преклонялся ее отец? — спросила тетушка Ти.

— Помню, дедушка, кажется, мне ее рассказывал, когда я была маленькая,— пробормотала Фифи, девушка с длинными волосами.

— А я не слыхала,— тихо ответила Зуйен и придвинула свой стул поближе к корзине с зелеными бобами,— расскажите, пожалуйста, тетушка Ти.

Наступило минутное молчание. Тетушка Ти напрягала память, припоминая старинную легенду. Краешек неба величиной с чайное блюдце за окном загорелся алым пламенем, потом потускнел.

— В дни давние, стародавние, во времена царствования династии Хань¹... в китайских землях...— начала свою повесть тетушка Ти. Голос у тетушки Ти был такой задушевный, родной, что Зуйен сразу вспомнила, как мама ей в детстве рассказывала сказку о Там и Кам. Она смотрела на тетушку Ти широко раскрытыми глазами. Персонажи старинной легенды словно шагнули из китайских земель сюда и, как живые, предстали перед глазами... Удивительное какое-то ощущение... А Фифи вспомнила своего деда. Он рассказывал что-то похожее, когда ей было лет десять. Но только рассказывал он не так искусно, как тетушка Ти. А может, Фифи просто была тогда еще мала и не поняла всего?

Зуйен впитывала в себя каждое слово тетушки Ти, лицо которой совершенно преобразилось. А Фифи машинально продолжала перебирать стручки. Да, конечно, она слышала эту легенду от дедушки. Он рассказывал ее своим внукам: маленькому Кхиему и крошке Нян. А потом дедушка повел внучку в сад сажать деревце. Сад был окружен редким забором. «Всего-то четыре шао² земли»,— сказал дедушка. Много раз он повторял, что живет благодаря саду. В саду созревали сразу и апельсины, и мандарины, и пампельмусы, воздух был напоен ароматом цветущих пампельмусов. Дедушка приколот один цветок к волосам маленькой Нян... И всякий раз, рассказывая сказку о легендарной красавице, дед говорил: «Лицо ее было белым, как цветок пампельмуса».

¹ Хань — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

² Шао — старая вьетнамская мера площади, около 33 м².

Круглый год Нянь слухала пение птиц. В солнечные дни она выходила в сад, рвала фрукты, ловила бабочек и стрекоз. В дедушкином саду росли и манговые деревья, и мангостаны, и хлебные деревья. И вот он решил посадить еще одно дерево — фиговую пальму.

Дедушка поставил деревце в приготовленную ямку и присыпал ее землей. «Дедушка, а когда пальмочка даст плоды?» — спросила Нянь. «Сейчас, внученька, тебе десять лет, а вот когда тебе исполнится пятнадцать, появятся и первые плоды». Дедушка ласково посмотрел на нее. Его седая борода и брови подрагивали. Дедушка невесело улыбнулся: «А как созреют плоды, не забудь положить один перед алтарем предков, где поставят табличку с моим именем».

Теперь наверняка пальма давала бы уже плоды, — ведь Нянь давно исполнилось пятнадцать лет, — если бы американская бомба не угодила прямо в сад. Мать и отец бросили и дом и сад, уехали в город, чтобы спастись от бомб. А девочка, которой дедушка когда-то дал имя Нянь, превратилась теперь в Фифи.

— И отец опять поклонился своей дочери-красавице? Почему он это сделал?

Вопрос, который задала Зуйен, вернул Фифи к действительности.

— Потому что отец преклонялся перед своей дочерью, потому что жил он ради великой цели, а она ради достижения этой цели сумела воспользоваться своей красотой.

— Ну а мы, — Зуйен перестала перебирать стручки и, подняв голову, сдавленным голосом произнесла: — Нам-то не суждено совершить ничего славного...

— Это так-то вы поняли мой рассказ? — Тетушка Ти нахмурила брови. Рассказав девушкам эту старинную легенду, она пыталась исподволь подвести своих собеседниц к определенному выводу...

Фифи оставила бобы и с изумлением поглядела на Зуйен. Никогда Фифи не видела Зуйен такой серьезной. Никогда Зуйен не говорила столь решительно, никогда в голосе ее не звучало столько горечи. Может, эти слова произнесла не она? Может, это она сама, Фифи, нечаянно сказала вслух о том, что переполняло ее душу? Израненную душу... Нет, нет, она ведь никогда не питала ненависти ни к Банг, ни к Тхюи. И ты,

Зуйен, ты тоже, я хорошо это знаю! А ведь можно подумать, будто я ненавижу тебя, ты — их, они — меня... Круг замкнулся. Мы начинаем ненавидеть друг друга из-за проклятых хозяев, из-за вечной нужды, из-за стыда и позора, который нам всем приходится терпеть. Если бы пришел конец позору, голоду и нужде, каждая из нас жила бы под уютной семейной крышей, между нами наверняка установились бы хорошие отношения, у нас появились бы друзья, взаимная привязанность, любовь к родным краям. Ну зачем тогда досаждают друг другу мелочными придирками? Когда мы начнем относиться к себе и к другим по-человечески, кончится и вражда... конечно, кончится. Верно, Зуйен? Почему же мы только сейчас пришли к такой простой мысли? Почему же никто из нас раньше не мог до этого додуматься? Мы и так страдаем, да еще сами усугубляем свои страдания — подличаем, завидуем, лжем...

Словно читая мысли девушек, Ти сказала:

— Ничего, еще не поздно. Важно только, чтобы каждый из нас осознал причину наших бед. И тогда мы поймем, кого надо ненавидеть, а кого любить и жалеть.

— Что вы сказали? — вздрогнув, спросила Фифи.

— Я хочу знать, поняли ли вы, отчего бедствуете всю жизнь? — проговорила тетушка Ти, чувствуя на себе вопросительные взгляды девушек. Нет, спешить нельзя! Тетушка Ти, припоминая все, что сказала сегодня, поднялась с места. — Заговорила я тут с вами и рис забыла поставить на огонь, — проворчала она и направилась к плите. — А сейчас, девушки, вам пора в зал, — тетушка Ти вернулась и взяла корзину с бобами из рук Фифи: — Будет у вас время, забегайте, поговорим, все веселее станет.

Тетушка Ти улыбнулась.

— Идите, девушки, в зал, только много не пейте, — сказала она Зуйен и Фифи, — мы, наемные работницы, так должны себя поставить, чтобы проклятые хозяева не смели делать с нами все, что им заблагорассудится.

И опять эти слова «проклятые хозяева» породили бурю в душе Зуйен и Фифи. Сразу вспомнились и горючие слезы в полночь, и горькое похмелье, и волоса-

тые, потные руки американцев, и первые обжигающие горло глотки вина... и думы о родных, о младших братишках и сестренках... И покинутая родная деревня, и фиговая пальма, с которой девочке Нянь так и не пришлось сорвать плод в день поминовения покойного деда... и бомба, угодившая в сад, и много других бомб, уродующих землю, сжигающих дома, бомб, от которых гибнут люди...

Глава XIII

Мадам Джина воткнула в пышную высокую прическу алую розу и сердито накинулась на девушек, приводивших себя в порядок у огромного зеркала:

— Может быть, вы соизволите объяснить, отчего вот уже два дня Тхюи не появляется в баре и даже не считает нужным объяснить свое отсутствие?

Положив гребень на туалетный столик, Банг хмуро посмотрела на разгневанную хозяйку. А та продолжала:

— Раз уж вы нанялись ко мне, так будьте любезны соблюдать порядок. Кто вам разрешил своевольничать?

Мадам поджала губы и сердито повела глазами.

— Вы себе представляете, какие убытки вы мне наносите, когда отлучаетесь из бара на целый день и развлекаетесь со своими кавалерами на стороне! Сплошное разорение!

Мадам Джина взяла со столика пилку для ногтей и стала подпиливать ноготь на большом пальце.

Оправляя складочки на платье и глядя в зеркало на хозяйку, Зуйен ехидно сказала:

— Почтенная госпожа, я думала, вы и сами догадаетесь, что в тот вечер Тхюи выпила лишнего и до сих пор не может прийти в себя.

— В самом деле? — Мадам Джина бросила на Зуйен злобный взгляд. — Значит, каждый раз, хлебнув лишнего, она будет по два дня, а то и больше валяться кверху пузом и приходить в себя?

— Почтенная госпожа, Тхюи, возможно, действительно валяется и...

Зуйен вызывающе смотрела на хозяйку. Девушки, стоявшие рядом, захихикали.

Мадам Джина раздраженно бросила пилку на туалетный столик и, закинув ногу на ногу, резко обернулась.

— Эй, ты, знай свое место, попридержи-ка язык! — взвизгнула она, и губы у нее задрожали, а лицо побелело от негодования — она заметила, как девушки давятся от смеха и не только лица, но и уши у них стали пунцовыми. — Заруби себе на носу да заодно внуши Тхюи: на работу приходите надо всегда вовремя! Думаешь, мне неизвестно, что сегодня ты опоздала на целый час?

Мадам самодовольно усмехнулась.

— Не надейтесь, что я позволю вам отлынивать от работы, меня не проведешь, я найду на вас управу!

— Почтенная госпожа, — теперь Фифи выступила вперед и заговорила с самым невинным видом, — похоже, и вы пропустили рюмашку! Навестите Тхюи, сами убедитесь, что она до сих пор пьяна, спяну она, чего доброго, еще вам такое выдаст...

— А ну замолчи! Совсем распоясалась! — Мадам Джина вскочила и быстро вышла из комнаты, хлопнув дверью. По кафельному полу звонко застучали ее каблучки. А вслед ей раздался дружный хохот девушек.

— Стало быть, в тот день Джина так к тебе и не явилась? — спросила Банг у Тхюи.

— Нет. Она прислала слугу... Но вовсе не для того, чтобы справиться о моем самочувствии или узнать, почему я не на работе... Вот я сегодня и...

— Это я во всем виновата, — оборвала ее Банг.

— Да причем тут ты? В чем твоя-то вина?

— В чем? — Банг нахмурилась и на минутку задумалась. — Да в том, что я не предупредила тебя, не переговорила с тобой. Я думаю, ты сумела бы постоять за себя.

— Постоять за себя? — Тхюи смотрела на Банг с нескрываемым удивлением.

— Вот именно. Пожалуй, хватит откладывать этот разговор. Настала пора поговорить с тобой о серьезном деле. Только с тобой!

Последние слова Банг произнесла каким-то необычным тоном.

И вообще сейчас она говорила как-то странно, совсем не так, как всегда. И весь ее вид, и выражение лица были необычны. Во всем ее облике чувствовалась твердость и решимость. Да, решимость! Еще четверть часа назад, когда они обе были в баре, Банг казалась совсем другой. Тхюи вопросительно посмотрела на подругу.

— О чем ты хочешь поговорить со мной? Не понимаю...

— А я и не рассчитывала, что ты сразу все поймешь. Но наступает момент, когда человек должен все осознать до конца, раз и навсегда! Должен проявить силу воли! И перестать их бояться! — И Банг добавила еще более твердо: — Если на то пошло, ты и сегодня могла бы не являться в бар. Пробыла бы дома еще несколько дней.

— Еще несколько дней? — изумилась Тхюи. — Ты забыла, что мы работаем по найму?

— Нет, не забыла, но в том-то и дело: раз мы работаем по найму, мы должны твердо проводить свою линию в определенной ситуации.

Обе замолчали, не спеша шагая по улице.

О чем это говорит Банг? На что намекает? Может быть, она хочет сказать, что бывают моменты, когда следует платить хозяевам той же монетой? Она забыла, что ли, как обошлась с Тхюи мадам Жаклин, — ведь Тхюи рассказывала ей об этом! Все эти хозяева на один лад. Вести свою линию — это значит прямо заявить, как в свое время сделала Тхюи, что она не способна воровать? Проводить свою линию — это значит прямо в глаза сказать хозяйке, что она не имеет права оскорблять достоинство тех, кто работает у нее: но ведь именно так она и поступила, когда служила у мадам Жаклин! И к чему это привело? Ее выгнали с работы, лишили крова, пришлось жить буквально на улице и целыми днями таскать воду, чтобы не умереть с голоду. Уметь постоять за себя в определенной ситуации... Как это понимать? Что она могла сделать тогда, когда оказалась в кабале у ростовщицы, мадам Ванг, и должна была спасти больного братишку? Разве могла она каким-либо способом избавиться от уплаты долга? Как

она должна была поступить, когда Банг залепила ей пощечину? Чтобы выплатить долг и не дать брату погибнуть, она вынуждена была поступить в бар. А теперь, выходит, она должна опять бросить вызов хозяйке — не выходить на работу, не обращая внимания на ее брань... Нет, тут что-то не так. Если уж говорить о твердой линии поведения, об умении постоять за себя, то она, Тхюи, пыталась уже постоять за себя. А какой от этого толк! И может, в результате она снова окажется па улице? Выгонят из бара — и кончено дело! И опять придется скитаться в поисках работы и всюду получать от ворот поворот... Да, от горькой правды никуда не скроешься... Перед Тхюи открылся во всей неприглядности пройденный ею короткий жизненный путь — чем дальше, тем хуже, тем больше позора. Тошнотой даже думать об этом. Тхюи закрыла лицо руками, и у нее опять закружилась голова. Что же может быть позорнее, чем ублажать клиентов в баре? Дальше пекуда! А впрочем, что толку терзать себя... Тхюи резко повернулась к подруге. Глаза у нее были злые.

— А теперь послушай, что я тебе скажу, Банг! Я ненавижу все эти далекие от жизни теории! Ненавижу эти красивенькие слова! Ведь если бы я послушалась твоего совета, брату снова пришлось бы голодать, а мне — пойти по миру! — Она с трудом сдерживала ярость.

— Ты меня не поняла, Тхюи, — сказала Банг мягко, вглядываясь в лицо подруги с нескрываемым удивлением. — Не каждую теорию следует отмечать. Не надо пренебрегать теорией, если она указывает нам выход из тупика. Постарайся выслушать меня спокойно. — Банг придвинулась поближе к подруге и крепко сжала ее горячую руку. — Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что будешь делать, если придется уйти из бара? Только говори правду!..

Банг почувствовала, как задрожала рука Тхюи. От волнения? От гнева? От ненависти? А может быть, она возненавидела ее, Банг, за все эти «теории»?

Тхюи молчала.

Мимо них шли люди с усталыми, безрадостными лицами. Казалось, им неуютно в этом мире, как неуютно голодному псу возле остывшего, заброшенного очага.

Одни шли мимо, другие навстречу — усталые, равнодушные, отчаявшиеся...

— А ты сама задумывалась когда-нибудь об этом? — вдруг в упор спросила Тхюи.

— Конечно! Я не зря тебя спросила: мне захотелось узнать, что у нас с тобой общего, сможем ли мы найти общий язык.

— Что у нас с тобой общего? — машинально повторила Тхюи. А потом решительно сказала: — Хочешь знать правду? Очень мало общего! У тебя есть отец, ты живешь с ним под одной крышей. А я... Мне бы только вывести в люди братишку, а там я сама решу, как мне дальше быть... У меня никого нет на белом свете, кроме братишки, никого! Да разве тебе это понять?

У Тхюи снова закружилась голова — от волнения, от обиды, от злости на эту постылую жизнь. Стоит ли дорожить такой жизнью? А может, и в самом деле надо отомстить обидчикам? Что ж, у нее хватило бы решимости! Она готова покончить с такой мерзкой жизнью одним взмахом ножа.

— Знаешь, Банг, я не раз пыталась протестовать, хотела постоять за себя, и теперь сыта по горло этими бессмысленными протестами! Хватит! Каждый раз я терпела поражение. Если бы ты знала, как ненавистна мне эта жизнь, я не могу передать тебе словами, как мне она ненавистна, — сказала Тхюи чужим, изменившимся голосом, от которого у Банг мурашки побежали по спине. Банг показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Отчего это проспект Йен Бай вдруг стал совсем незнакомым, каким-то другим? Все вокруг неожиданно приобрело какие-то теплые, мягкие очертания, словно мгновенно выветрился мерзкий запах, который шел от ящиков с уличными отбросами, исчез тошнотворный запах мускуса, смешавшийся с ароматом духов, запах проституток, которые прохаживались здесь, словно улетучилась вонь от американских бронетранспортеров, ежеминутно пронесившихся по проспекту. Последние слова Тхюи прозвучали в ушах Банг как разрыв снаряда.

Понимая, что сейчас она вряд ли найдет слова, которые сразу дойдут до сознания Тхюи, Банг заговорила тихим, срывающимся от волнения голосом:

— Дорогая Тхюи, твои слова — это крик моей собственной души, ты сейчас высказала сокровенные мысли прежней Банг. Я ведь тоже проклинала эту жизнь самыми последними словами, я ненавидела ее. Разве можно это назвать жизнью? Мерзкое общество, в котором мы живем, изуродовало нашу жизнь, растоптало все наши мечты! Оно загнало нас в тупик, втоптало в грязь, обрекло на позор и унижения! Мы барахтаемся во всей этой мерзости не по своей вине...

— И никогда из нее не выберемся, — мрачно добавила Тхюи.

— Нет, — решительно возразила Банг, — непременно выберемся. Мы отыщем иной путь, впереди нас еще ждут светлые дни.

Тхюи остановилась и изумленно посмотрела на Банг.

— Ты говоришь всерьез? Мы отыщем иной путь? А ты знаешь, где он? Нет его, этого пути, нет!

Тхюи подержала Банг за руку, потом устремилась вперед своей легкой, грациозной походкой, говоря на ходу:

— Никто на свете не может мне помочь... Никто... кроме... кроме моих родителей, если только они когда-нибудь вернутся сюда, чтобы вытащить меня из этой грязи. Только в них я и верю! Кстати, ты знаешь, где они? — Тхюи наклонилась к уху Банг, хотя до этой минуты она говорила достаточно громко, не обращая внимания на любопытные взгляды прохожих.

— В самом деле, где твой отец, Тхюи?

— На той стороне!

Банг всегда считала, что ее жизнь невыносима. Но жизненные невзгоды Тхюи так глубоко ее потрясли, что она поняла: на долю Тхюи выпали куда более тяжкие испытания.

Было уже далеко за полночь, братишка Ты давно спал, а Тхюи все еще тихонько рассказывала подруге о своем прошлом. Иногда она вдруг замолкала на полуслове, вперив взгляд в пустоту. В такие мгновения Банг с трудом превозмогала себя, ее душил гнев и нестерпимая обида за подругу, за себя... Слушая Тхюи, она все больше изумлялась. Да, жизнь Тхюи очень отличается

от ее собственной. Когда Тхюи появилась у них в баре, Банг почему-то сразу почувствовала к ней расположение, ибо было в этой девушке что-то притягательное. Банг хотелось протянуть ей руку помощи — ведь она столько горя вынесла, — хотелось поближе узнать ее, потому что было в ней что-то от самой Банг.

Сначала Тхюи рассказала, как они разлучились с отцом, потом об аресте матери, затем о том, как они с братишкой оказались на попечении старой, бедной тетушки Зьеу. Рассказала и о том, как боялась, что ее мучители расправятся с нею и братом, о несправедливом обвинении в доме мадам Жаклин, о том, как они с братишкой спали на тротуаре под чужими окнами... В ее памяти оставил неизгладимый след нечаянно подслушанный разговор художника с женой, настоящего мастера, ставшего ремесленником, малюющим рекламные плакаты. Затем она рассказала о своем разговоре с директором школы и о том, какой испытывала страх перед ростовщицей Банг. Потом — поступление на работу в бар. Хорошая тетушка Нам.

Все, что пришлось пережить Тхюи, было похоже на кошмарный сон. Банг в ужасе застонала, она подумала, что ее собственные беды не идут ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить Тхюи. Она, Банг, вовсе не так несчастна, пожалуй, в чем-то даже удачливее. У нее жив отец, он присматривает за младшим братом, есть верная старшая подруга — тетушка Ти, благодаря которой отыскать путь в революцию оказалось не так уж сложно! А Тхюи — совсем другое дело... Если все, что рассказала Тхюи, правда, то она, Банг, живет, мыслит и сохранила веру в будущее лишь благодаря жертвам, на которые пошли родители Тхюи и многие другие — такие же, как они. И она чувствует какую-то вину перед такими, как Тхюи и ее братишка, перед другими несчастными, хвавшими лиха. Что она должна сделать, чтобы искупить перед ними свою вину, чтобы быть достойной их? Что она должна сделать, чтобы умерить непроходящую душевную боль Тхюи? Тетушка Ти, придется нам поразмыслить над этим...

Тетушка Ти не забыла о разговоре с Банг, да и не могла забыть, потому что Банг была не единственная,

кто обращался к ней с такими вопросами. Она великолепно понимала настроение девушки; еще бы ей не понять ее. Когда Ти было всего девятнадцать, ее бросили в тюрьму, и как только ее выпустили, она включилась в подпольную работу. Ей давали поручения, она выполняла их, и, хотя она работала с горячей увлеченностью, ей все казалось, что этого мало, и она бралась за новые и новые поручения. Порой наступали моменты, когда силы были уже на пределе, особенно когда она узнавала о гибели товарищей по борьбе. Но она знала: сдаваться нельзя, надо продолжать начатое дело, враг не уйдет от возмездия, погибшие должны быть отмщены! Как ей было понятно волнение Банг, как был понятен злой, колющий блеск ее глаз, когда она потребовала дать ей новое задание, рассказав историю Тхюи...

Тетушка Ти назначила Тхюи встречу после полудня — на берегу моря. Здесь было удобнее всего поговорить наедине. Тетушке Ти хотелось разобраться во всем, выслушать Тхюи, не опасаясь чужих ушей и докучливых окриков хозяйки.

Тхюи, подружившись с Банг и общаясь с нею уже целый месяц, стала разбираться в таких вещах, о которых она раньше и понятия не имела. Вчера Банг наконец перестала говорить намеками и сказала напрямик: «Наш враг — захватившие нашу страну американцы, и с ними-то в первую очередь надо бороться!»

Но как бороться с американцами? Кто научит ее этому? Тхюи набрала пригоршню морского песка и, пропуская его между пальцами, настороженно посмотрела на тетушку Ти.

— Да, ты поняла правильно, — ответила на ее взгляд тетушка Ти, поправляя коричневый шарфик, — и объясни, пожалуйста, брату: если случится так, что тебе не удастся дотянуть его до второй ступени, пусть не огорчается — наступит время, когда он сможет сам и работать и учиться. Тогда все будет зависеть от него самого: захочет учиться — будет учиться, а сейчас не стоит устраивать горячку и заставлять его прыгать через класс.

— Да разве я допущу, чтобы он не доучился до второй ступени? Этому не бывать, этому может поме-

шать лишь одно: моя смерть. Пока я жива, я не допущу, чтобы разбились его мечты...

Тхюи словно разговаривала сама с собой, задумчиво глядя в сторону рыбацкого поселка.

Этот рыбацкий поселок стоял не на отшибе, как другие поселки рыбаков, а был как бы продолжением города. По сторонам дорожек, ведущих к берегу моря, росли грациозные стройные филао¹.

— Ты когда-нибудь мечтала и всегда ли сбывались твои мечты? — спросила тетушка Ти.

— Мечтала ли я? Не надо об этом спрашивать! Не надо! — Тхюи зажала песок в кулачке и зло повторила: — Не надо меня об этом спрашивать. Я не хочу даже говорить о том, что называют счастьем, я не хочу этого знать! Все мои мечты, все мое счастье — это мой братишка! Я живу его мечтами и хочу, чтобы они сбылись... А я... я неудачница, я достаточно хорошо усвоила, что не имею права на свои собственные мечты, пусть даже крошечные. Иногда я мечтаю о том, что я позову: «Отец! Мама!» — и родители откликнутся. Но я знаю, этому не бывать...

Тхюи печально вздохнула, погрузив ногу в морской песок.

— Я вижу, ты во всем разуверилась!

— Да нет, я просто говорю, что думаю. Ведь так оно и есть на самом деле. Раньше и у меня были свои мечты, свое представление о счастье, хотя, говорят, путь к счастью тернист.

— От кого ты услышала это?

Тхюи задумалась. От кого она услышала эти слова? В наступивших сумерках стал отчетливее шум моря. Со стороны залива доносились людские голоса. И зачем тетушке Ти знать, от кого она впервые услышала эти слова?

— От кого? От моего друга, хорошего, настоящего друга... Он говорил, что путь к счастью очень, очень труден, что... Но сам не побоялся вступить на этот путь...

И море и небо, минуту назад казавшиеся темными, как листья апельсиновых деревьев в середине лета,

¹ Морская сосна.

вдруг, словно припудренные тончайшим слоем светло-зеленой пыли, посветлели, предвещая звездную ночь и погожий день. Подул прохладный ветерок.

— ...Так говорил мне мой друг, — задумчиво повторила Тхюи, точно взвешивая каждое слово.

Тетушка Ти молча слушала.

— Разве то, о чем я говорю, совершенно непонятно? — спросила Тхюи. — Разве вы не знаете, что это за путь?

Девушка снова взяла пригоршню морского песка и, пропуская его между пальцев, тихо сказала:

— Я совсем забыла, вернее, не успела сказать... — Тхюи положила руку на плечо тетушки Ти. — Я не успела сказать, что этот путь избрали мои родители!

Тетушка Ти замерла, молча глядя на Тхюи. По морю бежали серо-зеленые волны. На мокром песке был отчетливо виден след креветки.

«Нужно узнать поподробнее, о чем они говорили с Банг. Надо еще раз поговорить с Банг. А вдруг окажется, что родители Тхюи вовсе не на той стороне, что они вовсе не кадровые работники? Как быть тогда? — подумала тетушка Ти, но тут же мысленно ответила на свой вопрос: — В конце концов неважно, кто ее родители, — важно, что думает она сама. И все же надо бы навести справки о ее семье, о ее знакомых... Тогда станет яснее, можно ли на нее рассчитывать».

Тетушка Ти припомнила, о чем ей рассказывала Банг. Та использовала любой повод, чтобы поговорить с Тхюи. Прежде чем привлечь в подпольную организацию нового человека, надо пробудить в нем чувство патриотизма, помочь увидеть истинного врага и осознать цели борьбы. Выслушивая раздраженные, полные отращения к ее нынешней жизни речи Тхюи, Банг рисовала ей картины совершенно иной жизни. И делала она это постепенно, не спеша. Они часто встречались с Тхюи в течение последнего месяца. И только во время последней беседы Банг наконец прямо сказала: наш враг — захватившие нашу страну американцы, и с ними в первую очередь надо бороться.

— Почему же ты раньше говорила мне, что твои родители умерли, когда ты была совсем маленькой? — спросила тетушка Ти, заглянув в глаза Тхюи. Ей нуж-

но было услышать четкий и ясный ответ, который от-
мел бы недоверие и настороженность.

— Просто я привыкла всем говорить одно и то же! — сказала Тхюи спокойным, глухим, но твердым голосом.

— А почему же тогда сегодня ты сказала мне совсем другое о своих родителях?

— Почему? — голос Тхюи стал еще тверже. — Да потому, что я должна была сказать вам правду, чтобы узнать правду от вас: действительно ли путь, избранный моими родителями, это путь к счастью для меня и для других?

«С кем-то она уже говорила об этом... Чьи слова она повторяет? Или это после беседы с Банг?» — думала тетушка Ти.

— Это действительно так? — снова спросила Тхюи, нетерпеливо теребя тетушку Ти за плечо. — Ответьте мне!

— Каждый человек должен найти свой путь. Но это зависит от того, хватит ли у него мужества, силы воли, способен ли он жить в постоянном напряжении...

— Хотя я еще не до конца понимаю, почему именно этот путь — единственно верный, я хочу вступить на него, — перебила Тхюи тетушку Ти. — Я хочу пойти по пути, избранному моими родителями.

— А ты не боишься, что эти твои слишком откровенные признания могут привести к тяжелым последствиям? — спросила тетушка Ти, глядя на Тхюи изумленным взглядом.

— Это я-то боюсь?! — Тхюи резко выпрямилась. — Ничего я не боюсь. Я ненавижу общество, в котором живу, ненавижу всей душой! Это оно втоптало меня в грязь, раздавило! — глаза Тхюи горели гневом. — В этом мире у меня нет близких людей, только мать и отец любили меня и были мне по-настоящему близки... Но их нет сейчас рядом...

Тетушка Ти поднялась, увлекая девушку за собой. Сабо Тхюи увязали в морском песке.

— Я ведь девица из бара, — голос Тхюи перекрывал шум волн, — и меня все равно заставят сделать еще один шаг, последний шаг к полному бесчестью, не так ли? Мне осталось только еще стать проституткой! И никого моя судьба не интересует, она в руках мадам Джинь, которая в один прекрасный момент, когда ей будет

нужно, толкнет меня на этот последний шаг! Но до этого никому нет дела — ни властям, ни полиции! — Тхюи гневно смотрела на тетушку Ти, словно перед ней была сама мадам Джина, и это невидимое правительство, и эта полиция.

Волны гулко били о берег, в открытом море качались белые паруса рыбацких лодок. Откуда-то донесся хриплый гудок парохода. Море уже не казалось приветливым, оно сердито хмурилось, покрытое барашками белой пены...

— Я ничего и никого не боюсь! Ничего и никого! Я только не хочу стать недостойной своих родителей!

— Нет, Тхюи, ты можешь стать недостойной их, если тебя засосет это вонючее болото.

— А вы считаете, что оно меня еще не засосало? — Тхюи остановилась. — Ах, как бы я хотела научиться разбираться в жизни! — с тоской сказала Тхюи.

Последние слова девушки заставили тетушку Ти снова до мельчайших подробностей припомнить свой недавний разговор с Банг. Судьба Тхюи не слишком отличалась от жизненных судеб ее сверстниц, однако в характере этой девушки чувствовалось что-то необычное, какая-то особая сила! Как меняется Тхюи в минуты гнева, сколько силы в этой хрупкой фигурке, сколько твердости в блеске глаз! Выражение глаз у нее в такие моменты совершенно меняется. С какой ненавистью смотрела на нее Тхюи минуту назад, когда говорила о мадам Джине, о равнодушии властей к судьбам бедняков... Да, эта девушка умеет ненавидеть!

— О своей жизни ты не должна никому рассказывать, — сказала тетушка Ти, понизив голос. — Никто, кроме меня, не должен знать...

Следы на песке становились еле различимы. Темное море грозно шумело. Трудный это был разговор. Но тетушке Ти не впервые приходилось вести такие беседы. На небе зажглись звезды, казалось, они с любопытством прислушивались к голосам двух женщин, и бледная луна тоже слушала их. История, которую поведала Тхюи, была историей жизни простой девушки, бесхитростной, невыдуманной. Здесь все было правдой — от начала до конца. Когда тетушка Ти услышала имя капитана Хюйена, она вздрогнула. За секунду до того, как Тхюи произнесла это имя, она уже догадалась,

о ком пойдет речь. Ей вдруг почудилось, будто ряды филао разом сдвинулись и встали стеной. Тусклые огни, светившиеся впереди, вдруг почему-то напомнили об облавах, которые устраивала на подпольщиков полиция. Ти казалось, что враги приближаются, обступают со всех сторон. Она вспомнила капитана Хюйена, этого годовореза, что как бешеный пес рыскал по деревням, выискивая жертвы, главным образом женщин и девушек. Этот капитан, обосновавшийся в Виньдьене, пользовался в те годы неограниченной властью. Капитан Хюйен и американский советник считали вьетнамцев бессловесной скотиной, над которой можно безнаказанно измываться. Это он, капитан Хюйен, в пятьдесят седьмом году вогнал ей под ногти десять игл. Это он, отправляясь однажды утром в католический храм, приказал сварить в кипятке девочку, поучая при этом свору своих подручных: «Вы, кажется, удивлены, младший лейтенант? Так вот, вам надо смотреть на такие вещи ради утоления ненависти, беспощадной ненависти к вьетконговцам! Понятно? Если солдат Вьетнамской республики не умеет ненавидеть вьетконговцев, он никогда не попадет в цель! А коли так — грош ему цена! Пока не попробуешь их мяса, не докажешь свою ненависть к ним! — Капитан Хюйен омерзительно засмеялся и продолжал: — Но только помните, что мясо женщин вкуснее мужского и что особенно хорошо идет печенка¹ под пиво!»

И он действительно заставлял солдат отведать человеческой печени. Об этих жутких, омерзительных трапезах знал весь городок Виньдьен. Капитан Хюйен приказывал сушить на солнце отрезанные человеческие уши, как сушат рыбу, утверждая, что это отличная закуска к пиву, особенно в сочетании с таким деликатесом, как мясо летучих мышей, которых солдаты по указанию Хюйена отстреливали на башне Банган и поджаривали на углях.

«С именем капитана Хюйена у всех связаны кошмарные воспоминания. Подумать только, несчастная Тхюи побывала в лапах этого отъявленного садиста! Ка-

¹ В древности во Вьетнаме существовал обычай съедать печень только что убитого врага, по поверью, это должно было придать войну мужества. Сохранилось выражение «съесть печень врага», что означает «отомстить врагу».

ково же ей пришлось, даже представить страшно!..» — думала тетушка Ти.

Тхюи рассказывала о самых страшных днях своей жизни, а тетушка Ти, внимательно слушая ее, вдруг вспомнила Винь Ко. Если бы не помощь одпосельчан, поддерживавших связь с революционной базой, если бы эта связь вдруг по каким-либо причинам не сработала, Винь Ко остался бы совсем один и, как знать, чем все это кончилось бы для него... Страшно подумать, что могло бы с ним произойти, будь он не парнишкой, а девчонкой и оказался на месте Тхюи!

Море грозно шумело, словно проклиная свору извергов, жрецов насилия, разрушения, лжи и предательства. Не только Тхюи ненавидит их: вся страна, весь народ уже вынес им приговор. Тхюи — их жертва и живой свидетель их страшных преступлений. И каждая новая жертва — это свидетель. Морские волны пенились у берега, вода то отступала, то с грохотом обрушивалась на него. Во имя великой цели люди идут на жертвы. Родители оставляют детей и уходят на фронт бить врага, но ведь не обязательно каждый участник освободительного движения должен идти на жертвы подобного рода — все зависит от конкретной ситуации, конкретных условий, а они бывают разные... Тетушка Ти готова была прижать к своей груди всех обездоленных, ей хотелось обнять Тхюи, приласкать ее. Сердце Ти разрывалось от сострадания к этой девушке, так много пережившей, но она сдержалась и продолжала молча шагать рядом с Тхюи.

По указанию руководства подпольного движения тщательно проверялись люди, которые могли бы быть привлечены к работе.

«А что, если Тхюи все-таки не дочь кадровых работников? Что тогда?..» — снова и снова задавала себе тетушка Ти все тот же вопрос.

— Послушай, Тхюи! — мягко сказала она, повернувшись к девушке, — что это за друг, с которым ты делилась своими сокровенными мыслями?

Тхюи вздрогнула, но сделала вид, что не расслышала вопроса.

— Ты не можешь мне об этом сказать? — продолжала тетушка Ти.

— Нет! Не могу! Я не могу назвать его имени!

— Ну, а если мне очень пужно это знать?

— Очень нужно знать? — Тхюи резко обернулась к тетушке Ти и, нащупав в темноте ее плечо, сказала извиняющимся тоном: — Тетушка Ти, возможно... возможно, я огорчу вас, но я не виновата, я не могу поступить иначе...

— Но я должна знать его имя, мне надо знать, с кем ты говорила о таких вещах!

— Вы даже не представляете себе, тетушка Ти, сколько я всего передумала за последний месяц! Но могу лишь одно сказать: мой друг — очень, очень порядочный человек, он так хорошо ко мне относился, и я должна отплатить ему тем же...

— Но почему я должна верить, что это действительно порядочный человек? Может быть, ты говорила с майором Дорисом?

— Тетушка Ти! — сказала Тхюи дрогнувшим голосом и даже отшатнулась. — Да как же могла я говорить о таком с этим Дорисом! Разве это возможно?!

— Да, вряд ли... — согласилась тетушка Ти. — Майор Дорис говорит с тобой лишь о своей любви.

Тетушка Ти быстро зашагала вперед, Тхюи нагнала ее и пошла рядом.

— Нет. Дорис никогда не говорил мне о своей любви, — торопливо заговорила она, словно оправдывая майора.

— Да ну?! — Тетушка Ти пошла медленнее. — Неужели майор Дорис никогда не изливал тебе своих чувств, не пытался соблазнить тебя, позвать к себе домой, например?

— Нет, никогда.

— И никогда не просил тебя о свидании?

— Нет, ни разу! А почему вы спрашиваете об этом? Неужели вы все-таки думаете, что друг, о котором я говорила, — это Дорис!

Нет. Тетушка Ти вовсе не думала этого. Она думала о том, как добиться, чтобы Тхюи поняла ее?! Полы их платьев соприкасались, морской ветер ласково обвеивал лица. У этой девушки такие правдивые, такие чистые глаза... Нет, нельзя сомневаться в ее искренности...

— Тхюи, твоя история очень меня взволновала. Не знаю, какие слова я должна тебе сказать, пойми только, что я очень тебе сочувствую и очень тебя ценю...

Тетушка Ти почувствовала, как задрожала в ее руке рука Тхюи. Ничего, бывают моменты, когда трудно, просто невозможно скрыть свои чувства. Как хорошо, что Тхюи после всего пережитого сохранила способность глубоко чувствовать. Она умеет по-настоящему ненавидеть и по-настоящему любить...

— Каждому хочется иметь свой дом, семью,— продолжала тетушка Ти,— каждому хочется быть рядом со своими близкими, заботиться о них... но наступает пора, когда во имя высокого долга приходится жертвовать не только любовью, но даже своею жизнью, когда приходится отказываться от всего личного, подчиняясь велению долга...— тетушка Ти немного помолчала, а потом пояснила:

— Именно так и поступили твои родители, когда расстались с вами. Приведет ли путь, избранный ими, к счастью? Не знаю, что ответить на этот вопрос, но одно я знаю твердо — надо бить врага. Если хочешь счастья, прежде всего надо быть свободным. Только свободный человек по-настоящему дышит полной грудью, живет, трудится, любит... Раньше я боролась с французскими колонизаторами, потому что понимала: пока на нашей земле распоряжаются захватчики, они будут сеять смерть и страдания, дети будут жить в разлуке с родителями, жены — с мужьями, людей насильственно лишат крова, цветущие поля и сады придут в запустение. И сегодня те, кто вступил на путь борьбы с американо-капскими агрессорами, рассуждают в точности так же! Я сама не очень хорошо разбираюсь в некоторых вопросах и не могу сказать, какой путь приведет к счастью тебя и других, ты это узнаешь от своих настоящих друзей.

Тхюи глубоко задумалась. Узнает от своих настоящих друзей!.. Но если тетушка Ти еще не во всем разбирается, то как разберется она, Тхюи? А Кхиет? Мог бы он ей помочь? Нет, не нужно раздумывать над тем, приведет ли к счастью именно этот путь, для нее главное — другое: по этому пути пошли ее родители. Сбудутся ли мечты братишки Ты? Она вдруг вспомнила, как в свое время мечтала лишь о том, чтобы ее не оскорбляли, не били, чтобы в нее не стреляли... Вспомнила тот вечер, когда сидела на бревне возле дома тетушки Зьеу,— тот вечер, когда братишка Ты наивно решил, что

с уходом из дома тетушки Зьеу кончатся все их страдания. Сама Тхюи так не думала, она видела весьма мрачную перспективу. Она отдавала себе в этом отчет, но выбора у нее тогда не было.

Тетушка Ти молчала, а Тхюи напряженно думала. Почему она избрала этот путь? Ради брата? Неужели только ради брата? Под ее деревянными сабо хрустела прибрежная галька. Ветви филао, слегка подрагивая, шелестели, и шорох этот был словно таинственная, волшебная музыка...

Но если не суждено сбыться ее мечтам, мечтам ее братишки, то был ли смысл ее родителям избирать этот путь? Она вспомнила, что сказала ей Банг месяц назад, вспомнила, словно это было вчера: «Наступит время иных духовных ценностей. У каждого будет работа, у каждого будет право выбора профессии, каждый сможет получить образование, добиваться исполнения своих сокровенных желаний».

И весь этот месяц, что прошел с того памятного разговора, Тхюи не находила себе места, потеряла сон и аппетит. Она все думала о том, что сказала Банг.

Надо бороться с врагом, чтобы обрести свободу, так говорит тетушка Ти. А враг — американские захватчики, это ясно. Но в чем ее собственное счастье? В этой борьбе за свободу?

— Тетушка Ти, а если я уже узнала обо всем от своих настоящих друзей, что тогда?

Задавая этот вопрос, Тхюи как бы хотела подчеркнуть, что уже приняла решение. Она почувствовала, как от волнения пересохло в горле, зазвенело в ушах и этот звон словно сливался с волшебной музыкой, приносимой ветром с ветвей филао...

— Тогда пора принять решение, — слова тетушки Ти прозвучали, как заключительный аккорд волшебной мелодии. — Когда стоишь на пороге новой жизни, никто не может принять решение за тебя.

Винь Ко выехал из Дапанга в Хюэ по срочным делам. Он намеревался покончить с делами утром, а вечером обязательно встретиться с Кхиетом. Может быть, придется вовсе отказаться от сна, зато он поговорит по душам с другом. Винь Ко никак не мог примириться

с тем, что люди почти треть жизни тратят на сон, что слишком мало времени остается на то, что доставляет радость, — например, на встречи с близкими друзьями.

Он прибыл в Хюэ с опозданием на два часа — уже после того, как вышедшие на демонстрацию протеста студенты и учащиеся сожгли чучело генерал-майора, председателя центральной судебной-исполнительной комиссии, и чучело генерал-лейтенанта, председателя нынешнего государственного совета, опоры политического строя. Все это произошло у пристани Тионгзыонг, прямо напротив здания радиостанции.

Винь Ко знал, что в последние дни жители Хюэ, особенно молодежь, активизировали антиправительственные выступления, город буквально бурлит, борьба принимает все новые формы. Все это напомнило Винь Ко о былых днях, и ему не терпелось снова окунуться в атмосферу этого города. На душе было тревожно.

Выйдя из автобуса, он быстро зашагал прочь от автобусной станции, стараясь заглушить тревогу и мучительную душевную боль. Нельзя так распускаться! Он шел по тротуару с левой стороны. Надо сохранять твердость и мужество — чтобы пройти до конца длинный, трудный путь, сейчас не время предаваться горестным раздумьям.

Полуденная жара давно спала, близились сумерки. В апреле Хюэ выглядит каким-то помолодевшим, приветливым. Винь Ко кратчайшим путем прошел к дому, где жил Кхиет. Светло-лиловые цветы, украсившие тамариндовые деревья на проспекте Фан Нгу Лао, приятно ласкали взор. Над головой пролетела стайка выпей, издавая своеобразные, до боли знакомые крики. Стайка выпей скрылась где-то за хутором Линьсуан. Завтра утром он съездит туда. На хуторе живет тетка Тхюи, от нее он должен получить ценные сведения.

Когда Винь Ко наконец разыскал дом Кхиета, того не оказалось дома. Его встретили два подростка, мальчик и девочка, которые называли себя: Нгуен и Хюнг. Они объяснили, что Кхиет ушел из дому несколько минут назад и не сказал, когда вернется. Мальчик рисовал каких-то диковинных жуков, он старательно затушевывал черным карандашом спинку, голову и крылышки

жука. Девочка решала задачки. На этажерке Кхиета по-прежнему стояли книги по медицине, они занимали отдельную полку, на другой полке была художественная литература на вьетнамском и иностранных языках. Книжки в старых переплетах, но аккуратно подклеенные, стояли попеременно с только что переплетенными книгами в мягких коленкоровых обложках. В стороне лежали Камю, Сартр...

— Ладно, занимайтесь! Я пойду. Немного погодя зайду еще раз, — сказал Винь Ко.

Дети проводили его до ворот. В апреле ночи в Хюэ светлые. Воздух напоен ароматом — особым ароматом, присущим только Хюэ. Он был очень хорошо знаком Винь Ко. Это и запахи ночных цветов, пышно распускающихся в садах с наступлением темноты, и запах цветущих бананов, блестящие продолговатые листья которых издают характерный шорох, это и болотный запах прудов, в которых разводят водяной вьюнок¹, и запах спелого риса, смешанный с запахом бобов, которые где-то готовят на ужин. В апреле цветут арековые пальмы, их высокие кроны грациозно покачиваются в высоком, чистом небе, распространяя сладковатый аромат. Об этом времени года говорят: «Весна согреет яйцо, а лето выведет цыпленка». Всеми этими знакомыми запахами Винь Ко наслаждался вдоволь, бродя по кварталу, где жил его друг. Дом, в котором Кхиет снимал комнату, находился на улице Нгуен Конг Чи, неподалеку от рынка Кон. Говорят, на этой улице живет известная журналистка, она получила образование за границей. У нее открытый салон, время от времени она публикует статьи, которые критика относит в разряд лучших образцов публицистической литературы.

Винь Ко шел вдоль берега Ароматной реки, утратив представление о времени. Очарование вечера уже прошло, оставив в душе легкую грусть, и хотя до наступления утра было еще далеко, все вокруг уже наполнилось настороженным ожиданием утреннего пробуждения, утренней суматохи.

Поскольку рядом не было Кхиета, Винь Ко мысленно беседовал с Ароматной рекой. Он говорил о своих чув-

¹ Особый вид водяного вьюнка чрезвычайно распространен во Вьетнаме и употребляется в пищу как в сыром, так и в вареном виде.

ствах, о своей любви к родному краю. Нет, без Кхieta плохо, надо возвращаться назад, непременно нужно увидеться с другом.

Глава XIV

Стайка мальчишек с увлечением гоняла по футбольному полю туго падутый мяч. На одних ребятах были рубашки, другие бегали в одних штанишках. Некоторые мальчишки щеголяли новенькими спортивными теннисками с померами на спине, у других на стареньких, мятых рубашонках пестрели разноцветные заплаты. У всех раскрасневшиеся, возбужденные лица. Мяч метался из стороны в сторону, поддаваемый ногами футболистов: длинными и короткими, худенькими и крепкими... Широко открытые рты, жадно ловящие воздух, взрывы хохота, звонкие, веселые крики.

— Ой, ой, смотрите! — крикнул кто-то из ребятшек, и все разом повернули головы в одну сторону: к футбольной площадке медленно подъехали сначала два бронетранспортера, отравив воздух удушливым запахом гари и оставив за собой на земле безобразный след, а за ними три грузовика, на которых громоздились горы туго набитых мешков. Первые машины резко затормозили. Двое парнишек, которые кинулись за мячом, чуть было не растянулись возле самого бронетранспортера, напуганные грубым окриком одного из солдат, выскочившего из машины:

— А ну, хулиганье, убирайтесь отсюда!

Другой солдат добавил:

— Перебирайтесь-ка на другое место, впрочем... можете остаться здесь!..

— Можете остаться здесь... — машинально повторил кто-то из ребят. Удивленно переглядываясь, мальчишки отошли подальше. На землю полетели мешки с песком, с глухим звуком шлепаясь один на другой. Один из солдат открыл кузов грузовика, вывалив из него гору песка. В эту минуту подкатил зеленый джип. Громко стукнула дверца кабины. На землю полетели толстые железные цепи, потом цепи потоньше, припаянные к железным столбам. Груда цепей и столбов росла. С гро-

хотом упали два здоровенных железных столба, окрашенных в черный цвет. Лязганье железа становилось нестерпимым, и детишки отступили подальше, удивленно тараща глаза. А солдаты с непропицаемыми, каменными лицами как ни в чем не бывало занимались своим делом.

Ребятишки песмело переговаривались между собой.

— Зачем они свалили песок прямо на футбольное поле?

— Почему они сгружают и просто песок, и мешки с песком, цепи да еще железные столбы?

— А может быть, они собираются перестраивать стадион? Хотя разве морской песок используют для цемента? Мой отец штукатур, он говорит, что строительный песок — речной, он должен быть чистым...

— А как же завтрашний футбольный матч? Ведь на эту игру собирались прийти наши родители! — Ребята недоуменно следили за происходящим. Несколько мальчишек топтались около горы мешков с песком, которая в мгновение ока выросла в углу футбольного поля. Ребята косились на оставшиеся незаполненными квадраты и перешептывались. А тем временем прибыло пополнение — такие же любопытные мальчишки, — собралась целая толпа. К ребятам присоединились рикши, которые оказались незанятыми в этот момент. Уличные торговки, устроившись со своими корзинами и коромыслами на тротуаре поблизости, тоже с интересом наблюдали за действиями солдат на футбольном поле, обмахиваясь остроконечными шляпами и прикрыв на всякий случай круглые корзины плетеными крышками.

— Позвольте прикурить! — высокий рикша с глубоко посаженными глазами, вытащив из-за уха недокуренный окурок, обратился к стоявшему рядом с ним мужчине, дымившему сигаретой. Тот с напускным безразличием бросил детворе:

— И чего уставились! Неужели никогда такого не видели? Нашли чему удивляться! Такие времена теперь пошли, что сегодня не знаешь, будешь ли жив завтра. Прожил день — и ладно, и на том спасибо... — Мужчина выпустил колечко дыма и дал прикурить рикше.

Детвора между тем стала расходиться.

Мужчина с досадой сказал:

— Вот ведь что страшно: приговорят кого-нибудь к смертной казни — у всех это вызывает интерес на какое-то время, и только. К тому, что аресты, пытки, ссылки, смерть стали самым обычным явлением, вроде бы все уже привыкли, даже удивляться перестали!

Мужчина расстегнул ворот рубашки и, достав старый веер, стал раздраженно обмахиваться.

— Вы читали утренние газеты? — вдруг спросил он у стоявшего рядом рикши.

— Читал, — ответил тот глухим, усталым голосом, доставая газету, — но что-то не обнаружил ни одного сообщения о следствии или о том, что кого-то приговорили к смертной казни!

— Какие там суды и следствия! Профанация! Все эти судьи да адвокаты, все эти правители — все они заодно! Что хотят, то и творят, сегодня заявляют одно, завтра совсем другое, слова у них постоянно расходятся с делом, разве можно им верить! Иногда, правда, газетчики делают вид, будто печаянно проболтались, и тогда всем становится известно, что сегодня власти посадили за решетку того или иного человека, а завтра им потребуется расправиться с другими — так создается видимость гласности, и одновременно нас как бы предупреждают: поостерегитесь, а то все может случиться, можешь остаться в живых, а можешь и на тот свет угодить...

С этими словами мужчина взял газету из рук своего случайного собеседника.

Лоточницы издали наблюдали за происходящим, недоуменно переглядываясь. Что здесь происходит? Собираются казнить кого-то? Отовсюду несутся слухи о каких-то расследованиях, арестам нет конца. Недавно, говорят, арестовали какого-то отчаянного парня-студента, который пытался пронести взрывчатку в гостиницу для американского высшего командного состава... Быть может, власти решили публично казнить здесь как раз этого студента? С тех пор как его арестовали, полиция усилила охрану и принимает всевозможные меры предосторожности! А эти американцы! Будь прокляты предки этой погани, растоптавшей нашу страну, обрушившей на нее столько зла, столько бедствий. Разве это их страна? По какому праву они суют нос в наши дела? Воп разгуливают по улицам, мерзкие твари! У одних

рожи красные, будто петушинные гребни, у других черные. И волосатые все, словно гиббоны или орангутаны. Носы крючковатые, а морды прямо собачьи... Неужто там, у себя, они голодают? Нет, не с голодухи грабят они чужую страну! А с ними заодно и свора потерявших стыд закоренелых проходимцев, продающих свою страну! А ведь одного с нами роду-племени, но вот до чего докатились! Готовы живьем проглотить кого угодно, только бы набить карман! Будь они все прокляты! Так и хочется взять деревенские женские портки да и накинуть на башку этого председателя государственного совета — может, она хоть немного просветлеет от такого позора!

А тем временем на стадионе Тиланг люди с каменными лицами и повадками профессиональных палачей, которым не терпится продемонстрировать свое мастерство, продолжали деловито разгружать бронетранспортеры, готовя арену для кровавого зрелища.

Жители Дананга, которые еще вчера волновались, недоумевали, наблюдая за этими приготовлениями, сегодня снова пришли сюда и столпились у ворот стадиона, ожидая начала футбольного матча, хотя многие из них никогда раньше не интересовались футболом.

Число зрителей росло. Здесь были и пожилые люди, и молодежь — юноши и девушки, нетерпеливо проталкивавшиеся сквозь толпу. Но в отличие от прежних дней, когда люди приходили сюда просто посмотреть футбольный матч, сегодня лица их были озабочены. Все то и дело поглядывают на цепи и железные столбы, на груды мешков с песком, сваленные на краю футбольного поля. Смех звучит сегодня как-то некстати, как-то неестественно, резко раздаются рукоплескания, хотя футболисты играют азартно, удивляя зрителей неожиданными, точными ударами.

Кхиет пришел на стадион, чтобы встретиться с Винь Ко. У них был такой уговор. Кхиет приехал в Дананг сегодня утром, чутье подсказало ему, что здесь назревают крупные события. Нужно обязательно встретиться с Винь Ко, чтобы разобраться в ситуации. Враги в панике, они напуганы стойкостью патриотов, и особенно недавними выступлениями молодежи, студентов и учащихся — их не удастся сломить никакими репрессиями и арестами, никакими пытками. Черт возьми! В толне

Кхиет увидел знакомую рожу с очень узенькими раскосыми глазами и темными, потрескавшимися губами и с досадой подумал: «Эта скотина уже тут как тут!» Этот тип раньше учился вместе с Кхиетом в институте, потом исчез. Говорили, будто он поступил в государственное военное училище в Дананге, а теперь разгуливает в полицейской форме! Заметив, что полицейский нарочно косится на него, Кхиет сделал вид, будто смотрит на часы. Какой-то старик очень кстати заинтересовался, который час.

— Двадцать минут пятого, — спокойно ответил Кхиет и юркнул в толпу. Тут как раз закончился первый тайм, и футболисты пошли отдыхать. Горячий ветер обдавал собравшихся на стадионе своим тяжелым дыханием, по лицам зрителей струился пот. Кхиет протиснулся сквозь толпу и вышел за ворота. Да, им не удалось сломить патриота, потому-то они и затеяли эту публичную казнь! А сами трясутся от страха! Ладно, посмотрим, что у них из этого выйдет! Кхиет двинулся по левой стороне улицы, направляясь к реке. Что бы ни случилось, революционер никогда не должен приходить в отчаяние. Напротив, трудности должны лишь закалять его волю. Ну вот, опять эта рожа! У себя дома он наверняка смотрит овечкой, а сейчас у него такое злобное, угрюмое лицо, столько жестокости во взгляде! Кхиет зашагал быстрее, стараясь подавить раздражение.

Атмосфера в Дананге накаляется с каждым днем, неспроста так участились аресты. Однако студенты и учащиеся не прекращают борьбы, хотя и знают, что в этой борьбе может пасть жертвой каждый второй. Предатели-полицаи, которые днем бесчинствуют в окрестных районах, на ночь боятся оставаться в пригородах и устремляются в город. Но невозможно уйти от возмездия, когда на борьбу поднялся весь народ. Какой-то велорикша, хоть и был совершенно безоружным, ухитрился доставить одного из таких подонков прямо в Освобожденный район; отчаянно смелый юноша пронес взрывчатку в гостиницу, где обосновались американцы; старая лоточница семь лет добывала для подпольщиков разведывательные данные и, когда попала в лапы врагов, выдержала все пытки, но не сказала врагам ни единого слова. Да, жители Дананга уже выбрали свой

путь. Несмотря на жесточайший террор, Дананг держался, гордо подняв голову, бросая дерзкий вызов врагу.

Кхиет спускался к реке. Со всех сторон слышался шум моторов, запах бензина смешивался со зловонием отбросов, с резким запахом духов. И все-таки он любил этот город, где с каждым уголком, с каждым перекрестком связаны воспоминания, где хочется бродить и бродить без конца...

Деревья уже окутал вечерний полумрак. Кхиет на минутку заглянул в магазин женской обуви. Покупателей мало — лишь несколько девушек со своими приятелями, одетыми в военную форму, — именно они-то и заинтересовали Кхиета, — во время их встреч Винь Ко всегда бывает в военной форме.

— Что вам угодно?

— Мне нужны туфельки очень маленького размера, — ответил Кхиет, бросив внимательный, быстрый взгляд на одного из военных.

Красивая молодая женщина проводила взглядом отражение Кхиета в стекле витрины.

Осенний Дананг... Осень в этом году наступила раньше обычного. Кхиет идет по улице, где не увидишь ни одного листочка, потом вдоль улиц, утопающих в густой зелени. Сегодня ему предстоит еще много колесить по городу, ему нужно побывать в нескольких местах. Но прежде всего надо непременно встретиться с Винь Ко — это дело первостепенной важности, его нельзя откладывать ни в коем случае. Кхиет машинально заглядывает в окна, раскрытые навстречу вечерней прохладе. Еще немного — и город погрузится в ночной мрак. Если сегодня Винь Ко не придет в условленный час, ему придется остаться в Дананге до завтра и снова дожидаться вечера, чтобы встретиться с ним, а может, придется даже задержаться здесь на несколько дней.

Тхюи спешила. Она шла так быстро, что брат едва поспевал за ней. Вот они миновали проспект Батьданг, вот уже Донгкхань совсем рядом. Хаос городского шума и сутолоки остался позади.

Нынешний Дананг уже не похож на город, который Тхюи увидела в тот день, когда впервые попала сюда. Да и сама Тхюи сегодня совсем другая. Каким по-

казался ей тогда чужим, непонятным этот город! Спесивый, эгоистичный, враждебный и совершенно чужой! Казалось, что здесь она не встретит ни одного человека, который сможет ее понять, проникнуться к ней сочувствием. Казалось, в этом городе никогда не найдется места для Тхюи и ее брата. Улицы, дома, товары в витринах, даже воздух, даже небо — все, что окружало их с братом, было враждебным и чужим...

А сейчас Дананг — это уже ее город, и он по праву принадлежит Тхюи, ее братишке Ты, так же как и другим людям — настоящим жителям Дананга. А настоящие жители Дананга — это те, кто способен выручить в трудную минуту, защитить, протянуть руку помощи. Тхюи понимала теперь, что значит коллективная поддержка. Она понимала, как глубоко заблуждалась раньше, думая, что может надеяться лишь на помощь близких: матери, отца, тетуски Зьеу. Выходит, она вовсе не одинока в этом городе. Теперь, когда ей дали трудное, ответственное задание, она воспрянула духом.

В Дананге патриоты начали акцию мести — за всех арестованных, замученных, расстрелянных... Тхюи постарается как можно лучше выполнить порученное ей задание, чтобы оправдать доверие товарищей, чтобы быть достойной своих родителей, выполнить свой долг перед братом. Его ждет прекрасное будущее...

— Сестричка Тхюи, а где мы будем фотографироваться? На улице Ле Хэу или в фотоателье «Уйен»?

— В общем-то, все равно, лишь бы хорошо сфотографировали, — ответила Тхюи.

Только тут она отвлеклась от своих мыслей и заметила, что они уже идут по улице Ле Хэу. Но в фотоателье, находившемся на этой улице, оказалось слишком много народу — ведь сегодня был воскресный день, и тогда Тхюи повела брата в фотоателье «Уйен». Там тоже была довольно большая очередь. Многим нужны были фотографии для документов, требующихся при подаче заявления об устройстве на работу. Считалось, что в фотоателье «Уйен» выполняют заказы быстро и хорошо.

Тхюи поправила одежду братишки, затем принялась расчесывать свои великолепные густые волосы — ей захотелось, чтобы на фотографии у нее была национальная прическа, — волосы должны естественно падать на плечи, ровные, блестящие...

Ты отнял у сестры гребень.

— Дай-ка я причешу тебя,— сказал он, восхищенно глядя на волосы сестры, и принялся осторожно расчесывать их неумелой детской ручонкой.

— Ничего-то у тебя не получается! — засмеялась Тхюи.— Ну кто ж так расчесывает? Скользишь гребнем поверху, а надо расчесать волосы как следует, нажимай сильнее, не бойся!

Ты принялся усердно расчесывать волосы сестры.

— Ой, поосторожнее! Мне же больно! — вскрикнула Тхюи.— Хватит, давай сюда гребень, а то вырвешь у меня все волосы...

Но Ты заупрямился.

— Подожди, я же еще не расчесал их! До чего же у тебя красивые волосы!

Но Тхюи уже выхватила гребень у него из рук — между зубьями застряла прядка волос.

Ты неохотно подчинился. Тхюи сделала вид, что не заметила его недовольной гримасы. Как хорошо она знала это сердитое выражение его личика, когда он бывал чем-то недоволен. Вот и сейчас он насунился и, уставившись в пол, тербит пальцы...

Фотограф усадил Тхюи и попросил ее чуть наклонить голову, а Ты постарался поднять подбородок — так, что оказался выше Тхюи на полголовы.

Тхюи с ехидцей спросила:

— Решил быть выше меня?

Ты густо покраснел, словно чья-то невидимая рука провела по его лицу кистью с красной краской,— так смутил его вопрос сестры.

— Ну а теперь оба улыбнитесь! — сказал фотограф.

Ты чуть было не прыснул, но вовремя удержался и стал внимательно смотреть в объектив фотоаппарата, в котором прыгали светлые зайчики. Неужели Тхюи не замечает этих зайчиков? Вот чудачка! Наверняка она ничего не замечает: сидит себе спокойно, чуть наклонив голову. Фотограф закрыл объектив, светлые зайчики исчезли. Вот и все. И почему это Тхюи не проявляет ко всем этим диковинным штукам никакого интереса? Ты стало жаль сестру. Если бы они были сейчас у себя дома, он подкрался бы к ней на цыпочках, как любил это делать обычно, обвил бы ее шею руками и заста-

вил сделать в обнимку с ним несколько шагов, приговаривая: «шаг вперед, еще шаг». Ему очень нравилась эта игра, но здесь ведь не место для игр...

— Готово! — сказал фотограф.

Ты поспешно надел свою шапочку, а Тхюи взяла квитанцию, и, держа брата за руку, направилась к выходу.

Фотограф посмотрел им вслед и с мягкой улыбкой сказал:

— С первого взгляда вас можно принять за сестер.

Но мальчик спешил к выходу, не обращая внимания на слова фотографа.

Тхюи не удержалась и поддела брата:

— Ты слышал, что сказал фотограф? Сейчас мальчишки отпускают такие длинные волосы, что становятся похожими на девчонок. Теперь у меня не брат, а сестра! Ладно, пусть будет сестра...

Ты сердито посмотрел на сестру и обиженно пробормотал:

— погоди, я тебе отомщу...

— Каким образом? — засмеялась Тхюи. — Заставишь меня купить тебе мороженого в кафе «Зьеп Хай Зьонг»?

— Нет, не так... Не надо мне мороженого...

— Это почему же? Неужели и впрямь рассердился на меня?

— Нет, вовсе нет. Чем сидеть в кафе, лучше пойдем погуляем.

— Хорошо, давай погуляем!

Тхюи пошла медленнее.

Стрелки часов на перекрестке показывали половину четвертого. Вечером в баре ее, конечно, будет ждать Дорис, поэтому сегодня Тхюи должна быть одета с особым шиком и выглядеть как никогда привлекательной. Возможно, настанет день, когда ей придется пойти на верную гибель во имя дела. Ну что ж, она готова встретить смерть спокойно, с чувством выполненного долга.

Быстро пересекая улицу, Тхюи бросила на ходу:

— Значит, ты хотел мне отомстить, да?

Ты засмеялся и смущенно отвернулся. Золотые солнечные лучики играли на широких листьях и цветах тропических лилий. Высокие деревья сбрасывали причудливо перекрещивающиеся тени. Ты снял шапочку и чуть замедлил шаг.

— Пойдем в парк, ладно?

Тхюи едва поспевала за братом. Под ногами играли солнечные блики, пробивавшиеся сквозь густую листву, которая слегка колыбалась от легкого ветерка. Декоративные искусно подстриженные сосны были посажены так, что образовывали фигуры драконов с четырехпальными и пятипальными лапами — таких драконов Тхюи видела на вазонах в саду мадам Жаклин. Деревья, которым умелые руки садовников придали форму цапель, застыли в гордых, величественных позах, павлины распустили хвосты рядом с бойцовыми петухами в роскошном ярко-зеленом оперении. И каждый словно присматривается со стороны к своему сопернику. Кажется, вот-вот все они придут в движение, захлопают крыльями и с боевым кличем ринутся вперед. Торжественными рядами выстроились изящные карликовые сосенки. На густых зеленых кустах жасмина пламенели ярко-оранжевые цветы, источавшие одуряющий аромат. Кокетливо покачивали головками грациозные тюльпаны. Каменные скамейки словно тщательно вытерты, по бокам дорожек аккуратно уложены ровные ряды белой гальки — все камешки одинакового размера, подобраны тщательно, с любовью. Вот так же тщательно, бывало, мать готовила раствор синьки, чтобы придать белью, которое она брала стирать, ослепительную белизну.

— Ну как, красиво?

— Красиво, очень красиво! — поспешно ответил Ты и повел сестру к скамейке. — А кому этот парк раньше принадлежал?

— Никому. Это народный парк. Мой и твой, — ответила Тхюи и увидела, что у братишки глаза округлились от изумления.

Она купила две порции мороженого. Ты бегал от дерева к дереву и, слизывая мороженое, как зачарованный смотрел на пышное великолепие зеленого царства. А Тхюи между тем думала о том, что ей нужно постараться хорошо выполнить задание тетюшки Ти. Ветерок ласкал лицо и волосы Тхюи, донося нежный аромат каких-то цветов. Садовники, так заботливо ухаживающие за парком, отлично знали, что лишь богачи могут позволить себе купить дорогие вазоны с изображениями драконов и павлинов, — вот почему они вложили так много искусства в этих драконов и павлинов

из живых растений, которыми может любоваться каждый, кто захочет.

— Сестрица Тхюи, иди-ка сюда!

Тхюи оглянулась и увидела, что брат остановился возле большого дерева с неровной, шероховатой корой.

— Если хочешь что-то мне сказать, подойди ко мне сам! — ответила Тхюи, продолжая сидеть на каменной скамье.

— Да нет, ты тогда ничего не поймешь, подойди сюда, я покажу тебе что-то очень интересное! Ну подойди же, Тхюи...

Тхюи поднялась. Мальчик подбежал к ней, схватил за руку, нетерпеливо увлекая за собой к большому дереву. Вокруг колыхались зыбкие волны воздуха, наполненного ароматом цветов, согретых солнцем.

— Смотри-ка! Это — ты, а это — я!

Из сухой, шероховатой коры старого дерева пробилась два крепких молодых побега, один был чуть-чуть побольше другого. Тхюи посмотрела на зеленеющие веточки, затем вопросительно взглянула на брата и задумалась... Прилетела стайка пестрых бабочек, которая привлекла внимание Ты. Тхюи хотела что-то спросить у брата и вдруг растерялась, пораженная смыслом того, что сказал ей брат, увидев два молодых побега. Тхюи никогда бы в голову не пришло такое! Бабочки причудливым хороводом кружились у ее плеча, трепещущие нарядные крылышки покрывали тончайший слой пыльцы. Тхюи взмахнула рукой — бабочки испуганно выпорхнули из-под ее руки. Она ласково и осторожно коснулась кончиками пальцев молодых побегов. И тут заметила большую бабочку удивительной красоты: изысканное сочетание темно-коричневого с ослепительно-белым, яркие светлые глазки на крылышках.

— Иди сюда, малыш! Смотри, какая красота! Попробуй-ка поймать ее, — крикнула Тхюи брату, который носился за стайкой бабочек.

Услышав голос сестры, Ты вздрогнул и, увидев красавицу в коричнево-белом одеянии, бросился за нею. Он гонялся за бабочкой, сбиваясь с ног. Тхюи уже не видела бабочку, а лишь различала мелькающую среди деревьев фигурку братишки. Наконец Ты удалось на-

стигнуть бабочку, и вдруг, резко взмахнув рукой, чтобы поймать бабочку, он потерял равновесие и упал. Но тут же вскочил на ноги и с радостным воплем подбежал к сестре.

Его рука, державшая бабочку, слегка дрожала. Крылышки были чуть-чуть повреждены, и пыльца немного облетела, но и в таком виде бабочка была очень красива. На пухлых пальчиках брата остались следы, темно-коричневые и белые пятнышки...

— Надо ее усыпить, — мальчик едва переводил дыхание. — А потом я положу ее в книгу. Какая красивая! Ты ее увидела, а я поймал...

— Из-за одной бабочки вытоптал весь газон! — раздался вдруг укоризненный голос.

Ты оглянулся. Тхюи тоже повернулась, чтобы увидеть говорившего, и... оторопела. Перед ней стоял Кхиет!

— Кхиет! — вырвалось у нее.

— Тхюи!

Ты заметил, как побледнело лицо сестры, а у юноши, который только что произнес ее имя, задрожали губы. И выражение глаз у него было какое-то странное. Мальчик совсем забыл о бабочке, которую держал в руке, и чуть было не упустил ее.

— Тхюи, как ты оказалась здесь, в Дананге? — спросил Кхиет, едва придя в себя от изумления. В его голосе прозвучал ласковый упрек.

Тхюи не успела ответить.

— Так этот малыш и есть твой братишка Ты? А ваша мама... вернулась?

Тхюи никак не могла совладать с собой, она ответила запинаясь:

— Да, это Ты, а мама...

Тхюи не договорила и низко опустила голову. Ей казалось, что почва уходит у нее из-под ног, что она, словно парализованная, не может сделать ни одного движения.

За год Кхиет почти не изменился, только похудел немного. Все та же манера держаться, все тот же голос, да, это он, прежний Кхиет... Тхюи вспомнила, как он сказал: «Я хочу, чтобы ты вернулась в родную деревню к тетушке Зьеу, к своим односельчанам...»

— Кхиет, я ведь теперь работаю в баре. Я — девушка из бара...— вдруг сказала Тхюи неожиданно твердым голосом и в глазах появился холодный блеск.

Кхиет на минуту замер, словно пораженный громом, потом неловко взмахнул рукой и заглянул в глаза Тхюи. Она не отвела взгляда, и смотрела ему в лицо прямо и открыто, но в глазах ее он увидел злость и ожесточение. Глаза холодные, злые — не то что голос!

— О небо! Тхюи! Неужели это правда? — почти закричал Кхиет. Глаза его были полны ужаса. — Нет, этого не может быть!

Тхюи бессильно опустилась на каменную скамью. Кхиет сел рядом.

Наступило томительное молчание.

Ты с удивлением посмотрел на сестру, потом на юношу, присевшего рядом с ней. Значит, они были знакомы раньше? Иначе откуда этот незнакомый юноша сразу узнал его имя? И потом он спросил про маму...

Ты показал юноше пойманную бабочку, но тот не шелохнулся, губы его были плотно сжаты, и Тхюи сидела, словно каменное изваяние у озера, мимо которого они недавно проходили...

— Тхюи, я не хочу ничего скрывать от тебя и скажу тебе правду: весь этот год я не находил себе места, не мог забыть тебя. Я искал тебя.

— Искал?

— Да. Я искал тебя.

Кхиет немного оживился.

А Тхюи по-прежнему молчала, задумчиво глядя куда-то вдаль. Небо из лазоревого стало светло-серым.

— Представь себе, я ведь разыскал твою тетюшку Зьеу, расспрашивал о тебе односельчан. Слышишь? Но никто не мог сказать мне, куда ты исчезла. Они пытались разыскать тебя, спрашивали о тебе всюду, где могли... Знаешь, у вас там сейчас большие перемены... Но об этом не стоит говорить здесь...

Тхюи слушала Кхиета, и слова его постепенно выводили ее из состояния оцепенения. Значит, в родной деревне происходят перемены... Правда, об этом Тхюи знала от Винь Ко, из газет и информационных бюллетеней, напечатанных на ротапринте, — их приносили в бар офицеры. Но зачем Кхисту понадобилось разыскивать ее да еще ездить в деревню? Если бы не слу-

чай, они никогда бы, наверное, больше не встретились... И лучше бы не было этой встречи!

— Я решился на поиски, хотя в руках у меня был лишь весьма сомнительный адрес, указанный в истории болезни... Разве я мог предположить, что обыкновенная прогулка в парке... что мы сегодня встретимся! Тхюи, это нужда заставила тебя пойти в бар? Верно?

— Знаешь, Кхиет, лучше нам не говорить на эту тему! — ответила она, медленно поднимаясь со скамьи. — Надеюсь, тебе не надо объяснять, был ли выбор у такой девушки, как я, да еще с братом на руках. Да что там говорить! Я одна из многих!

Она окликнула братишку. Кхиет отдал мальчику бабочку, не сводя изумленного взгляда с Тхюи. Да и как тут не удивиться: эта хрупкая, беспомощная девушка, которая рассказывала ему свою историю год назад в госпитале в Хьюэ и горько плакала, теперь была совсем не похожа на ту, прежнюю Тхюи — в голосе появилось столько твердости, столько горечи и желчи.

— Ну, пошли, — сказала Тхюи, обращаясь к брату. Потом взглянула на Кхиета. — Я хочу пожелать тебе...

Кхиет загородил ей дорогу.

— Подожди, Тхюи, я даже не успел поговорить с твоим братишкой, не успел сказать то, что я давно собирался...

Мальчик удивленно тарашил глаза, переводя взгляд с Кхиета на Тхюи, потом зашагал рядом с сестрой.

Кхиет понял, что ему не удастся остановить Тхюи, и неуверенно двинулся за ней.

— Извини меня, Тхюи, если я, сам того не желая, обидел тебя.

Тхюи молчала. Разве Кхиет чем-то виноват перед ней? Почему же тогда она обрушила на него столько раздражения, почему она держалась так недружелюбно? Ни с кем она не позволяла себе такого тона. Вокруг нее было немало всяких подонков, но она всегда была сдержанной... А Кхиет... он вовсе не заслуживал плохого отношения, наоборот... Почему же она пытается избежать новой встречи с ним? Разве она не хочет этой встречи? Нет, совсем не то... Тхюи почувствовала, что она уже почти не владеет собой, что ее переполняет какое-то странное волнение... Но нельзя давать волю чувствам, нельзя...

— Нет, Кхист, ты меня вовсе не обидел... И не думай больше об этом,—Тхюи крепко сжала ручонку брата.

— Я приехал в Дананг повидаться с дядей. И проведу здесь еще несколько дней. Мне хотелось бы встретиться с тобой... с тобой одной!

Он хочет новой встречи? И его не останавливает ремесло, которым вынуждена заниматься Тхюи?

— Ты молчишь? Можно, я провожу вас домой?

Тхюи растерялась. Нет, нельзя, незачем Кхиету знать, где она живет!

— Послушай, Кхиет, у нас нет дома и не нужно нас провожать. Если ты хочешь что-то сказать мне, говори сейчас, зачем нам снова встречаться.— В голосе Тхюи звучала горечь.— У нас нет постоянного пристанища, мы живем где придется, я по двенадцать часов в день прислуживаю в баре. Да имеешь ли ты представление о том, что такое девушка из бара? Девушка из бара почти не отличается от проститутки... А ты...—Тхюи усмехнулась.— Ты наверняка за этот год сделал успехи? Ты ведь скоро станешь врачом...

Тхюи прибавила шагу, ее бледное лицо чуть-чуть порозовело.

— Тхюи, я понимаю, чем вызвано это раздражение, этот тон... И все-таки я очень хотел бы поговорить с тобой!

Он продолжал шагать рядом с девушкой. Как она сказала? Сделал успехи... Нет, он не мог спокойно отсиживаться в институте, зарывшись в свои книги. Сейчас, когда власти вознамерились загнать молодежь в клетку, связать по рукам и ногам, лишить свободы, разве мог он продолжать учебу, когда самое дорогое, самое святое безжалостно растоптано, поругано! Он стал борцом.

— С тех пор как я встретил тебя, Тхюи, я уже не мог спокойно продолжать учебу,—вдруг сказал Кхиет. Неожиданное, отчаянное признание. Он больше не в силах был скрывать свои чувства. Но ведь рядом Ты, он все слышит...

Не глядя на Кхиета, чувствуя, что у нее подкашиваются ноги, Тхюи тихо сказала:

— Хорошо, вот только я отведу домой братишку, его надо покормить, и мы встретимся.

Кхиет обрадовался.

— Об этом я только и мечтал! Ты не позволишь мне пойти с вами?

— Нет, — последовал твердый ответ.

Кхиет тихо сказал:

— Ладно, пусть будет по-твоему. Когда ты освободишься?

— Жди меня на той самой скамье. После шести, примерно в половине седьмого.

— Хорошо, понял. Ну, я пойду! Вот только попрощаюсь с твоим братишкой! Давай-ка руку! — Кхиет крепко пожал руку Ты и пошел прочь, не оглядываясь.

Когда они остались одни, Ты забросал сестру вопросами и, чтобы отвлечь его внимание, она решила зайти по дороге на рынок и купить бетеля для тетушки Нам.

Тхюи чувствовала, что голова у нее словно раскалывается на части. Если бы эта неожиданная встреча, стоившая ей такого душевного напряжения, продлилась еще хотя бы несколько минут, она, наверно, рухнула бы замертво. Эта встреча совершенно вывела ее из равновесия. И она говорила совсем не то, что хотела сказать.

...Кхиету с большим трудом удалось разыскать родную деревню Тхюи, чтобы увидеться с тетушкой Зьеу и земляками Тхюи. Что побудило его тратить время на поиски Тхюи? У него ведь было немало знакомых девушек, отнюдь не дурнушек, отнюдь не бедных и к тому же совершенно свободных, с «чистой» биографией. Почему же его так влекла к себе эта несчастная, опозоренная девушка, которую он встретил совсем случайно и потом заботливо выхаживал в госпитале, которой он пытался помочь разобраться в жизни и которую потом потерял... И вот сегодня он встретил ее так неожиданно и узнал об обстоятельствах ее теперешней жизни... С точки зрения добропорядочного человека, Кхиету не следовало бы теперь знаться с Тхюи, нужно было бы держаться от нее подальше и даже имя ее забыть.

А Тхюи думала о том, как много перемен произошло в ее жизни с тех пор, как она встретила тетушку Ти. Она уже больше не испытывала отвращения к жизни, стала лучше, мягче относиться к людям. Теперь ее жизнь наполнилась новым смыслом, у нее появилась цель, настоящая цель в жизни, и чувства ее стали силь-

нее, острее. Революция открыла ей глаза, вытащила ее из трясины, вывела из лабиринта путанных представлений о жизненных ценностях, вывела из тупика. Все, что не имело отношения к борьбе, казалось теперь ненужным. Кхиет в ее представлении был где-то за пределами этой борьбы. А если так, то ему никогда ее не понять до конца — так, как может понять революционер революционера. И потому она должна вырвать все это из своего сердца...

И вдруг она почувствовала какое-то чудесное волнение, необыкновенное ощущение. Благодаря Кхиету она познала радость первой любви. Нет, от самой себя никуда не скроешься. Как бережно, как трогательно он относился к ней, когда она лежала в госпитале. Да, Кхиет, видимо, способен на настоящее чувство. «Кхиет виделся с тетужкой Зьеу, говорит, что в нашей деревне большие перемены... И все пытаются разыскать меня... И тетужка Зьеу тоже? А я была так несправедлива к ней! Если бы она знала, что в тот день, когда я ушла из деревни, я тайком взяла ее фотографию. Я понимала, что уйду надолго, возможно навсегда, и может случиться так, что мы больше никогда не увидимся, поэтому-то я и взяла тайком ее фотографию, единственную фотографию, которая у нее была. На этой фотографии она совсем еще молодая девушка. Я видела, как тетужка время от времени достает эту карточку и подолгу смотрит на нее. Неужели наша деревня теперь в Освобожденном районе? Может быть, моему отцу удалось переправить письмо в родные края? А может, есть весточка и от матери? Милая моя тетужка, я никогда не сердилась на нее, просто после всего случившегося мне нельзя было больше оставаться в доме. Как часто я вспоминаю ее, как скучаю по своей деревне! Значит, Кхиет видел мою тетю, навел обо мне справки у соседей... Наверняка теперь мои земляки поняли бы меня сейчас лучше, чем тогда, наверняка прониклись бы сочувствием, помогли. И тетужка теперь тоже поняла бы меня... Ведь революция меняет людей! Пока мне еще нельзя вернуться в родную деревню, я должна выполнить свой долг. Когда-нибудь потом мы, может быть, соберемся все вместе в кругу наших односельчан. И может быть, мы с братом все-таки увидимся с нашими родителями... Но это возможно только после

освобождения Хюэ. Я хорошо помню этот город, помню те дни, когда тетюшка приезжала к нам, помню даже то время, когда мы с мамой жили на улице прачек...»

Так разговаривала сама с собой Тхюи, суетясь возле плиты. Сколько воспоминаний разом нахлынуло на нее, сколько знакомых лиц возникло в памяти!

Она приготовила ужин для брата. Самой есть не хотелось.

Усадив брата за стол и поставив перед ним ужин, она дала ему кое-какие наставления и тотчас же поспешила на место встречи с Кхиетом. День угасал так быстро, словно кто-то прогонял его, словно кто-то хотел поскорее от него избавиться.

Кхиет уже ждал ее в условленном месте.

— Я пришел на пятнадцать минут раньше. Не успели мы расстаться, а я уже мечтал о встрече с тобой...

Они не стали садиться на каменную скамью, а пошли рядом прямо по траве. В городе и в парке зажглись фонари. Казалось, тюльпаны источали неуловимый аромат. Все живое словно сменило прежнее яркое одеяние на новое — серебристое, мерцающее, украшенное бриллиантиками только что выпавшей росы.

— Днем я обрушила на тебя столько злости, столько раздражения, хотя ты ни в чем не виноват передо мной... — сказала Тхюи. — Ты сердисься на меня?

Ее ласковый голос перевернул душу Кхиета. Ему показалось, что в вечернем небе, усыпанном звездами, вдруг вспыхнула ослепительно-яркая молния, и мрак в его душе рассеялся.

— Я очень хорошо тебя понимаю. И не могу, не способен на тебя сердиться. Мне хочется, чтобы ты доверилась мне, как преданному другу, — Кхиет замедлил шаг и остановился, вглядываясь в лицо Тхюи. Их ноги утопали в прохладной траве. Чудесное, упоительное чувство охватило Кхиета. Да разве может он сердиться на Тхюи?

— Я могу сердиться лишь на обстоятельства. И хотя ты не разрешаешь говорить с тобой на эту тему, я все-таки скажу: я не могу позволить тебе оставаться в Даланге и продолжать работать в баре. Ты не должна быть девушкой из бара...

Последние слова Кхиет произнес твердо, словно все решил наперед.

— Выслушай меня, Кхиет! И постарайся понять: я больше не принадлежу себе... Я давно уже отказалась от личной жизни, это не для меня. И не будем об этом...

Не понимая, на что намекает Тхюи, Кхиет нетерпеливо перебил ее:

— Если бы ты могла понять, как тяжело мне это слышать! Ты не хочешь думать о личной жизни... а мои страдания тебя нимало не волнуют?

Тхюи молча шагнула вперед. Полы ее платья колыхались в вечернем сумраке, напоминая трепещущие крылья ночных бабочек.

— Тхюи, неужели ты не позволишь мне стать близким для тебя человеком?

Тхюи почувствовала, что уже не в силах обманывать ни себя, ни Кхиета, что с ее губ вот-вот сорвется признание... Огромным усилием воли она сдержала свой порыв.

— Кхиет, я от всей души благодарна тебе за доброе отношение, за твою заботу обо мне, за все, что ты для меня сделал. Но у тебя впереди целая жизнь... У тебя есть возможности хорошо ее устроить, ты должен отбросить все ненужное, лишнее, все, что мешает тебе. Я буду тебе помехой, я не нужна тебе.

— Зачем ты так говоришь? Не смей! Я не хочу этого слышать! Все мои серьезные мысли о жизни и своем собственном предназначении возникли с той памятной встречи с тобой... Только благодаря тебе я нравственно окреп, я нашел себя, — сказал Кхиет убежденно и твердо, потом голос его снова стал ласковым, полным нежности: — Ты не хочешь, чтобы сбылись мои мечты? А я мечтаю отвезти тебя в Хюэ, к моей матери, она с радостью примет и тебя и твоего братишку.

Тхюи почувствовала, как кровь снова прилила к ее лицу. Неужели за этот год Кхиет не встретил другую девушку? Неужели никого не полюбил? Значит, им суждено было снова встретиться... Значит, он думал только о ней... Для нее он сберег свою любовь... Разве могла она помышлять об этом, разве могла мечтать о таком?..

Кхиет был весь во власти нахлынувшей на него нежности. Он сделает все, что в его силах, чтобы устроить жизнь Тхюи, пусть эта жизнь не будет слишком обеспеченной, лишь бы она порвала с баром, рассталась с

этим проклятым местом. Он не будет задавать ей липших вопросов, не будет беречь ее раны, как бы она к нему ни относилась. И потом... на нем лежит ответственность и за нее и за ее братишку.

— Я буду любить твоего братишку как родного брата. У меня ведь нет младшего брата. А ты мне дорога, как и прежде...

Все вокруг погрузилось в ночную прохладу. Аромат цветов, шелест листвы... Ночные цветы пили живительную влагу...

— Скажу тебе откровенно, Тхюи: пока не копчатся твои страдания, не будет мне покоя, я хочу помочь тебе вновь обрести радость жизни. Тогда ты, может быть, поймешь всю глубину моих чувств к тебе... Ты можешь сделать меня счастливым...

Счастье. Ничем не измеримое счастье! Оно всегда приходит неожиданно, превосходя все мечты, все ожидания. Счастье может настолько ошеломить, что теряешь чувство реальности и не понимаешь, наяву все это или во сне. Именно такое состояние испытала Тхюи, когда она вновь почувствовала желание жить, когда тетушка Ти вернула ее к жизни.

А сегодня, сейчас... все другое. Счастье совсем рядом. Стоит лишь протянуть руку — и оно станет твоим. Стоит лишь произнести всего одно слово...

«Дорогой, милый Кхиет, как же это случилось, что в мою жизнь вошел ты со своей любовью и верностью?..»

Но ведь все это не имеет отношения к делу, которому она решила посвятить свою жизнь, решила бесповоротно. А может, вместе с братом отправиться в Хюэ? Нет, это исключено. Уступить просьбе Кхиета, поддаться велению сердца — равносильно отказу от всего того, что ей удалось обрести с таким трудом, отказу от того, что стало главной целью жизни. Перебраться в Хюэ — это значит подвести организацию, поставить под угрозу задание. Взять другое задание? Сейчас, немедленно? Нет, об этом не может быть и речи, ведь она еще ничего не сделала для организации, еще не оправдала оказанного ей доверия. Настоящее дело впереди. И поймет ли ее Кхиет, когда наступит время действовать... Чувства и долг, мечты и реальная действительность — все это не так-то просто! Нет, надо немедленно

выбросить из головы эти нелепые планы. Да и выдержит ли потом сам Кхиет? Согласись она сейчас на его предложение, она может причинить ему новые страдания. Да, все это — лишь пустые мечты. Как бы благоприятно ни складывались сейчас обстоятельства, она не имеет права покинуть Дананг, уйти из бара. Задание еще не выполнено, хотя кое-что ей уже удалось сделать. Организация доверила ей выполнение серьезнейшего задания, она не должна останавливаться на полпути.

...А если все-таки отправить братишку к матери Кхиета? «Я буду любить твоего братишку, как родного брата». Нет, это тоже невозможно. Тхюи не сможет жить в разлуке с Ты. Они так привыкли друг к другу; живя в Дананге, они не расставались ни на один день. Они вместе пережили столько черных дней, столько невзгод! Но что же будет с Кхиетом? По ее вине он должен страдать... Нет, нет, нельзя давать волю чувствам. Чувства — это личное, сокровенное, пусть они останутся невысказанными, останутся в глубине ее души. Что ее ждет, если она решилась бы связать свою жизнь с Кхиетом? Даже если бы руководство организации пошло навстречу ее просьбе, выбранный ею трудный, полный смертельных опасностей путь не совместим со спокойным семейным счастьем. Они любят друг друга, и все-таки неизвестно, поймет ли ее Кхиет в самый ответственный момент. Пусть уж лучше он не знает, как тянется она к нему, пусть ее чувства останутся тайной.

— Кхиет! То, что ты предлагаешь, невозможно, — сказала Тхюи решительно и твердо. — Я не выйду замуж ни за тебя, ни за кого-либо другого.

— О небо! Но почему же, Тхюи, почему?..

— Я не могу покинуть Дананг.

— Тебе так хочется остаться в Дананге? Что тебя удерживает здесь?..

— Да, ты правильно меня понял: я не хочу никаких перемен.

Кхиету показалось, будто невидимая рука нанесла ему смертельный удар. Все вокруг потемнело. Уж не ошибся ли он? Неужели это та самая беспомощная, наивная девочка, которую он встретил год назад? Отчаявшаяся, бесконечно несчастная. Целый год он думал о ней, тосковал, мечтал о встрече. И вот сегодня насту-

пила наконец эта долгожданная встреча! И что же? Кажется, он начинает понимать. Теперь он стал для нее совсем чужим, ненужным, она ведь девушка из бара.

Кхиет вздрогнул от этой горькой мысли.

«Теперь она знает вкус дорогих вин, привыкла к дешевой, показной роскоши...»

Но тут же отогнал эту злую мысль.

Сделав еще круг, они вернулись к каменной скамье. Кхиет уговорил Тхюи присесть.

— Тхюи, может быть, я слишком неумело выразил свои чувства, может быть, ты не поняла, что я тебя люблю.

— Почему же? Я все поняла, — сухо ответила Тхюи, — но ведь я объяснила тебе: я не могу уйти из бара «Джина». Так нужно. Это мое последнее слово, ясно? — Тхюи резко поднялась со скамьи. — Ну, мне пора. Прощай!

И она бросилась бежать, словно спасаясь от преследователя.

Тхюи оборвала разговор как раз в тот момент, когда напряжение достигло предела. Потому-то в голосе ее и звучала отчаянная решимость и непреклонность.

Словно угадав, что Кхиет попытается догнать ее, она крикнула на бегу:

— Оставь меня, оставь... Кхиет!

Все это произошло так внезапно, так быстро, что Кхиет на мгновение утратил способность мыслить, чувствовать. Сначала он бросился было за Тхюи, словно в нем распрямилась какая-то пружина, потом застыл на месте. Ноги налились свинцом, он замер в немом оцепенении. Потом он сделал шаг в ту сторону, куда побежала Тхюи, горестно воскликнул:

— Тхюи! Подожди, вернись! Тхюи...

Но Тхюи уже была далеко.

— Что же произошло? Почему? За что?! — прошептал Кхиет и медленно побрел прочь от скамьи. Сердце его разрывалось. Ему хотелось кричать от горя, хотелось немедленно уехать из этого города. Если бы не встреча с Винь Ко, если бы не серьезные дела, он бы тотчас отправился в Хюэ, он бы не остался здесь ни на минуту, ведь каждая минута жизни в Дананге принесет ему теперь лишь страдания. «Почему мы так бессильны перед собственными чувствами?» — подумал Кхиет. Он

посмотрел на небо. Ему вдруг почудилось, что звезды беспорядочно перемещаются, меняются местами. Трава холодила щиколотки. Ну что ж, чему быть — того не миновать. Тхюи сама распорядилась их судьбой. Тхюи... Такая милая, такая желанная... И вот все рухнуло. Он хотел вытащить ее из порочного круга, но ничего не вышло. Каждая девушка мечтает о спокойной жизни в кругу семьи, но Тхюи это, видимо, не нужно — именно поэтому она не желает расстаться со своей стойкой в баре. И он, Кхиет, он тоже ей не нужен, поэтому она так легко оттолкнула его от себя. Однако у него нет никакого права принуждать ее, навязывать ей свои чувства. Почему ему сразу не пришло в голову: а вдруг она полюбила другого? От этой мысли ему стало совсем тошно — рушились его идеалы. А он-то мечтал о преобразовании общества... о самоусовершенствовании. Кхиет вспомнил свою мать и тихонько позвал ее, как маленький, обиженный ребенок. Да, эта девушка так неожиданно ворвалась в его жизнь, он так хотел удержать ее, но она бросила его, упорхнула на волю, словно птичка из клетки. И несмотря ни на что, сердце его переполнено любовью к ней.

— Тхюи, Тхюи... — горестно шептал Кхиет.

«...Милый, милый Кхиет, понимай меня как хочешь, но по-другому я поступить не могла. Я стала теперь совсем другой, — думала Тхюи, быстро шагая по ночному Данангу, — но я люблю тебя. Я полюбила тебя за то, что ты осмелился полюбить меня...»

Глава XV

Бар «Джина» был уже давно открыт и заполнен посетителями. Неожиданно в зале возникло оживление.

— Хэлло, крошка! Наконец-то прибыла королева бара! Тхюи пришла!

— Что-то сегодня королева явилась позже обычного!

Тхюи прошла через зал, не обращая внимания на приветственные возгласы. Она направилась прямо в гардеробную, переоделась, подкрасилась и через некоторое время появилась у стойки.

Хозяйка бара проводила ее злобным взглядом и прошипела:

— Что за фокусы! В таком наряде приходить в бар! Ни одна девушка не осмелится явиться сюда в таком допотопном платье! Даже Банг давно перестала упрямиться! И почему эта Тхюи не желает носить модные европейские платья? — Хозяйка брезгливо выпятила пухлые губы: — Столько времени тратит зря! Сплошные переодевания: приходит — переодевается, жди, когда она изволит встать за стойку, уходит — опять переодевается в свое старомодное тряпье. И что хорошего находит она в этих длинных национальных платьях? Деревенщина деревенщиной остается! Работает в баре уже шесть месяцев, пора бы уж чему-нибудь научиться! Ей еще повезло, что за нею волочитесь самый почетный клиент, не то я давно устроила бы ей хорошую головомойку, я бы с ней разделалась... Ну и нахалка!

Хозяйка с трудом сдерживала ярость.

Тхюи присела подле майора Дориса. Рассеянно придвинула к себе бокал с прохладительным напитком, который он налил ей, но почему-то пить не стала. На этой неделе Дорис появился в баре второй раз, на прошлой приходил даже три раза.

Дорис отпил глоток из бокала и участливо спросил:

— Тхюи, почему сегодня ты так печальна?

Девушка ничего не ответила.

— Что с тобой, Тхюи? Может, у тебя какие-то неприятности? Скажи, что случилось?

— Да нет, господин майор, ничего особенного, не обращайтесь на меня внимания!

Дорис подал знак бою, чтобы тот принес им вина, придвинулся к Тхюи, заглянул ей в глаза.

— Не скрывай от меня ничего, скажи, что тебя тревожит, — Дорис старательно выговаривал вьетнамские слова, но произношение у него было неважное, — если у тебя неприятности, я хотел бы знать об этом. Может, я могу тебе помочь? Я все время думаю о тебе. — Дорис наполнил две рюмки. — Давай выпьем. — Он перешел на английский, и теперь голос его звучал глухо. — Ты по-прежнему относишься ко мне, как к совершенно чужому человеку...

Тхюи отодвинула бокал с оранжадом, грациозно подняла рюмку с вином и сказала по-английски:

— Хорошо, выпьем! Я пью за вас, господин майор! Лицо Дориса просветлело, рядом раздался веселый смех девушек, развлекавших группу американцев, среди которых были и белые, и темнокожие.

— Браво, Тхюи! Браво! — Американцы бросали на Тхюи восхищенные взгляды.

— Выпей еще, королева Тхюи!

Официанты спешили открыть новые бутылки. Бой кинулся к радиоле сменить пластинку.

— Молодчина! Она могла бы стать звездой самого роскошного бара в Нью-Йорке! Здорово у нее все получается, эта девушка умеет себя вести!

Несколько американцев вскочили со своих мест и начали выкрикивать имя Тхюи под звуки зажигательной музыки.

Дорис одной рукой поднес к губам Тхюи рюмку с вином, другой легонько гладил ее по голове — чудесные, блестящие волосы Тхюи рассыпались по плечам, заскользили по обнаженной руке. Тхюи выпила вино и почувствовала, что у нее немеет язык. Рассеянно взглянув через раскрытую дверь на улицу, она вдруг вздрогнула и судорожно ухватилась за край столика. Сердце сжалось от щемящей боли, ей казалось, что напряглась каждая жилочка, каждая клеточка ее существа, казалось, еще немного — и всему конец, все вокруг полетит вверх тормашками — мимо широко раскрытой двери бара не спеша прошел юноша. Одну руку он засунул в карман. Вот он уже скрылся из виду, но его отражение еще несколько секунд было видно в стекле распахнутой двери, затем исчезло. Тхюи почувствовала нестерпимую боль в груди, у нее перехватило дыхание, зарябило в глазах. Но она лишь крепче уцепилась за край стола, стараясь овладеть собой. Только это она и могла позволить себе. Только это и ничего другого. Еще немного — и она вырвала бы свою руку из руки Дориса, смахнула бы на пол рюмки и бокалы, и, опрокидывая столики и стулья, выбежала бы на улицу и бросилась вслед за юношей.

Но она осталась на своем месте, нечеловеческим усилием воли пытаясь скрыть охватившее ее волнение. Юноша прошел мимо бара, даже не заглянув в распахнутую дверь. Немного придя в себя, Тхюи взглянула на Дориса: он, кажется, ничего не заметил.

Однако Дорис озабоченно посмотрел на Тхюи и отодвинул рюмку с вином.

— Что с тобой?

— Ничего, просто так, — ответила Тхюи непринужденно и заставила себя улыбнуться.

Напротив Тхюи сидели Банг и Винь Ко. Они оживленно болтали с каким-то незнакомым мужчиной. Она вспомнила, как была изумлена, получив указание поддерживать связь с подпольной организацией через этого Винь Ко, который казался ей очень странным.

Помнится, придя на первую встречу с ним, Тхюи вся горела от волнения. Но доверительный тон Винь Ко быстро настроил ее на нужный лад: «Ты удивлена, Тхюи? Это понятно, откуда тебе было знать, что я состою в подпольной организации! А ведь я со дня рождения связан с революцией! Не удивляйся! Я родился в военной зоне... — Винь Ко пристально смотрел в глаза Тхюи. — Потом мои родители погибли, — тихо сказал Винь Ко, — и я остался с тетей, она была совсем молодой. Замуж она не вышла и любила меня как родного сына. Когда война кончилась¹, я остался жить у тети и продолжал ходить в школу. Но в пятьдесят шестом тетю арестовали, меня же взяли на свое попечение односельчане. Потом я окончил институт. Стал педагогом и был призван в армию. Ты, наверное, знаешь, что, насильственно вербуя молодежь в армию, власти преследуют цель — обрядить в военную форму как можно больше студентов, людей, которые не раз становились у них поперек горла. Когда они попадают в армию, их стараются определить в специализированные военные училища, где они проходят «психологическую обработку» — их заставляют пытать людей, обучают чудовищным мерзостям. Грязные, омерзительные методы озверелой шайки преступников! Я прошел через все это. Это было для меня тяжелым испытанием, но я выдержал все, так как выполнял задание организации. А потом меня отправили на фронт, и через два года я стал младшим лейтенантом, а еще немного спустя был удостоен новой чести — меня произвели в лейтенанты.

¹ Имеется в виду война Сопротивления против французских колонизаторов (1945—1954 гг.).

И знаешь за что? — Винь Ко показал руку, на которой недоставало четырех пальцев. Тхюи впервые внимательно рассмотрела эту руку. — А хорошо известная тебе тетушка Ти, — продолжал Винь Ко, — это и есть моя тетя».

Винь Ко с улыбкой смотрел на Тхюи, глаза которой округлились от изумления...

Каких только неожиданностей не бывает на свете! Особенно в годину войны и революции... Тхюи не могла прийти в себя от удивления, ведь до самого последнего момента она думала, что Винь Ко... Да и кто же мог предположить такое! «Выходит, наши люди есть повсюду», — подумала она с удовлетворением.

А как же Кхиет? Может ли такой человек, как Кхиет, быть в стороне от революционной деятельности? Помнится, как-то раз он обронил, что вместе со своими друзьями принимал участие в антиправительственных выступлениях. Но способен ли Кхиет бороться с врагом так, как борются тетушка Ти, Винь Ко, Тхюи и ее друзья? Или он лишь участвует в антиправительственных демонстрациях, присоединяясь к тем, кто открыто выступает за национальный суверенитет? Сейчас многие участвуют в борьбе за изгнание из страны американцев, но какова в этой борьбе роль Кхиета? Ее Кхиета... Тхюи поймала себя на том, что мысленно произнесла «мой Кхиет». Ну и что из этого? Она вступила на путь подпольной революционной деятельности, что же мешает ей идти по нему вместе с Кхиетом? Но... возможно ли это? Вряд ли. И потом, если рядом будет Кхиет, ей станет труднее справиться с поручениями организации. Нет, если люди близки, их пути не могут навсегда разойтись, у них ведь общее дело, общая цель. А вдруг Кхиет не захочет избрать тот путь, на который вступила она?... Тогда ей придется отказаться от него, такой Кхиет ей не нужен! Он должен быть сильнее, тверже, чем она. Но как добиться того, чтобы Кхиет стал таким, каким она хочет его видеть? Может быть, именно она, Тхюи, должна помочь ему в этом? Тхюи вдруг спохватилась: ведь Кхиет — человек образованный, не чета ей, он разбирается во многих вещах куда лучше, чем она... И потом... Жизнь его сложилась довольно благополучно, ему не пришлось хлебнуть столько горя, сколько досталось на ее долю. Ведь она сознательно

вступила на путь борьбы... Да, их жизненные пути очень, очень несхожи...

— Тхюи, крошка моя, ты, кажется, уже повеселе-ла? — заботливо спросил Дорис, оторвав Тхюи от ее мыслей.

— Да, теперь мне совсем хорошо! — живо отозва-лась Тхюи и кокетливо добавила: — Рядом с вами, гос-подин майор, нельзя долго оставаться грустной, даже если на то есть причины, — сказала она, водя рюмкой по столику, а перед глазами стоял Кхьет. Лучше бы не было этой сегодняшней встречи! О небо, дай ей силы вынести все это!

У Дориса радостно заблестели глаза, он восторжен-но зааплодировал:

— Bravo, Тхюи! Ты очень изысканно выразила свою мысль по-английски, прямо как настоящая леди! Ты делаешь большие успехи!

— Мне хотелось бы еще лучше овладеть английским языком, но, к сожалению, у меня нет для этого возмож-ностей, господин майор!

К такому неожиданному психологическому ходу Дорис не был готов. Он удивленно спросил:

— Но почему же? Разве ты не посещаешь курсы английского языка?

— Я ходила на курсы, но мне осталось всего лишь несколько занятий, а потом придется бросить, потому что хозяйка приказывает мне работать в баре сверх-урочно.

Дорис молча, внимательно слушал Тхюи, ее тихий, мелодичный голос ласкал слух. Он поймал себя на том, что не мог прожить и недели, не слыша ее голоса, ее смеха, не видя ее лица. Видеть ее, слышать ее стало для него потребностью. Он ничего не мог с собой поде-лать — Тхюи безраздельно владела его сердцем, она была ему необходима. Когда он был еще в Америке и речь заходила о Вьетнаме, Дорис обычно прикидывал в уме, какой доход может принести добыча олова, каучу-ка или какого-нибудь другого стратегического сырья, но ему никогда не приходило в голову, что в этой дале-кой стране он встретит девушку такой необыкновенной красоты и что она завладеет его сердцем...

— Может, я смогу помочь тебе? — задумчиво спро-сил Дорис, машинально теребя кожаную сумочку Тхюи.

— Каким образом, господин майор?

— Я переговорю с мадам Джиной, и ты будешь заниматься английским языком каждый день, отлучаясь на время занятий из бара, или вообще будешь приходить в бар тогда, когда тебя это устраивает. Все расходы я возьму на себя, я возьму мадам Джине все убытки.

Дорис сказал это без всякой рисовки, как будто речь шла о совсем пустячном и давно решенном деле.

Тхюи не предполагала, что с такой легкостью добьется успеха. Даже тетюшка Ти не надеялась на это. Ведь добиться какой-нибудь уступки от мадам Джины можно было только с помощью Дориса. Он был и средством для достижения цели и самой целью. Всего лишь несколько дней назад выполнение задания, которое получила Тхюи, казалось ей делом очень сложным. Тетюшка Ти продумала все способы, с помощью которых можно было добиться желаемых результатов, взвесила все возможности. И вот...

— А это не слишком затруднит вас, господин майор? — Тхюи отпила глоток оранжада. Ей хотелось скрыть свою растерянность и вместе с тем показать, как она тронута отзывчивостью Дориса.

— Нет, ничуть не затруднит. Если ты будешь продолжать учебу, мне это доставит лишь радость. Такая красивая девушка должна уметь свободно говорить по-английски. Более того, ты должна уметь изъясняться на нескольких иностранных языках. Английский язык стал теперь общеупотребительным в вашей стране, так что ты совершенно права: надо овладеть им. — И Дорис медленно заговорил по-вьетнамски: — Каждому порядочному мужчине хотелось бы, чтобы у его избранницы были хорошие манеры, чтобы она держалась скромно и учтиво в обществе, привлекала бы своей общительностью и обаянием, умела бы вести хозяйство, была бы искусной кулинаркой. Ты никогда не думала об этом?

Тхюи отрицательно покачала головой.

— Никогда и ни от кого я не слыхала ничего подобного, господин майор.

— Значит, я заговорил об этом как раз вовремя, — Дорис придвинул свой стул поближе к стулу Тхюи. — Ну-ка, скажи все это по-английски...

— Каждому порядочному мужчине хотелось бы... — Тхюи старательно выговаривала английские слова, — ...чтобы его избранница... — Тхюи внимательно следила за своим произношением, — ...имела хорошие манеры, держалась скромно и приветливо в обществе...

Тхюи перевела на английский все, что сказал Дорис. Сейчас она показалась Дорису еще прелестнее. Она говорила по-английски с такими же мягкими, певучими интонациями, как и по-вьетнамски. Ее ровные, ослепительно белые зубки — такие он видел только у вьетнамок — влажно блестели, а губы энергично двигались, усиливая произношение английских слов. Дорис вдруг подумал, что затруднился бы дать точное определение чувству, которое влекло его к Тхюи: это не просто легкое, быстро проходящее увлечение, это что-то гораздо более значительное, созревшее где-то в тайниках его души.

— Ты не закончила фразу... Ну-ка, скажи по-английски: умела бы вести хозяйство и была бы искусной кулинаркой.

Тхюи задумалась, шевеля губами и тщетно пытаясь вспомнить выражение «вести хозяйство». Может быть, оно ей и встречалось, но она его забыла! Нет, наверняка в программе шестимесечных курсов, рассчитанной на ускоренное обучение девушек, обслуживающих в барах американцев, этого выражения не было. Но, кажется, она встречала его в словаре. Тетушка Ти и Винь Ко не раз говорили Тхюи, что надо найти время и изучать язык самостоятельно, чем лучше она будет знать английский язык, тем больше пользы сможет принести их общему делу. Тхюи старательно учила английский, но пока ее знания оставляли желать лучшего.

— ...Вести хозяйство... Я не знаю, как это будет по-английски! — растерянно сказала Тхюи и потянулась за своей сумочкой, чтобы достать карманный словарь.

Дорис остановил ее:

— Не надо. Старайся побольше говорить и обходиться без словаря.

— Но... если я не знаю нужного английского слова? — Тхюи вскинула на Дориса удивленный взгляд. — Как тогда быть?

В выражении глаз Дориса появилось что-то необыч-

ное, какая-то решимость. Он крепко сжал руку Тхюи, не давая ей достать из сумочки словарик.

Тхюи осторожно высвободила руку.

— Когда учишься говорить на иностранном языке, старайся прибегать к помощи словаря только в случае крайней необходимости, — сказал Дорис, — и попытайся вспомнить то, что учила. — Дорис постучал пальцем себе по лбу и назидательным тоном произнес: — Вот где у тебя должен быть словарь. Заставь свою головку работать, старайся запомнить как можно больше слов, их точное значение. Ты меня понимаешь?

— Да.

Дорис поправил воротничок рубашки.

— Ну, а теперь продолжим. Я подскажу тебе. Повторяй за мной.

Тхюи охотно подчинилась.

Дорис похвалил:

— Молодец! Ты схватываешь на лету!

И Тхюи без запинки повторила по-английски всю фразу — от начала до конца.

Дорис кивал головой, он был явно доволен.

— Ты просто молодчина, я буду тебя учить. Как только у меня выпадет свободная минутка, я буду с тобой заниматься английским.

Тхюи не скрывала своей радости.

— Это правда, господин майор? Вы не шутите? Вы действительно будете учить меня английскому?

— Конечно, не шучу, а кроме того, ты будешь по-прежнему посещать курсы.

— Спасибо, господин майор, — сказала Тхюи и почувствовала, что ее ладонь стала влажной от пота. Кто бы мог подумать, что ей так быстро удастся добиться успеха и в этом. Однако нельзя отвлекаться от цели, нельзя думать о другом. Нужно как-то избавиться от этого напряжения, иначе Дорис заметит ее состояние. Она уже сделала первый значительный шаг, неплохо справилась со своей ролью. И впредь именно она, Тхюи, — а не Дорис — должна задавать тон, именно она должна направлять их беседу в нужное русло. Кхиет! Где ты, Кхиет!.. Образ Кхиета неумолимо преследовал ее. Милый, единственный, нежданно посланный судьбой... Кхиет, только ты один всегда будешь в моем сердце... Никогда не забыть мне твоей заботы и нежно-

сти. То, что ты подарил мне, я буду хранить как бесценную реликвию... Голубенькую зубную щетку, белую коробочку из-под мыла и старенькие сандалии, которые ты отдавал в починку. Все это я буду бережно хранить, как храню платье своей матери.

Она до мельчайших подробностей помнит то погожее утро. Это было в воскресенье, когда в больнице обычно мало врачей, зато полно посетителей, которые пришли навестить больных. Тхюи молча лежала, погруженная в свои мысли, она думала о матери, о брате, о Кхиете. И вдруг вошел Кхиет! Он появился так неожиданно, что она растерялась. Стоило ей лишь подумать о нем, как он вдруг появился! И это в воскресенье, в свободное от практики время! Впервые она видела его без белого халата. Разговаривая с ней, Кхиет вел себя как-то необычно — почему-то поставил свой стул подальше от ее кровати, упорно отводил взгляд... Внимательно глядя куда-то в сторону, он вдруг вскочил, вытащил из-под кровати старенькую, выпачканную глиной сандалию Тхюи и направился в соседнее подсобное помещение, где была раковина. Она услышала как полилась вода. Тхюи поднялась, но ей было трудно передвигаться по выщербленному сырому кафельному полу в одной сандали. Добравшись до порога, отделявшего палату от служебного помещения, она остановилась, опершись о косяк двери. В этот момент Кхиет оглянулся, их взгляды встретились, но он лишь молча склонился над раковиной, продолжая отмывать от грязи сандалию Тхюи. Коротко подстриженные волосы, сосредоточенное лицо... Маленьким ножичком он счищал глину с сандалии, его тонкие худые пальцы были перепачканы грязью... Отмывая сандалию, он забрызгал грязной водой кафельный пол, на котором были изображены листья люфы — зеленый цвет вперемешку с коричневым...

Неужели их судьбы разошлись навсегда? Или все-таки есть надежда, что когда-нибудь они будут вместе?.. Ведь сейчас между ними непреодолимая преграда, сейчас их чувство должно быть глубоко похоронено...

Но разве на ее долю выпало мало страданий и несчастий? Разве не имеет она права на личное счастье? И без тебя, дорогой Кхиет, это счастье невозможно!

Дорис играл спичечным коробком, размышляя о чем-то своем.

— Это правда, господин майор? Вы не шутите?

Не уловил ли он фальши в ее голосе? Тхюи, будь осторожна!

А Дорис вспоминал их первую встречу. В этот день знакомый вьетнамец, занимавший значительный пост в одном из министерств, пригласил его отведать знаменитое вьетнамское блюдо... Какое же это было блюдо? Ах да, лапша с говядиной — по-вьетнамски она называется «фё». Очень вкусное кушанье, обильно сдобренное перцем! Основательно подкрепившись, они зашли в бар «Джина», и он сразу же заметил Тхюи. Он был в этом баре второй раз. Впервые он попал сюда месяца четыре назад. Он слышал, что бар «Джина» посещают главным образом офицеры, что это довольно респектабельное заведение, но он с первого взгляда определил, что «Джина», по существу, ничем не отличается от других баров Дананга. Ничего особенного. В Сайгоне он считал наиболее приличным бар «Пагода» да еще рестораны в гостиницах «Каравелла» и «Континенталь». Там можно было выпить и спокойно посидеть, просматривая газеты. Обслуживающий персонал целиком состоял из мужчин. В связи с чрезвычайным положением в Сайгоне действовал приказ высшего командования, согласно которому офицерам запрещалось посещать бары. В Дананге были свои правила, а бар «Джина» среди других отличался своими особыми порядками. Но Дорис только из-за Тхюи стал бывать в этом баре, и сам отлично осознавал это.

Он любил работать в спокойной обстановке, но совершенно не переносил неуютного одиночества в часы отдыха.

— Если бы в такие минуты рядом со мной была крошка Тхюи! — вслух подумал Дорис, он сидел, подперев рукой подбородок, и вопросительно смотрел на Тхюи.

— Что вы сказали, господин майор? — Тхюи инстинктивно поняла, что наступил тот самый удобный случай.

— Что я сказал? Ах, да... — Дорис переменял позу, не отрывая взгляда от лица Тхюи. Какие у нее длинные, загнутые ресницы, какой загадочный огонь таится

в глубине глаз! — Я сказал, что иногда человеку становится нестерпимо собственное одиночество. Если бы ты согласилась...

— А вы, господин майор, разве живете один?

— Конечно. И живу и работаю в одном и том же помещении.

Тхюи вспомнила наставления тетушки Ти. «Никогда не забывай, что Дорис — майор разведывательного управления. Нетрудно предположить, что майор догадывается, что кому-нибудь — тебе или кому-то другому — поручено следить за ним, но он делает вид, что не знает об этом, — более того, он даже предоставит тебе возможность действовать спокойно... До поры до времени, конечно, а потом ты окажешься в ловушке. Нужно всегда быть начеку...»

Да, он человек непростой, этот Дорис, что сидит сейчас рядом с ней...

Тхюи хорошо помнила все, чему учила ее тетушка Ти. Кхьет, где ты? Если бы в трудную минуту ты снова пришел на помощь...

На лбу Тхюи выступили капельки пота. Она посмотрела на Дориса внимательным, изучающим взглядом и сказала нерешительно:

— Я могла бы заглядывать к вам иногда на минутку-другую. Я не вижу в этом ничего дурного... Но... но ведь у вас военное учреждение, а я — вьетнамка: боюсь, мне не совсем удобно появляться там... Право, неудобно...

— Почему? Вовсе нет! — Дорис сделал жест, словно речь шла о совсем пустячном деле. — Я живу очень просто, как и вообще все американцы. Кстати, в нашей гостинице работает много вьетнамцев, мы с ними свободно общаемся.

Уже давно не только Тхюи, но и многие другие знали, что в этой «американской» гостинице работает немало вьетнамцев. Это были люди, выполняющие специальные задания американцев, их постоянные агенты. Они были еще более осмотрительными, чем их хозяева. Продажные людишки: достойные всяческого презрения, они зачастую выступают в роли учителей, по несколько часов в неделю чему-то обучая американцев в каких-то частных школах, некоторые из них работают в торговых фирмах. Иногда в гостинице появляются бросившие уче-

бу студентки, они заводят знакомства среди американцев и постепенно тоже приобщаются к делу. Они постоянно торчат в кафе, в барах — везде, где собираются люди. Иногда агенты одеваются щегольски, привлекая внимание экстравагантной одеждой, иногда, напротив, принимают вид оборванцев, одеваются нарочито небрежно и бедно... Эти типы вынюхивают и выслеживают не хуже собак-ищеек, добывая для хозяев информацию разного рода.

Тхюи набралась смелости:

— Тогда я как-нибудь загляну к вам, господин майор...

Дорис крепко обнял Тхюи за плечи, и глаза его заблестели.

— Ты это серьезно говоришь? Не обманешь?

— Конечно, серьезно, потому что у меня тоже бывают моменты... бывают моменты, когда...

— Бывают моменты, когда?.. Почему ты не договариваешь?

Дорис нетерпеливо потряс Тхюи за плечо. В эту минуту сз. показался Тхюи даже помолодевшим. Но она молчала, словно боясь выдать свои чувства, словно не решаясь сказать того, о чем думает.

— Бывают моменты, когда мне недостает... вас, господин майор... Иногда я тоже чувствую себя ужасно одинокой, незащищенной...

И тут Тхюи похолодела от ужаса. Что она наделала?! Но назад пути нет: она должна выдержать и это испытание. Иногда все решается в какие-то доли секунды, надо уметь использовать момент, не упустить инициативу.

Дорис продолжал смотреть на Тхюи настороженным, изучающим взглядом. Его сплетенные руки спокойно лежали на столе. «Как чистосердечно, искренне она это сказала, — подумал он, — будто никогда никого не обманывала... и обмануть ее просто грех. Если бы то же самое сказала любая другая девица из бара, меня бы это ничуть не взволновало. Но она... Она — совсем другое дело. Неужели она говорит то, что думает? Однако ведь лицо — зеркало души, а на ее лице все написано...»

— Тхюи, мы сейчас же поедем ко мне в гостици-

цу, — сказал вдруг Дорис решительным тоном, доставая карманные часы и ключ.

— Сейчас? О, это невозможно! — Тхюи вздрогнула и покачала головой. — Уже поздно. В следующий раз, ладно?

Дорис убрал часы в карман, сказал разочарованно:

— Стало быть, ты не хочешь сделать мне приятное?

В его голосе появились требовательные нотки, в глазах блеснули нетерпеливые огоньки.

Тхюи отвела взгляд от его лица и прошептала в отчаянии:

— Нет, вы неправильно меня поняли, господин майор, — она старалась говорить мягко, — просто я боюсь, что обо мне будут беспокоиться дома, я ведь не предупредила заранее...

Дорис повертел в руках спичечный коробок и посмотрел прямо в глаза Тхюи.

Тхюи вспыхнула. Еще немного — и она бы не выдержала взгляда Дориса, холодного и настороженного. Никогда еще он не смотрел на нее так. У Тхюи вдруг появилось чувство, что Дорис прочитал ее мысли, что он видит ее насквозь, и слова, которые она только что слышала, сказал не он, а какой-то другой Дорис, вовсе не тот, что сидит рядом с нею. И в самом деле, рядом с нею совсем незнакомый человек со злыми, насмешливыми огоньками в глазах, под его изучающим взглядом Тхюи стало жутко, она словно почувствовала дыхание смерти... Но она выдержала этот взгляд, продолжая спокойно сидеть на своем месте и убеждая себя: надо быть как можно спокойнее, надо сохранять самообладание... Какое тяжелое молчание, какое ужасное напряжение...

Дорис первым нарушил молчание:

— Но ведь другие девушки из бара, закончив работу, идут гулять со своими кавалерами, не так ли?

И тут же он пожалел о том, что сказал, и поспешил исправить ошибку:

— Ну ладно, пусть будет по-твоему, я уступаю.

Он поднялся, собираясь уходить, взгляд его смягчился. Перед ней снова был прежний Дорис.

— Спасибо вам, господин майор. Давайте условимся встретиться в другой раз, когда у нас будет больше свободного времени.

— Прекрасно! Ты предусмотрительна, это неплохо! — Дорис подал Тхюи руку и пропустил ее вперед. — Вьетнамские девушки всегда славились своей красотой, умом и какой-то особой внутренней силой.

Дорис распрощался с Тхюи, которая проводила его до двери, и покинул бар.

Тхюи вернулась на свое место. Снова она представила себе выражение глаз Дориса, припомнила до мельчайших подробностей все, что он говорил. «Стало быть, он живет и работает в одном и том же месте?» Не сказала ли она чего-нибудь лишнего? Интересно, о чем он сейчас думает? Тхюи достала носовой платок и вытерла капельки пота, выступившие на лбу.

Посетители расходились. Потушены яркие лампы, все вокруг погрузилось в тусклый полумрак.

Тетушка Ти говорила Тхюи: «Иногда американские офицеры получают некоторые привилегии — в зависимости от занимаемого поста — и ведут себя довольно вольно, пренебрегая официальными правилами. Мы должны уметь пользоваться их промашками».

Но Дориса действительно трудно «взять на крючок». Вот уже три месяца, как Тхюи ищет способы для выполнения порученного ей задания. И только сегодня Дорис стал наконец чуть податливее, только сегодня ей, кажется, удалось подобрать к нему ключи.

ХА КХАНЬ ЛИНЬ
ДЕВУШКА ИЗ БАРА

Редакторы *М. А. Финогенова, Е. А. Приказчикова*
Художник *А. И. Ременник*
Художественный редактор *А. П. Кулцов*
Технический редактор *Г. Б. Кочеткова*
Корректор *И. М. Лебедева*

Сдано в набор 1.10.76. Подписано в печать 22.02.77.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн.
печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,42. Тираж 50000 экз.
Заказ № 583. Цена 1 р. 39 к. Изд. № 22779.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 21

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградской типографии № 2 имени Евгении Соко-
ловой Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 198052, Ленинград,
Л-52, Измайловский проспект, 29, с матриц ордена
Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного
Знамени Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
Москва, М-54, Валовая, 28